

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Цао Сюэ-цинъ

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

ТОМ 2

« И Н О С Т Р А Н К А »

Сон в красном тереме

Цао Сюэцинъ

Сон в красном тереме. Том 2

«Азбука-Аттикус»

1791

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

Сюэцинь Ц.

Сон в красном тереме. Том 2 / Ц. Сюэцинь — «Азбука-Аттикус»,
1791 — (Сон в красном тереме)

ISBN 978-5-389-24592-1

Роман «Сон в красном тереме», впервые целиком изданный в 1791 году, не просто входит в золотую сокровищницу китайской классической литературы (наряду с «Троецарствием», «Речными заводами» и «Путешествием на Запад»), – по стилю написания и принципу построения сюжета он сильно приближен к современному роману и, возможно, поэтому пользуется особой симпатией среди читателей. В книге рассказана история расцвета и разорения большой богатой семьи, бездумно растратившей свои богатства, что навлекло на нее множество бед и невзгод. Широкою популярностью роману принесли изящный слог, фантастические события, любовные приключения и подробные описания быта. В настоящем издании «Сон в красном тереме» печатается по двухтомнику 1958 года, однако переводы многочисленных стихотворений, составляющих важную часть романа, печатаются по изданию 1997 года, для которого переводчик Лев Николаевич Меньшиков заново пересмотрел и поправил свои тексты. Роман сопровождается оригинальными иллюстрациями китайских художников. Во второй том вошли последние шестьдесят глав романа.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-389-24592-1

© Сюэцинъ Ц., 1791
© Азбука-Аттикус, 1791

Содержание

Глава шестьдесят первая, в которой речь пойдет о том, как Бао-юй покрывал воровство, чтобы, «бросая камень в крысу, не разбить вазу», и как Пин-эр вершила справедливый суд, пользуясь своими правами	8
Глава шестьдесят вторая, которая повествует о том, как опьяневшая Сян-юнь спала на подушке из опавших лепестков гортензии и как глупая Сян-лин испачкала юбку из гранатового шелка	16
Глава шестьдесят третья, повествующая о том, как во «дворе Наслаждения розами» был устроен ночной пир по случаю дня рождения и как родственники хоронили того, кто умер от пилюль бессмертия	34
Глава шестьдесят четвертая, из которой читатель узнает о том, как чистая и добродетельная девушка написала пять стихотворений, в которых оплакивала пять красавиц древности, и как молодой распутник преподнес в подарок «подвеску девяти драконов»	48
Глава шестьдесят пятая, из которой можно узнать о том, как Цзя Лянь тайно от всех взял себе в жены Ю Эр-цзе и как Ю Сань-цзе задумала во что бы то ни стало выйти замуж за Лю Сян-ляня	62
Глава шестьдесят шестая, в которой речь пойдет о том, как любящая девушка, оскорбленная в своих чувствах, ушла в иной мир и как безжалостный юноша с холодным сердцем вступил в секту пустоты	70
Глава шестьдесят седьмая, из которой читатель узнает о том, как, глядя на подарки, Дай-юй вспоминала о родных краях и как, раскрыв тайну, Фын-цзе допрашивала слугу	78
Глава шестьдесят восьмая, повествующая о том, как многострадальная Ю Эр-цзе была обманным путем перевезена в «сад Роскошных зрелищ» и как ревнивая Фын-цзе учинила великий скандал во дворце Нинго	89
Глава шестьдесят девятая, прочитав которую можно узнать о том, как Фын-цзе задумала чужими руками убить человека и как Эр-цзе, почувствовав безвыходность своего положения, покончила с собой, проглотив золото	99
Глава семьдесятая, в которой речь пойдет о том, как Линь Дай-юй возродила общество под названием «Цветок персика» и как Ши Сян-юнь случайно написала стихи об ивовых пушинках	108
Глава семьдесят первая, которая повествует о том, как обиженные и недовольные старались породить недовольство и вражду и как влюбленные неожиданно повстречались с Юань-ян	119
Глава семьдесят вторая, в которой говорится о том, как самонадеянная Ван Си-фын стыдилась говорить о своей болезни и как жена Лай Вана, пользуясь своим положением в доме, сватала собственного сына	130
Глава семьдесят третья, в которой рассказывается о том, как глупая девчонка случайно подобрала вышитый мешочек с любовным зельем и как робкая барышня не осмеливалась потребовать возвращения своего золотого феникса	139

Глава семьдесят четвертая, из которой читатель узнает о том, как подозрение в разврате и клевета повлекли за собой обыски в «саду Роскошных зрелищ» и как желание укрыться от сплетен и ссор вызвало разрыв с дворцом Нинго	148
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Цао Сюэ-цинъ

Сон в красном тереме. Том 2

Cáo Xuěqín
HÓNGLÓUMÈNG

© В. А. Панасюк (наследник), перевод, комментарии, 2023

© Л. Н. Меньшиков (наследник), перевод стихов, комментарии, 2023

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Глава шестьдесят первая, в которой речь пойдет о том, как Бао-юй покрывал воровство, чтобы, «бросая камень в крысу, не разбить вазу», и как Пин-эр вершила справедливый суд, пользуясь своими правами

Итак, тетка Лю, выслушав мальчика-слугу, сказала:

– Ах ты, моя обезьянка! Твоя тетя нашла себе старика! Разве теперь у тебя не стало на одного дядю больше? В чем же ты меня подозреваешь? Смотри, как бы я тебя не оттаскала за космы! Ну-ка, открывай скорей.

Все еще не открывая ворот, мальчик с улыбкой попросил:

– Тетенька, когда будешь возвращаться, принеси мне несколько абрикосов в награду! Я буду ждать здесь! Смотри не забудь, а то придешь ночью играть в кости и пить вино, я тебе ни за что не открою – можешь стучаться и звать кого хочешь.

– Сумасшедший! – выругалась тетка Лю. – Разве в нынешнем году у нас такие порядки, как раньше? Ведь сад отдан на откуп мамкам. Стоит на минуту остановиться под деревом, они так и впиваются в тебя глазами. А если тронуть фрукты!.. Твои родные тетки присматривают за садом, почему ж ты не просишь абрикосов у них, а вздумал обратиться ко мне? Это все равно, как если бы «крыса стала просить зерна у журавля»! Если зерна нет у крысы, живущей в амбаре, откуда ему быть у птицы, которая летает под небесами?!

– Ладно, – улыбнулся мальчик-слуга. – Зачем столько разговоров! Мне кажется, теперь я вам не нужен... Но хотя ваша дочка получила хорошее место, все равно ей не раз придется к нам обращаться! Без нас ей не обойтись!

– Ох и хитер ты! – улыбаясь, воскликнула тетка Лю. – Какое же это место получила моя дочка?

– Не притворяйся, я все знаю! – ответил мальчик. – Неужели ты думаешь, что только у тебя есть свой человек в доме?! Я прислуживаю у ворот, но в доме служат две моих сестры, занимающие положение. Так что не вздумай меня обманывать!

Разговор прервали женщины-служанки, которые кричали:

– Эй ты, маргышка, передай тетушке Лю, пусть идет скорее!

Услышав голоса женщин, тетка Лю мгновенно поспешила к ним.

– Успокойтесь, я здесь, – отозвалась она.

Она вошла в кухню, где находилось несколько служанок: они не осмеливались хозяйничать и дожидались ее прихода.

– Куда ушла У-эр? – осведомилась у них тетка Лю.

– В чайную, к подругам, – ответили ей.

Тетка Лю поспешно спрятала порошок фулин и принялась рассылать ужин по комнатам девушек-служанок. В этот момент прибежала Лянь-хуа, маленькая служанка из дома Ин-чунь, и сказала тетке Лю:

– Сестра Сы-ци просила, чтоб ты прислала ей на ужин яйца всмятку.

– Больно дорого, – проворчала тетка Лю. – Не знаю, почему в этом году яиц мало, даже за десять монет яйцо не достанешь. Вчера господа посылали своим родственникам продукты и едва набрали две тысячи яиц, хотя покупать их ходили несколько приказчиков. А где я возьму яйца? Скажи Сы-ци, когда будут яйца, тогда и отведает.

– Недавно она попросила соевого творога, а ты приготовила кислый, и мне за это попало, – вспомнила Лянь-хуа. – Сейчас она просит яиц, а ты отказываешь. Неужто яйца такая редкость? Я не верю, что у тебя их нет. Лучше не заставляй меня искать!

Тетка Лю не успела ответить, как девочка сняла крышку со стоявшего тут же ящика. В ящике лежало около десятка яиц.

– А это что такое? – ехидно улыбаясь, спросила она. – Вот ты какая! Почему жадничаешь? Не ты нас кормишь, а господ! Сама, что ли, снесла эти яйца? Почему не хочешь их отдавать?

– Не болтай! – прикрикнула на нее тетка Лю, прекратив работу. – Может быть, твоя мать несет яйца! Я оставила для барышень несколько штук на приправу. Если отдать их вам, а они вдруг потребуют – что я отвечу? Вы там живете безо всяких хлопот, «принесли воду – подставляй руки, принесли поесть – разевай рот». Для вас яйца вещь обычная, и вы не знаете, сколько они стоят на рынке!.. Но об этом я уж не говорю – погодите, пройдет немного времени, и настанут такие денечки, что даже корешка от травы не сыщете! Я уговаривала их быть поскромнее – и так ведь каждый день едят рис, кур да уток. А они с жиру бесятся и что ни день устраивают скандалы. То им яйца, то соевый творог, то лапшу, то соленую репу – требуют что кому вздумается! Но я не вам прислуживаю. Если каждая служанка станет требовать для себя отдельное блюдо, придется готовить целый десяток и мне для самих господ некогда будет готовить.

– Кто это каждый день заказывает отдельные блюда? – покраснев от возмущения, закричала Лянь-хуа. – Ты наговоришь с три короба! Разве тебя здесь поставили не для того, чтобы ты готовила и для нас? Почему, когда недавно Чунь-янь сказала тебе, что Цин-вэнь просит приготовить для нее стебли сухой полыни, ты сама стала упрашивать ее съесть курочку или мясо? А когда Чунь-янь ответила, что мясное ей не нравится и попросила приготовить нежирную лапшу, ты заторопилась, вымыла руки и сразу начала варить! Потом сама побежала туда и прислуживала ей, как собачонка! А теперь на мне решила отыграться и отчитываешь меня при всех!

– Амитофо! – всплеснула руками тетка Лю. – Вы только послушайте, что она болтает! С самого прошлого года так повелось, что если кому-нибудь из барышень или служанок хочется поесть отдельно, они заранее присылают денег на покупку продуктов. Барышень и служанок наберется человек сорок, а то и пятьдесят, и каждый день они требуют по две курицы, по две утки да по десять – двадцать цзиней мяса. Посчитайте сами, может ли на это хватить связки монет, выдаваемой на овощи! С трудом удастся накормить всех два раза в день, а тут еще одна заказывает то, другая – это. Обычных блюд вы не едите, требуете чего-то особенного!.. Если хотите, попросите госпожу, чтобы вам прибавили жалованья и готовили так, как на главной кухне готовят для старой госпожи. Тогда можете переписать все блюда, которые есть в Поднебесной, и каждый день просить новые. Пройдет месяц, подсчитывайте и расплачивайтесь наличными! Позавчера третьей барышне Тань-чунь и барышне Бао-чай захотелось бобовых ростков, жаренных на масле, они прислали мне пятьсот медных монет. Но я только рассмеялась и сказала: «Если б у барышень были такие большие животы, как у Будды Матрейи, все равно им не съесть на пятьсот монет. На то, что они просят, требуется лишь двадцать – тридцать монет». И я понесла лишние деньги им обратно. Но они не приняли их и сказали, что это мне на угощение. И при этом добавили: «Нынче кухня у нас близко, поэтому, видимо, к вам ходят и клянчат то одно, то другое. Одному нужен уксус, другому соль – а все это стоит денег. Не дать – нехорошо, а дать – никто не заплатит. Если не хочешь принять от нас подарок, можешь этими деньгами возместить то, что ты раздавала». Это значит, что они сочувствуют слугам, и мы готовы молиться на них. Но тут, как назло, наложница Чжао узнала об этом. Она решила, что на нас деньги сыплются как из мешка, и давай каждый день присылать к нам свою служанку. Прямо смешно! А вы с нее берете пример! Разве я могу на свои деньги делать все?!

Между тем Сы-ци, которой надоело ждать ужин, прислала другую служанку, чтобы поторопить Лянь-хуа.

– Ты что, подохла здесь? – закричала та, вбегая на кухню. – Почему до сих пор не принесла ужин?

Рассерженная Лянь-хуа покинула кухню и, возвратившись домой, рассказала Сы-ци о своем столкновении с теткой Лю, сильно сгустив краски. Девушка вся вспыхнула от возмущения.

Сы-ци только что вернулась от Ин-чунь, которой прислуживала за обедом. Остальные девочки-служанки уже ели. Увидев Сы-ци, они поспешно встали и предложили ей сесть. Однако Сы-ци, не обращая на них внимания, закричала:

– Все овощные блюда, которые принесли из кухни, выбросить собакам! Пусть на нас не наживаются!

Девочки переполошились, но не осмелились возражать и поспешили выполнить ее приказание, хотя некоторые пытались успокоить Сы-ци, уговаривая ее:

– Вы, барышня, неправильно поняли эту девочку! У тетушки Лю ведь не восемь голов, а только одна, неужели она осмелилась бы обижать вас?! А яйца сейчас действительно трудно достать! Но мы доказали тетушке, что она не права. Она поняла свою ошибку и готовит для вас то, что вы просили. Если не верите, барышня, пойдите сами и убедитесь!

Уговоры подействовали, и Сы-ци постепенно успокоилась. Девочки-служанки, не успевшие выбросить кушанья, снова принялись за еду. Правда, Сы-ци еще немного поворчала на них, но в конце концов все закончилось мирно.

Между тем тетка Лю тоже ворчала и гремела посудой, однако яйца сварила и велела отнести их Сы-ци. Сы-ци не хотела ничего принимать и все выбросила. Служанка, которая носила ей ужин, решила об этом умолчать, чтобы скандал не начался снова.

Оставшись одна, тетка Лю дала У-эр полчашки супа и полчашки рисового отвара, а затем рассказала ей о порошке гриба фулин. У-эр, услышав об этом, во что бы то ни стало захотела подарить часть порошка Фан-гуань. Она отсыпала примерно половину, завернула в пакетик и, воспользовавшись тем, что наступили сумерки и все сидели по домам, решила пробраться в сад, намереваясь разыскать Фан-гуань.

Никем не замеченная, она добралась до ворот «двора Наслаждения розами». Однако сразу войти она сочла неудобным и остановилась поодаль в тени куста розы мэйгуй, наблюдая издали за тем, что происходит во дворе. Не прошло и времени, достаточного для того, чтобы выпить чашку чая, как из ворот вышла Чунь-янь. У-эр окликнула ее.

Чунь-янь сначала не поняла, кто ее зовет, но, подойдя поближе, узнала У-эр.

– Ты зачем здесь? – поинтересовалась она.

– Позови Фан-гуань, – попросила У-эр, – мне нужно с ней поговорить.

– К чему такая поспешность, сестра? – вкрадчивым голосом спросила Чунь-янь. – Она сама придет к тебе дней через десять! Зачем она тебе? Ее только что куда-то послали, и тебе придется подождать. Если тебе нужно ей что либо сказать, я могу передать. Я боюсь, что ворота сада скоро запрут на замок, так что тебе нельзя здесь долго оставаться.

У-эр вынуждена была оставить ей пакетик.

– Это для Фан-гуань, – сказала она.

Затем она рассказала Чунь-янь, что находится в пакетике, как обращаться с порошком, сколько нужно принимать за один раз, и в заключение добавила:

– Я достала немного этого порошка и хочу подарить ей. Если тебя не затруднит, передай ей этот пакетик!

С этими словами У-эр повернулась и поспешила к выходу из сада. Когда она проходила мимо «отмели Осоки», ей повстречалась жена Линь Чжи-сяо в сопровождении нескольких женщин. У-эр не успела спрятаться – пришлось подойти и справиться о здоровье управительницы дворца.

– Ты здесь? – удивилась жена Линь Чжи-сяо. – Я слышала, ты больна.

– Сейчас я чувствую себя немного лучше, – ответила У-эр, – мы вместе с мамой ходили гулять, и она послала меня во «двор Наслаждения розами» кое-что отнести.

– Тут что-то не то, – усомнилась жена Линь Чжи-сяо. – Я только что видела, как твоя мать выходила из сада, и заперла за ней ворота. Если мать посылала тебя сюда, почему она меня не предупредила? Почему позволила запереть ворота? Не врешь ли ты?

У-эр не знала, что ответить, и только произнесла:

– Мама посылала меня утром кое-что взять, но я забыла о ее поручении и только сейчас вспомнила. Она, наверное, думала, что я уже все сделала, поэтому ничего вам не сказала.

Растерянность и сбивчивый рассказ У-эр насторожили жену Линь Чжи-сяо, тем более что недавно Юй-чуань сообщила ей о пропаже в доме госпожи и о том, что допрашиваемые служанки решительно заявляли, что им ничего не известно.

В этот момент подошли Сяо-чань, Лянь-хуа и еще несколько служанок. Догадавшись, что здесь происходит, они посоветовали жене Линь Чжи-сяо:

– Вы бы задержали ее, госпожа Линь, да велели хорошенько допросить. Последние дни она то и дело бежит в сад, и никто не знает зачем.

– Это правда! – подтвердила Сяо-чань. – Вчера сестра Юй-чуань говорила мне, что у госпожи во флигеле взломали шкаф и утащили много вещей. Кроме того, вторая госпожа Фын-цзе послала барышню Пин-эр попросить у сестры Юй-чуань немного розовой эссенции мэйгуй, но оказалось, что пропала целая бутылка. Никто бы не узнал об этой пропаже, если б эссенция не понадобилась второй госпоже!

– Я ничего об этом не слышала, – вмешалась в разговор Лянь-хуа, – но бутылку от этой эссенции я сегодня видела.

– Где? – поспешно спросила жена Линь Чжи-сяо, которую Фын-цзе каждый день торопила поскорее расследовать случай кражи вещей из комнат госпожи Ван.

– На кухне, – ответила Лянь-хуа.

Взволнованная управительница приказала немедленно зажечь фонарь и отправилась на кухню устраивать обыск.

– Госпожа, мне эту эссенцию подарила Фан-гуань, служанка второго господина Бао-юя! – пыталась оправдываться У-эр.

– Мне все равно, Фан-гуань или Юань-гуань, – холодно отвечала управительница. – Если у тебя найдут краденую вещь, я доложу, а потом можешь оправдываться перед господами!

С этими словами она вошла на кухню, и Лянь-хуа услужливо показала ей место, где стояла бутылка из-под розовой эссенции. Предполагая, что здесь могут оказаться и другие краденые вещи, жена Линь Чжи-сяо приказала обыскать всю кухню. Был найден пакетик с порошком гриба фулин. Бутылку и порошок забрали, а У-эр повели к Ли Вань.

Надо сказать, что вследствие болезни сына Ли Вань стала уделять мало внимания хозяйственным делам, поэтому она отослала всех к Тань-чунь. Однако Тань-чунь уже ушла домой. Когда все приблизились к дому Тань-чунь, девушка умывалась, а ее служанки сидели во дворе и наслаждались свежим воздухом. Ши-шу вошла в дом, чтобы доложить о приходе жены Линь Чжи-сяо, однако через некоторое время она вышла и сказала:

– Барышня Тань-чунь велела передать, чтобы вы шли к Пин-эр и попросили ее сообщить обо всем второй госпоже Фын-цзе.

Фын-цзе уже собиралась ложиться спать, но, когда узнала о происшедшем, распорядилась:

– Надо дать матери У-эр сорок палок, и пусть ее больше никогда не впускают в ворота! У-эр пусть тоже дадут сорок ударов и отправят в деревню, а затем продадут или выдадут замуж.

Пин-эр передала приказание Фын-цзе управительнице. Но тут У-эр бросилась перед Пин-эр на колени и подробно рассказала, как Фан-гуань подарила ей эссенцию.

– В таком случае расспросим завтра Фан-гуань и узнаем истину, – ответила Пин-эр. – А что касается порошка фулин, то его прислали лишь позавчера, и пока старая госпожа и госпожа Ван не видели его, ничего нельзя было трогать, тем более красть.

Тогда У-эр рассказала, что порошок подарил ей дядя, которому тоже преподнесли его в подарок.

– Выходит, ты совсем не виновата, – улыбнулась Пин-эр, – и страдаешь по вине кого-то другого! Но сейчас уже время позднее, госпожа Фын-цзе отдыхает, и неудобно ее тревожить по всяким мелочам. Посиди-ка ночь под присмотром, а утром я обо всем доложу госпоже и тогда выясним, кто прав, кто виноват.

Жена Линь Чжи-сяо не осмелилась возразить, увела У-эр и приказала женщинам строго присматривать за девочкой и не отпускать ее от себя ни на шаг.

Когда управительница ушла, женщины стали укорять У-эр:

– Ну зачем ты вздумала заниматься такими неблагоприятными делами?

Другие же выражали недовольство и ворчали:

– И так по ночам нет покоя, а тут еще заставили сторожить эту воровку! Если мы не досмотрим, а она порешит с собой или убежит, опять будем виноваты мы!

Нашлись и такие, которые давно ненавидели семью Лю и, воспользовавшись моментом, стали злорадствовать и насмехаться над девочкой.

У-эр была возмущена несправедливостью, ее душил гнев, но жаловаться было некому. К тому же она была робкой девочкой. Ей хотелось чаю, но она боялась попросить, хотелось спать – а одеяла и подушки не было, просить же она не смела. Оставалось только плакать целую ночь.

А в это время служанки, не ладившие с теткой Лю и с У-эр, только зло посмеивались и не могли дожидаться, пока их врагов накажут и выгонят из дворца Жунго. Их бросало в дрожь при мысли, что утром обстоятельства могут измениться, поэтому, встав пораньше, они побежали с подарками к Пин-эр, надеясь, что она за них замолвит словечко и поможет им избавиться от недругов. При этом они, не жалея красок, старались описывать пороки У-эр и ее матери.

Пин-эр терпеливо выслушала всех, а когда они ушли, отправилась к Си-жэнь и спросила ее, подарила ли Фан-гуань девочке розовую эссенцию мэйгуй.

– Бао-юй дал эссенцию Фан-гуань, – подтвердила Си-жэнь, – но кому отдала ее Фан-гуань, я не знаю.

Си-жэнь стала расспрашивать у Фан-гуань, и та, напуганная расспросами, призналась, что отдала эссенцию У-эр, а когда все ушли, она рассказала об этом Бао-юю.

– С эссенцией мэйгуй уже разобрались, и все обошлось, – ответил ей взволнованный Бао-юй. – Но если начнут допытываться о порошке фулин, У-эр, конечно, расскажет все как было на самом деле. А когда узнают, что его подарил дядя, который прислуживает у ворот, он окажется во всем виноватым. Таким образом, человек страдает за свою же доброту.

Он тотчас позвал Пин-эр и сказал ей:

– Дело с эссенцией закончено, но как быть с порошком? Пусть лучше У-эр скажет, что порошок ей тоже дала Фан-гуань.

– Конечно, это было бы хорошо, но только она вчера вечером во всеулышание заявила, что порошок ей дал дядя, – возразила Пин-эр. – Как же ей теперь признаться, что порошок от тебя? И тот порошок, что пропал у госпожи, еще не найден! Если вещественные доказательства кражи обнаружены, разве можно простить девочку и искать другого виновного? Кто сознается?.. Да и всем остальным вряд ли это понравится!

– Зачем вы говорите глупости? – приблизившись к ним, с улыбкой сказала Цин-вэнь. – Порошок у госпожи украла Цай-юнь и подарила его Цзя Хуаню.

– А кто об этом не знает! – воскликнула Пин-эр. – Юй-чуань так убивается! Надо потихоньку допросить Цай-юнь, и, если она сознается, ее оставят в покое, да и других служанок перестанут допрашивать. А через некоторое время никому не захочется впутываться в это дело! Жаль лишь, что Цай-юнь до сих пор не признается и всю вину взваливает на Юй-чуань, уверяя, будто порошок украла она! Эти девушки живут как кошка с собакой, все в доме знают, как они грызутся. Разве при таком положении мы можем оставаться в стороне?! По крайней

мере мы должны все хорошенько проверить. Недаром говорят: «Кто обвиняет потерпевшего – сам вор». Но как мы можем обвинять Цай-юнь, если у нас нет доказательств?!

– Ладно, – решил Бао-юй, – всю вину я возьму на себя. Скажу, что просто пошутил, желая напугать Цай-юнь и Юй-чуань, поэтому стащил у матушки порошок. Таким образом, оба дела прекратятся.

– Конечно, убережь человека от репутации вора – дело доброе, – согласилась Си-жэнь. – Но если твоя матушка об этом узнает, опять скажет, что ты ведешь себя как мальчишка.

– Ерунда, – возразила Пин-эр. – Послать людей найти краденое в комнате наложницы Чжао очень просто, только при этом можно повредить кое-чьей репутации. О других можно было бы не заботиться, но этого человека задевать не стоит. Не хочется, «бросая камень в крысу, разбить вазу».

Она подмигнула и подняла кверху три пальца. Си-жэнь поняла, что речь идет о третьей барышне Тань-чунь.

– В таком случае разумнее всего, чтобы Бао-юй принял вину на себя, – поспешно заявили все, кто здесь присутствовал.

– А по-моему, нужно позвать Цай-юнь и Юй-чуань и хорошенько их допросить, – предложила Пин-эр, – иначе они подумают, будто я глупа и ничего не могла выяснить, – они ведь не знают, из-за кого мы так делаем. Если мы это дело так оставим, они еще больше пристрастятся к воровству и мы с ними ничего не сможем поделывать.

– Верно, – одобрительно заметила Си-жэнь, – нужно и о себе подумать!

Пин-эр распорядилась позвать двух служанок.

– Можете не волноваться, воровку уже нашли, – сообщила она девушкам.

– Кто же это? – вырвалось у Юй-чуань.

– Сейчас ее допрашивают в комнате второй госпожи Фын-цзе, и она во всем призналась, – ответила Пин-эр. – Но я сразу поняла, что она не виновата, и мне очень жаль, что она от страха сознается в том, чего не делала. Второй господин тоже жалеет ее и хотел взять часть вины на себя. Я могла бы раскрыть это дело, но вся беда в том, что настоящая воровка со мной в дружеских отношениях. С хозяйкой дома, где лежит украденное, можно было бы особенно не считаться, и пропажа легко бы нашлась, но я не хочу повредить репутации одного хорошего человека. Вот я и попала в затруднительное положение. Приходится просить второго господина Бао-юя принять на себя всю вину. Что вы об этом думаете, я вас спрашиваю? Если вы обещаете впредь соблюдать осторожность и заботиться о собственной репутации, второй господин на этот раз примет вину на себя; иначе я сейчас же доложу обо всем госпоже Фын-цзе и попрошу ее, чтобы она зря не обижала невинную.

Цай-юнь невольно покраснела и от стыда готова была провалиться сквозь землю.

– Не волнуйтесь, сестра! – сказала она. – Незачем обвинять честного человека! Раз уж дело приняло такой оборот, я все скажу! Наложница Чжао много раз просила меня достать этого порошка для Цзя Хуаня, и я взяла его у госпожи. Я виновата! Когда госпожа бывала дома, мы часто брали порошок и дарили другим. Я думала, что и на этот раз все сойдет благополучно. Но я не могу допустить, чтобы обвиняли невинного! Отведите меня ко второй госпоже Фын-цзе, сестра, я во всем признаюсь.

Все были поражены откровенным признанием Цай-юнь.

– Ты всегда была честной, сестра Цай-юнь! – воскликнул Бао-юй. – Не нужно ни в чем признаваться, я скажу, что сам утащил порошок, чтобы вас припугнуть, но, поскольку поднялся скандал, решил открыться. Только прошу вас, сестрицы, впредь будьте благоразумнее, это для всех будет лучше!

– Зачем вам брать вину на себя, если все это сделала я? – настаивала на своем Цай-юнь. – Пусть будет что угодно, отвечать должна я!

– Не говори так! – поспешно остановили ее Пин-эр и Си-жэнь. – Если ты признаешься, в это дело окажется замешанной и наложница Чжао, а если об этом узнает третья барышня Тань-чунь, она будет сердиться! Если же всю вину примет на себя Бао-юй, никто не пострадает! Ведь об этом, кроме нас, никому не известно!.. Только впредь будьте осторожнее!.. Захотите что-нибудь взять, лучше подождите приезда госпожи Ван! Тогда, если вы даже весь дом раздадите, мы будем в стороне.

Цай-юнь опустила голову, немного подумала и согласилась.

Уговорившись обо всем, Пин-эр отвела в сторону обеих служанок и Фан-гуань, затем позвала У-эр и велела ей в случае расспросов говорить, что порошок гриба фулин она получила от Фан-гуань. У-эр бесконечно благодарила ее за милость.

Затем Пин-эр повела девушек к себе. Здесь уже находилась жена Линь Чжи-сяо с несколькими женщинами, охранявшими тетку Лю. При появлении Пин-эр она доложила:

– Сегодня утром я приказала привести сюда под охраной тетку Лю, и так как на кухне некому хозяйничать, я велела жене Цинь Сяня готовить на барышень.

– Кто это такая жена Цинь Сяня? – удивилась Пин-эр. – Я ее что-то не помню!

– Она обычно дежурит по ночам в южном углу сада, – объяснила жена Линь Чжи-сяо, – а днем отдыхает, поэтому вы, барышня, не видели ее и не знаете. У нее скуластое лицо, большие глаза; она очень аккуратная и проворная женщина.

– Да, да, – подтвердила Юй-чуань. – Как это вы, сестра забыли ее? Ведь она приходится тетей Сы-ци, служанке второй барышни Ин-чунь. Отец Сы-ци – слуга старшего господина Цзя Шэ, а дядя ее служит здесь у нас.

– А-а-а! – протянула Пин-эр. – Так бы сразу и сказала. Но только ты слишком поторопилась с назначением. Сейчас, как говорится, вода ушла и все камни обнажились. Все, что пропало из комнаты госпожи, мы нашли. Оказывается, однажды Бао-юй зачем-то заходил к этим двум негодницам, а те стали над ним подшучивать: «Ничего не берите отсюда, пока вашей матушки нет дома!» Однако Бао-юй, улучив момент, когда они отвлеклись, вошел и стащил что-то. Девчонки об этом не знали и с перепугу подняли переполох. Когда Бао-юй узнал, что девушек обвиняют в воровстве, он во всем признался и показал мне вещи, которые утащил. А что касается порошка фулин, то его тоже где-то достал Бао-юй и раздарил многим слугам и служанкам – не только тем, кто живет в саду, но и тем, кто живет вне сада. Даже сыновья мамок выпросили у него порошок для своих родственников и для подарков знакомым. Си-жэнь получила свою долю, но часть отдала Фан-гуань, а та поделилась со своими подругами – это дело обычное. Две корзиночки с порошком, которые недавно прислали, в целости и сохранности стоят в зале, где обсуждаются хозяйственные дела. Никто их не тронул! Зачем же обвинять людей в воровстве? Я сейчас доложу обо всем моей госпоже!

С этими словами она круто повернулась и направилась в спальню Фын-цзе. Здесь она точь-в-точь повторила то, что уже говорила.

– Пусть это и так, – ответила ей Фын-цзе, – но все же Бао-юй любит вмешиваться не в свои дела. О чем бы его ни просили, он соглашается. Когда его похвалят, разве он найдет в себе силу отказать в какой бы то ни было просьбе?! Если мы сделаем вид, что верим ему, он и впредь будет выгораживать других. Как мы тогда сможем справиться с нашими людьми?! Все это надо еще раз хорошенько расследовать! Мне думается, нужно созвать служанок из комнат госпожи, но так как бить их неудобно, следует поставить их на колени на черепки от битой посуды, на самом солнцепеке. Продержать их так, не давая ни пить, ни есть, до тех пор, пока они во всем не признаются, признаются они непременно, будь они даже выкованы из железа!

Фын-цзе замолчала, немного подумала, а затем добавила:

– «Муха садится только на треснутое яйцо»! Если старуха Лю не воровала, почему люди указывают на нее?! Правда, наказывать ее за воровство нет оснований, но следует отказать

от ее услуг! Ведь если даже из императорского дворца кого-нибудь изгоняют за оплошность, это не значит, что его обижают.

– Не волнуйтесь! – улыбнулась Пин-эр. – Говорится же: «Где можно простить, следует простить». Ну что особенного случилось у нас сейчас? Нужно только радоваться, что представился случай проявить милосердие! Если вы будете придирааться к мелочам, это станет известно за пределами дома и вызовет ненависть к вам. А вам и о себе следует подумать! Ведь вы находитесь в тяжелом положении. Вы ожидали ребенка, но на шестом-седьмом месяце произошел выкидыш! Разве это случилось не потому, что вы переутомились и подорвали здоровье излишними заботами?! Лучше сделайте вид, будто вы обо всем знали и просто решили покончить дело миром.

Они поговорили еще немного, и наконец Фын-цзе, улыбаясь, сказала:

– Пусть будет по-твоему. Действительно не стоит раздражаться из-за пустяков!

– Вот видите, я права, – улыбнулась Пин-эр.

Она встала, вышла за дверь и отпустила всех, кто с ней пришел.

Если вы хотите знать, что было дальше, прочтите следующую главу!

Глава шестьдесят вторая, которая повествует о том, как опьяневшая Сян-юнь спала на подушке из опавших лепестков гортензии и как глупая Сян-лин испачкала юбку из гранатового шелка

Когда Пин-эр вышла из комнаты, она сказала жене Линь Чжи-сяо:

– «Крупные неприятности умеи сводить к мелочам, а на мелочи вовсе не обращай внимания». Только те процветают, кто придерживается этого правила. Если по всякому поводу звонить в колокола и бить в барабаны – лишь суматоха подымется. Сегодня же надо вернуть на кухню тетку Лю и ее дочь, а жену Цинь Сяня отправить на прежнее место. Служанок же необходимо каждый день тщательно проверять!

Пин-эр повернулась и ушла в дом. Мать и дочь Лю поклонились ей вслед. Жена Линь Чжи-сяо повела их обратно в сад и доложила обо всем Ли Вань и Тань-чунь.

– Хорошо, что все окончилось тихо, – обрадовались те.

Но, увы, Сы-ци и другие служанки радовались преждевременно. Жена Цинь Сяня, очень довольная тем, что получила выгодное место, приняла кухонные дела и начала распоряжаться, однако сразу обнаружила нехватку многих предметов утвари и продуктов.

– Первосортного неклеякого риса не хватает два даня, – говорила она, – простой рис тоже перерасходован, угля недостает...

Между тем она потихоньку приготовила корзину угля и один дань неклеякого риса в подарок жене Линь Чжи-сяо да отослала еще подарки в контору. Потом она приготовила угощение, позвала служанок, работавших на кухне, и заявила им:

– Я попала на это место исключительно благодаря вашей помощи, так что отныне будем жить одной семьей, и если я чего-нибудь не сумею досмотреть, вы мне помогайте!

Но веселье в самом разгаре было прервано появлением служанки, которая объявила жене Цинь Сяня:

– Приготовишь завтрак и можешь уходить! Все дела передашь снова тетушке Лю; оказывается, она ни в чем не виновата.

Это известие как громом поразило жену Цинь Сяня – она притихла, опустила голову, собрала все свои пожитки и ушла. Выходит, она напрасно расходовалась на подарки. Теперь еще ей пришлось за свой счет покрывать недостачу. Даже Сы-ци от злости вытаращила глаза, когда узнала эту новость, но, так как изменить что-либо было не в ее силах, ей пришлось смириться.

Наложница Чжао, которой Цай-юнь украдкой подарила много всяких вещей, о чем было известно Юй-чуань, трепетала от страха, и ее прошибал холодный пот при мысли, что ее будут допрашивать и могут обвинить в краже. Поэтому она каждый день окольными путями старалась разузнать, что говорят в доме.

Но вот однажды к ней пришла Цай-юнь и радостно сообщила:

– всю вину принял на себя Бао-юй, так что отныне можно не беспокоиться!

Только после этого у наложницы отлегло от сердца. Зато на Цзя Хуаня, который слышал весь этот разговор, слова Цай-юнь произвели самое неожиданное впечатление. Он схватил все, что ему подарила Цай-юнь, швырнул ей в лицо и выругался:

– Лицемерная девчонка, не нужны мне твои подарки! Теперь я все понимаю! Неужели Бао-юй согласился бы принять вину на себя, если б ты с ним не якшалась?! Если уж ты мне делала подарки, нужно было молчать и никому об этом не рассказывать! Ты же все рассказала ему, и держать мне эти подарки у себя просто неудобно.

Задыхаясь от волнения, Цай-юнь стала клясться, что ничего подобного не было, и, не выдержав, разрыдалась. Однако Цзя Хуань не верил ни одному ее слову и только твердил:

– Я не посчитаюсь с нашими отношениями и расскажу откровенно второй госпоже Фын-цзе, что ты сама все крала и давала мне, хотя я тебя об этом не просил! Иди и хорошенько обо всем подумай!

Жестикулируя, он бросился к двери. Наложница Чжао обрушилась на него с бранью:

– Выродок несчастный! Что ты болтаешь?!

Цай-юнь судорожно рыдала. Наложница Чжао всячески ее утешала:

– Милое дитя, он несправедливо тебя обидел! Но я-то вижу, в чем дело. Я соберу все твои подарки, а дня через два он одумается и изменит свое отношение к тебе!

С этими словами она принялась собирать вещи, которые Цай-юнь подарила Цзя Хуаню. Но разгневанная Цай-юнь забрала у нее подарки, завернула в узел и, незаметно пробравшись в сад, швырнула все в речку. Кое-что из вещей утонуло, кое-что уплыло. А сама Цай-юнь, возмущенная и обиженная, вернулась домой и, укрывшись с головой одеялом, проплакала всю ночь.

Вскоре наступил день рождения Бао-юя. Оказалось, что в этот же день родилась Бао-цинь.

Госпожи Ван не было дома, поэтому день рождения праздновался не столь шумно, как в предыдущие годы. Один лишь даос Чжан прислал подарки и новый амулет с именем взамен старого, да еще несколько монахов и монахинь из буддийских и даосских монастырей прислали письменные пожелания счастья, статуэтку бога долголетия, бумажных коней, изображения духов-покровителей дворца Жунго и еще кое-что. Друзья и знакомые семьи Цзя накануне дня рождения принесли поздравления. Ван Цзы-тэн прислал в подарок целый набор одежды, пару обуви и чулок, сотню персиков как символ долголетия и сто пучков тонкой, как серебряные нити, лапши. Половина всего этого была отослана тетушке Сюэ.

Что касается других членов семьи, то они прислали кто что мог: госпожа Ю подарила пару туфель и пару чулок, Фын-цзе прислала расшитый узорами шелковый кошелек для благовоний с четырьмя застежками, в который вложила золотую статуэтку бога долголетия и персидскую безделушку. В храмы были посланы люди для раздачи милостыни бедным.

Бао-цинь тоже получила подарки, однако перечислять их здесь мы не будем.

Сестры делали подарки соответственно своим возможностям: одна прислала веер, другая – надпись на шелке, третья – картину, четвертая – стихи, – лишь бы только оказать знаки внимания.

Бао-юй в этот день встал рано. Умывшись и причесавшись, он вышел во двор и остановился перед главным залом, где Ли Гуй и другие слуги уже расставили курительные свечи и приготовили все необходимое для жертвоприношений Небу и Земле. Бао-юй зажег свечи, совершил жертвоприношения и после возлияния чая и сожжения жертвенных бумажных денег отправился в кумирню предков дворца Нинго, где тоже совершил положенные церемонии. Затем он поднялся на возвышение, устроенное для любования луной, и поклонился в ту сторону, где находились матушка Цзя, Цзя Чжэн и госпожа Ван. После этого он зашел к госпоже Ю, поклонился ей, посидел у нее немного и возвратился во дворец Жунго. Он навестил тетушку Сюэ, которая задержала его на некоторое время, затем повидался с Сюэ Кэ и наконец вернулся к себе в сад.

Здесь, в сопровождении Цин-вэнь и Шэ-юэ, а также девочки-служанки, которая несла за ним коврик для совершения поклонов, Бао-юй обошел комнаты старших по возрасту, начиная с Ли Вань. Повидавшись со всеми, Бао-юй отправился навестить своих нянек, побыл у них и опять вернулся к себе. Теперь слуги хотели поклониться ему и поздравить, но Бао-юй никого не принимал. Си-жэнь говорила всем, что по приказу госпожи Ван ее сын не должен прини-

мать поздравлений, так как по молодости не имеет права пользоваться подобной привилегией. Поэтому никто не совершал перед ним поклонов.

Пришли Цзя Хуань и Цзя Лань, но Си-жэнь и их не впустила, и, посидев немного в прихожей, они ушли.

– Как я устал сегодня от ходьбы! – пожаловался ей Бао-юй.

Он прилег на кровать, выпил полчашки чаю и хотел отдохнуть, но в этот момент в дверь с шумом ввалилась ватага девочек-служанок. Среди них были Цуй-мо, Сяо-ло, Цуй-люй, Жухуа, Чжуань-эр, кормилица с Цяо-цзе на руках, Цай-луань, Сю-луань и другие. В руках они держали красные коврики.

– Нас так много, что мы чуть не сломали дверь! – кричали они. – Угощайте нас лапшой! Вслед за ними появились Тань-чунь, Ши Сян-юнь, Бао-цин, Син Сю-янь и Си-чунь. Бао-юй с улыбкой поднялся им навстречу.

– Спасибо за внимание... Скорее подавай чай! – крикнул он Си-жэнь.

Он пригласил всех сесть. Си-жэнь подала чай. Не успели девушки выпить по глотку, как появилась нарядно одетая Пин-эр.

Бао-юй бросился к ней навстречу:

– Сестра, я только что был у второй госпожи Фын-цзе. Она сказала, что не может принять меня, поэтому я послал служанку пригласить тебя...

– А я как раз помогала Фын-цзе одеваться и не могла выйти, – перебила Пин-эр. – Уже потом я узнала, что вы меня приглашаете. Разве я заслуживаю такой чести? Вот я и прибежала поклониться вам!

– Спасибо, что ты удостоила меня своим посещением! – улыбнулся Бао-юй.

Си-жэнь поставила возле дверей табуретку и предложила Пин-эр сесть. Пин-эр поклонилась Бао-юю, а тот в ответ поклонился ей. Тогда она опустилась перед ним на колени, и Бао-юй тоже опустился на колени. Си-жэнь поспешно подняла его, но на каждый поклон Пин-эр он продолжал отвечать поклоном.

– Ну что ж, кланяйся еще! – подтолкнула его Си-жэнь, когда поклоны окончились.

– Зачем? – спросил Бао-юй. – Уже все!

– Сейчас она кланялась и поздравляла тебя с днем рождения, – сказала ему Си-жэнь, – а теперь ты должен кланяться ей, потому что и у нее сегодня день рождения.

– Так, значит, и у тебя день рождения? – воскликнул Бао-юй, торопливо кланясь.

Пин-эр в ответ снова поклонилась ему, как было положено по этикету.

Незаметно подтолкнув в бок Бао-цин и Сю-янь, Ши Сян-юнь сказала:

– Если б вы все четверо стали поздравлять друг друга, то, наверное, потратили бы на это целый день!

– Значит, и у сестрицы Сю-янь сегодня день рождения? – воскликнула удивленная Тань-чунь. – Как это я забыла? Немедленно сообщите второй госпоже Фын-цзе, чтобы она прислала барышне Син Сю-янь такие же подарки, как барышне Бао-цин.

Служанка поддакнула и побежала выполнять ее приказание. А что касается Сю-янь, то она вынуждена была пригласить гостей на угощение, так как Сян-юнь выдала ее.

– Интересно все же получается! – заметила Тань-чунь. – На протяжении года нам каждый месяц приходится праздновать чей-либо день рождения, потому что у нас живет очень много людей. Случается, что у двоих или у троих день рождения совпадает! Даже первый день Нового года не пропадает даром – его заняла старшая сестра Юань-чунь!.. Поэтому не приходится удивляться, что на ее долю выпало счастья больше, чем другим. Да еще наш прадед родился в этот же день! Только он празднует день своего рождения в потустороннем мире! Потом минует праздник фонарей, и тут же подходит день рождения тетушки Сюэ и сестры Бао-чай. И как удивительно, мать и дочь родились в один и тот же день! Затем в первый день третьего месяца

– день рождения госпожи Ван, в девятый день – день рождения второго господина Цзя Ляня. Вот только во втором месяце никто не родился.

– Как никто? – воскликнула Си-жэнь. – В двенадцатый день второго месяца родилась барышня Линь Дай-юй... Правда, она не из нашей семьи.

– Ну и память у меня стала! – засмеялась Тань-чунь.

Бао-юй улыбнулся и, указывая пальцем на Си-жэнь, громко произнес:

– Она сама родилась в один день с барышней Линь Дай-юй, поэтому и запомнила!..

– Так вы, значит, родились в один день? – всплеснула руками Тань-чунь. – Сколько лет живем вместе, а не знали об этом и ни разу тебя не поздравили! День рождения Пин-эр тоже был нам неизвестен – только сейчас узнали!

– Нам не выпало счастья принимать поздравления и получать подарки, – заметила Пин-эр. – Зачем же говорить об этом дне?! Не лучше ли, чтобы он проходил для вас незаметно? Зря Си-жэнь сболтнула! Лучше я поздравлю барышню, когда она вернется домой!

– Прости, если тебе доставили лишние хлопоты, – промолвила Тань-чунь. – Но все же я не успокоюсь, пока не отпраздную день твоего рождения.

– Совершенно верно, – поддержали ее Бао-юй и Сян-юнь.

– Пойдите ко второй госпоже Фын-цзе и передайте ей, что сегодня мы не отпустим Пин-эр, – приказала Тань-чунь служанкам. – Мы все сложимся и отпразднуем этот торжественный день.

Девочки-служанки убежали, а через некоторое время возвратились и доложили:

– Вторая госпожа благодарит барышень за то, что вы оказали Пин-эр такую честь. Она, правда, не знает, чем вы собираетесь угощать Пин-эр, но просит, чтобы и ее не забыли, не то она потребует Пин-эр к себе.

При этих словах все рассмеялись.

– Сегодня на нашей кухне ничего не готовили, – сказала между тем Тань-чунь. – Всё прислали с общей. Так что давайте соберем деньги, велит тетке Лю купить лапши и овощей и устроить для нас пир здесь.

– Это будет чудесно! – поддержали ее остальные.

Затем Тань-чунь приказала служанкам пригласить Ли Вань, Бао-чай и Дай-юй и послала за теткой Лю.

Тетка Лю не могла взять в толк, что от нее требуется, и в недоумении сказала:

– Ведь на общей кухне уже все приготовлено!..

– Ничего ты не понимаешь! – ответила ей Тань-чунь. – Сегодня день рождения барышни Пин-эр. На общей кухне приготовлено для господ, а мы собрали деньги на угощение для именинницы, так что приготовь для нас отдельно! Только выбери блюда повкуснее и скажи, сколько они будут стоить, а потом уж я отдам тебе деньги.

– Так, значит, сегодня можно пожелать барышне Пин-эр жить тысячу лет? – воскликнула обрадованная тетка Лю. – А я и не знала.

С этими словами она поклонилась Пин-эр. Взволнованная Пин-эр бросилась ее поднимать. Тетка Лю побежала готовить угощение.

Между тем Тань-чунь пригласила Бао-юя отведать лапши. А когда пришли Ли Вань и Бао-чай, она послала служанок пригласить тетушку Сюэ и Дай-юй.

Погода стояла теплая, и Дай-юй, которая уже оправилась от болезни, не замедлила явиться. Зал заполнился нарядно одетыми людьми.

Сюэ Кэ прислал в подарок Бао-юю платок, веер, благовония и кусок шелка. Бао-юй должен был пройти к нему и отведать лапши. Таким образом, в обоих домах было приготовлено угощение по случаю дня рождения двух молодых людей. В полдень Бао-юй выпил с Сюэ Кэ два кубка вина, потом Бао-чай подвела Бао-цинь к Сюэ Кэ, чтобы она поднесла ему кубок, а сама сказала:

– Наше домашнее вино незачем отправлять к Бао-юю, пригласи приказчиков и выпей с ними! Только мы с братом Бао-юем не сможем составить тебе компанию, потому что нам нужно принимать гостей.

– Пожалуйста, пожалуйста! – тотчас согласился Сюэ Кэ. – Они вот-вот должны прийти.

Бао-юй извинился перед Сюэ Кэ, встал и вышел вместе с Бао-чай. Но едва они миновали боковые ворота, Бао-чай приказала запереть их на замок и взяла себе ключ.

– Зачем ты велела закрыть эти ворота? – спросил удивленный Бао-юй. – Ведь через них и так почти никто не ходит. А что, если твоей матушке или младшей сестре вздумается пойти за чем-нибудь домой?!

– Предосторожность никогда не излишня, – возразила Бао-чай. – У вас здесь за несколько дней случилось семь или восемь происшествий. Правда, никто из наших служанок в них не замешан, но я думаю, это потому, что ворота, ведущие к нам, всегда закрыты. А если б они были открыты да наши люди стали бы проходить через них, так как дорога здесь короче, кто мог бы поручиться, что они не оказались бы замешанными в эти дела?! Так что лучше запереть ворота, не то, если опять что-нибудь случится, могут всю вину свалить на наших людей!..

– Значит, и тебе известно, сестра, что у нас произошла кража? – изумился Бао-юй.

– Ты знаешь о пропаже эссенций мэйгуй и порошка фулин только потому, что нашли нужным тебе сообщить об этом. Если бы тебе не сказали, ты бы ничего не узнал, – проговорила Бао-чай. – А ведь произошло еще кое-что поважнее. Счастье, если никто не проболтается! А если об этом узнают, еще много людей пострадает! Я говорю тебе об этом только потому, что ты ни в какие дела не вмешиваешься. Пин-эр я давно уже об этом сказала – она умница и понимает, что к чему. Я хотела, чтобы ей все было ясно, так как Фын-цзе сейчас болеет. Если никто не попадетсЯ, все кончится благополучно, но если дело раскроется, Пин-эр будет знать, что предпринять, и невинные не пострадают напрасно. Послушайся меня, будь осторожнее... И никому не рассказывай о том, что я тебе сказала...

Они подошли к «беседке Струящихся ароматов» и здесь увидели Си-жэнь, Сян-лин, Ши-шу, Цин-вэнь, Шэ-юэ, Фан-гуань, Жуй-гуань и Оу-гуань, которые стояли у пруда и, склонившись над водой, наблюдали за рыбками.

Заметив Бао-юя и Бао-чай, они закричали:

– Идите скорее за стол! Уже все приготовлено!

Бао-чай подбежала к девушкам и вместе с ними отправилась в беседку в «саду Благоуханных роз», окруженную насаждениями из гортензий.

Все были в сборе, пришла даже госпожа Ю; только Пин-эр отсутствовала.

Следует сказать, что, когда Пин-эр вышла, ей принесли подарки из семей Лай Да и Линь Чжи-сяо, а за ними одна за другой приходили с поздравлениями служанки. Пин-эр пришлось посылать ответные подарки с выражениями благодарности. Затем она доложила обо всем Фын-цзе. Пин-эр принимала не все, иногда она отказывалась от подарков, а из того, что принимала, часть тут же раздаривала.

Наконец, Пин-эр пришлось подождать, пока Фын-цзе поест и переоденется, после чего она и смогла направиться в сад. Дорогой она повстречала несколько девочек-служанок, которые искали ее. Они вместе отправились в «сад Благоуханных роз», где были разостланы циновки и расставлены столы, приготовленные для пиршества.

– Вот теперь все именинники в сборе! – радостно воскликнули присутствующие при ее появлении.

На почетном месте было специально поставлено четыре стула, и все настаивали, чтобы их заняли виновники торжества, однако те не соглашались.

– Я уже стара, вам не компания, – говорила тетушка Сюэ. – Есть мне не хочется, вина я не пью, так что разрешите мне уйти в зал отдохнуть, чтобы не мешать вам веселиться, а на почетном месте, конечно, следует сидеть именинникам.

Но госпожа Ю и слушать ее не хотела.

– Пусть лучше мама приляжет в зале, если она уж так хочет, – вступилась за мать Бао-чай. – Если она чего-нибудь попросит, мы ей отнесем. Так будет удобнее. К тому же она сможет присмотреть там за служанками.

– В таком случае придется отпустить тетушку Сюэ, – согласилась Тань-чунь, – чувство уважения к старшим более всего проявляется в повиновении их желаниям.

Тетушку Сюэ проводили в зал, велели девочкам-служанкам расстелить для нее матрац и положить подушки.

– Хорошенько разотрите госпоже ноги! – приказала Тань-чунь. – Если госпожа захочет чаю или воды, не кивайте одна на другую, а первая из вас, кто услышит, пусть бежит исполнять ее желание! Мы пришлем госпоже всякие яства. Она отведаст их и вам даст. Смотрите, никуда не отлучайтесь!

Девочки поддакнули, и Тань-чунь вместе с остальными удалилась.

Наконец, уговорили Бао-цин и Сю-янь занять почетные места, а возле них по обе стороны сели Пин-эр и Бао-юй, первая обратившись лицом к западу, второй – лицом к востоку. Тань-чунь и Юань-ян сели напротив них. За столом, который стоял возле западной стены, заняли в порядке старшинства места Бао-чай, Дай-юй, Сян-юнь, Ин-чунь и Си-чунь и усадили возле себя Сян-лин и Юй-чуань. За третьим столом уселись госпожа Ю и Ли Вань, которые взяли к себе Си-жэнь и Цай-юнь. Четвертый стол был предоставлен в распоряжение Цзы-цзюань, Ин-эр, Цин-вэнь, Сяо-ло и Сы-ци.

Тань-чунь предложила выпить за каждого именинника отдельно, но Бао-цин и другие виновники торжества запротестовали:

– Так мы очень быстро опьянеем!

Тань-чунь отказалась от своего предложения. Тогда приглашенные женщины-рассказчицы решили спеть песни с пожеланием долголетия.

– Нет, нет, нам простонародные песни не нужны! – закричали им. – Лучше пойдите в зал и развлекайте песнями тетушку Сюэ!

Вместе с тем было приказано служанкам выбрать самые лучшие яства и отнести тетушке Сюэ.

– Что-то скучно, – сказал Бао-юй, – давайте играть в застольный приказ.

Разгорелся спор, как играть: одни доказывали, что нужно играть так, как они предлагают, другие утверждали, что интереснее их игры выдумать нельзя.

– Послушайте меня! – воскликнула Дай-юй, чтобы положить конец спорам. – Пусть каждый напишет свое предложение, а потом будем тянуть жребий: чья игра окажется первой, в ту и будем играть.

– Замечательно! – раздалось одобрительные восклицания.

Тотчас же служанки принесли тушечницу, кисть и цветную бумагу.

Сян-лин, которая лишь недавно стала учиться сочинять стихи и каждый день старалась писать иероглифы, не утерпела.

– Разрешите, я запишу, – заявила она, вскакивая с места.

Все согласились. Каждый высказал свое предложение, и Сян-лин старательно записала их на отдельных бумажках. Затем бумажки были свернуты в трубочки и положены в вазу. Тянуть жребий Тань-чунь приказала Пин-эр.

Перемешав бумажки в вазе, Пин-эр опустила туда палочки для еды, вытащила одну бумажку и развернула.

– «Угадывание вещи, спрятанной под чашку», – прочла она.

– Надо же было тебе вытянуть эту игру! – воскликнула Бао-чай. – Она существовала еще в допотопные времена! Ее правила теперь заменены другими. Проигравшему довольно трудно

выполнять приказ по этим правилам. Я уверена, что половина из нас не справится с этой игрой. Давайте вытащим что-нибудь попроще, чтобы в игре могли принимать участие все.

– Зачем же отменять игру, если выпал жребий? – возразила Тань-чунь. – Впрочем, пусть ташат еще, и если кто-нибудь не сможет выполнить приказ по правилам этой игры, пусть выполняет по правилам другой, более легкой.

Теперь она приказала тянуть жребий Си-жэнь. Си-жэнь вытащила «бой на пальцах».

– Вот эта игра простая и легкая, и мне по вкусу! – засмеялась Сян-юнь. – В «угадывание спрятанной вещи» я играть не буду – только скуку нагоняет.

– Она нарушает приказ, – запротестовала Тань-чунь. – Оштрафуй ее на один кубок, сестра Бао-чай!

Бао-чай улыбнулась и наполнила вином кубок Сян-юнь.

– Сейчас я пью, – заявила Тань-чунь, – и буду распоряжаться за столом. Чтобы все выполняли мои приказания беспрекословно! Подайте сюда игральные кости! Бросать будет сначала сестрица Бао-цинц, а затем остальные по порядку. У кого количество очков совпадет, тот начинает игру.

Бао-цинц бросила кости – оказалось три очка. Следом за ней бросали Сю-янь и Бао-юй, но они набрали разное количество очков, только у Сян-лин, бросавшей кости после них, оказалось тоже три очка.

– Лучше всего начинать с предметов, находящихся в комнате, – предложила Бао-цинц. – Отгадывать вещи, которых здесь нет, довольно трудно.

– Разумеется, – согласилась Тань-чунь. – Кто три раза ответит не попад, пьет штрафной кубок. Ну, начинай!

Бао-цинц немного подумала и произнесла слово «старый». Сян-лин не могла вспомнить известное выражение с этим словом применительно к чему-нибудь из имеющегося в комнате.

Сян-юнь стала оглядываться по сторонам и, увидев над дверьми надпись «сад Благоуханных роз», поняла, что Бао-цинц имеет в виду выражение «Я хуже старого садовода, ухаживающего за этим садом». Сян-лин ничего не могла ответить, и все ее торопили, поэтому Сян-юнь потихоньку подсказала ей слово «фрукты». Но это заметила Дай-юй и закричала:

– Скорее штрафуйте! Она подсказывает!

Все зашумели, и Сян-юнь была оштрафована на кубок вина. Раздосадованная Ши Сян-юнь стукнула палочками для еды по руке Дай-юй. После этого была оштрафована и Сян-лин.

В следующую пару попали Бао-чай и Тань-чунь. Тань-чунь назвала слово «человек».

– Это слово имеет широкое значение, – с улыбкой заметила Бао-чай.

– В таком случае для ясности я добавлю к нему еще одно слово, а ты угадывай по двум словам, – проговорила Тань-чунь и произнесла слово «клетка».

Бао-чай немного подумала и, заметив на столе курицу, поняла, что Тань-чунь имеет в виду древние выражения «курица в клетке» и «человек, присматривающий за курами», и ответила на это словом «наседет».

Тань-чунь отпарировала ей выражением «курица сидит на насесте». Они обе засмеялись и осушили по кубку вина.

Сян-юнь и Бао-юй, не принимавшие участия в этой игре, затеяли свою. Время от времени слышались их выкрики «три», «пять» – это они угадывали количество разогнутых пальцев в кулаке. Госпожа Ю и Юань-ян, сидевшие за другим столом друг против друга, тоже восклицали «семь», «восемь» и показывали друг другу пальцы. Пин-эр играла в паре с Си-жэнь. За столом стоял шум, и то и дело раздавался звон браслетов.

Вскоре Сян-юнь выиграла у Бао-юя, а Си-жэнь – у Пин-эр. Проигравшим нужно было выпить по кубку вина.

– Перед тем как пить, проигравший должен привести какое-нибудь древнее выражение, – сказала Сян-юнь, – процитировать строку из древних стихов, дать название кости домино, при-

вести название какого-нибудь мотива и, кроме того, добавить изречение из календаря, причем все вместе должно составить целую фразу. Выпив вино, следует привести название фруктов или блюда, которое звучит точно так же, как какая-нибудь вещь, употребляемая в обиходе.

– Она всегда дает трудные приказы! – засмеялись сидевшие за столом. – Но игру затеяла интересную!

Затем все стали торопить Бао-юя с выполнением приказа.

– Кто же может сразу выполнить столь трудный приказ? – улыбнулся смущенный Бао-юй. – Тут надо подумать!

– Лучше пей, а я вместо тебя скажу все, что требуется, – предложила Дай-юй.

Бао-юй охотно исполнил ее просьбу, а Дай-юй произнесла:

– «Потухающая заря летит вместе с одинокой уткой».

Ветер сердитый над бурной рекой,
гусь перелетный рыдает¹;

«гусь со сломанной ногой»², от его крика «печалится моя душа»³, «гусь – вестник приезда гостя»⁴.

Все рассмеялись и одобрительно закричали:

– В этом наборе фраз кроется какой-то смысл!..

Потом Дай-юй повертела в руках орех и произнесла:

Орехи «чжэнь» совсем не то,
что «чжэнь» – для стирки камень;
Так почему ж во всех дворах
по ним стучат вальками?

Таким образом, весь приказ был выполнен. Юань-ян, Си-жэнь и другие выполнили свое задание не так оригинально, в каждой произнесенной ими фразе имелось слово «долголетие», и все оказалось столь избитым, что не вызвало ни у кого одобрительных замечаний.

Между тем игра продолжалась. Пары обменялись; теперь Сян-юнь играла с Бао-цинь, а Ли Вань выступала против Сю-янь.

Ли Вань загадала своей противнице слова «тыква-горлянка», на что Сю-янь ответила словом «зеленая». Обе сразу догадались, что имеется в виду, и выпили по глотку вина. Сян-юнь играла с Бао-цинь в отгадывание количества выставленных пальцев и, проиграв, попросила свою соперницу сказать, что она должна выполнить перед тем, как пить вино, и что после.

Бао-цинь со смехом изрекла:

– «Прошу вас влезть в кувшин» – ты же сама придумала этот приказ!

– Вот здорово! – закричали все. – Как кстати она вспомнила это выражение!

Однако Сян-юнь тоже не растерялась и произнесла в ответ:

«Высоко вздымаются волны прибоя»;
Вздулись волнами просторы реки,
пена летит к небесам.

---

¹ Здесь и дальше стихи в переводе Л. Н. Меньшикова под редакцией.

² Условное название кости 1:3 в китайском домино.

³ Имеется в виду мотив, на который поются многие народные песни.

⁴ Изречение из старинного китайского календаря.

Нужно «челн одинокий замкнуть на железо замка»; когда «бушует ветер на реке, не следует пускаться в путь».

Все захлопали в ладоши и закричали:

– Можно со смеху умереть! Она нарочно затеяла такую игру, чтоб нас потешить!

Все стали торопить Сян-юнь, чтобы она скорее пила вино, с нетерпением ожидая, что она скажет дальше.

Сян-юнь не спеша выпила вино, ухватила палочками кусочек утиного мяса, съела его, затем, увидев в чашке половину утиной головы, подхватила и ее, собираясь есть.

– Говори! – закричали ей. – Что ты увлеклась едой!

Сян-юнь подняла кверху палочки и произнесла:

«Ятоу» – утиная голова
с «ятоу» – служанкой – не схожа,
Должна ли приправлена быть она
коричным маслом тоже?

Все так и покатались со смеху. Тогда Цин-вэнь, Сяо-ло и другие служанки подошли к Сян-юнь.

– Барышня Сян-юнь умеет шутить! – признали они. – Но за то, что она над нами насмеяется, надо ее оштрафовать на кубок вина! Когда это мы мазали голову коричневым маслом? Пусть даст нам по бутылочке, тогда намажемся!

– Она собиралась вам дать бутылочку этого масла, – засмеялась Дай-юй, – да побоялась, что вас обвинят в воровстве!

Никто не обратил внимания на ее слова, только Бао-юй, поняв намек, низко опустил голову, да еще Цай-юнь, которая чувствовала себя виноватой, смутилась и покраснела. Бао-чай это заметила и бросила выразительный взгляд на Дай-юй. Та спохватилась, что сказала лишнее, и стала раскаиваться. Собственно говоря, она хотела подшутить над Бао-юем и совершенно позабыла, что может обидеть Цай-юнь. Желая скрыть неловкость, Дай-юй поспешно включилась в игру.

В это время Бао-юй играл в паре с Бао-чай, и та назвала слово «бао» – «драгоценный». Бао-юй сразу понял, что она иронизирует, имея в виду его «драгоценную яшму, в которую вселилась душа».

– Ты вздумала посмеяться надо мной, сестра, – сказал он. – Но я догадался, на что ты намекаешь! Только не сердись! Итак, «чай» – «шпилька»!

– Что ты хочешь этим сказать? – с недоумением спросили его.

– Ничего особенного. Просто сестра Бао-чай назвала слово «бао» – «драгоценность», предполагая, что я отвечу словом «юй» – «яшма», и никак не ожидала, что я смогу отпарировать словом «чай»! А ведь в одном из древних стихотворений есть строки: «Сломалась яшмовая шпилька, угасла красная свеча...»

– Эти строки не подходят, они касаются определенного события, и их нельзя применять ни к одной вещи в этой комнате, – запротестовала Сян-юнь. – Оштрафовать обоих!

– Я не согласна! – возразила Сян-лин. – Пусть эти строки касаются определенного события, но их можно найти в литературе.

– Ну нет! – заметила Сян-юнь. – Слов «бао-юй» – «драгоценная яшма» – нигде не найти! По крайней мере такого сочетания нет ни в древних книгах, ни в стихах, ни в летописях, ни в хрониках... Разве только они взяты из каких-нибудь новогодних надписей... Но это не в счет...

– Вы не правы, барышня, – вновь возразила Сян-лин. – Недавно мне пришлось читать пятисловные уставные стихи Чэнь Цаня, в которых я встретила фразу: «Много в том крае яшмы найдешь драгоценной...» Разве вы не помните этой строки? Кроме того, у Ли И-шаня

я обратила внимание на фразу: «Драгоценная шпилька не будет валяться в грязи...» Я засмеялась и подумала: «Их имена встречаются даже в Танских стихах!»

– Ловко она заставила Сян-юнь замолчать! – закричали все. – Штраф, штраф!

Сян-юнь ничего не могла возразить, и ей пришлось выпить вина. После этого все снова заняли свои места, и игра продолжалась.

Зная, что матушки Цзя и госпожи Ван дома нет, все чувствовали себя свободно и веселились вовсю. Участники игры в цайцюань громко кричали, называя цифры, отовсюду слышался смех, сверкали жемчуга и яшма, мелькали яркие одежды.

Наигравшись, все наконец встали и собрались расходиться, но тут неожиданно обнаружилось, что исчезла Сян-юнь. Сначала решили, что ей просто понадобилось на минутку выйти, и стали ждать. Потом послали людей на розыски. Но разве ее могли найти?! Поднялся переполох. Тут прибежала жена Линь Чжи-сяо в сопровождении нескольких женщин. Она беспокоилась, что молодые служанки, пользуясь отсутствием госпожи Ван, не будут повиноваться Тань-чунь, напьются и перестанут соблюдать правила приличия. Поэтому она и решила прийти осведомиться, не нужна ли ее помощь.

Тань-чунь поняла, что привело сюда жену Линь Чжи-сяо, и, встав с места, сказала ей:

– Значит, вы пришли проверить, что мы здесь делаем? Мы немного выпили для поднятия настроения. Можете не беспокоиться!

– Идите отдыхать, – добавили госпожа Ю и Ли Вань. – Мы сами позаботимся, чтобы они не пили лишнего.

– Мы это знаем, – сказала жена Линь Чжи-сяо. – Если барышни не пьют даже тогда, когда их угощает старая госпожа, разве они станут пить в отсутствие старой госпожи?! Разумеется, они могут позволить себе это только для веселья. Я просто подумала, не нужна ли я, и зашла узнать. Да и веселитесь вы уже долго; неплохо бы добавить закусок. Обычно барышни едят мало, но сейчас, после вина, нужно непременно поесть побольше, иначе можно повредить здоровью.

– Вы правы, тетушка! Мы это как раз собирались сделать, – сказала Тань-чунь и приказала подать пирожные. Две девочки-служанки поспешили выполнить ее приказание.

– Идите к себе, – предложила Тань-чунь. – Или же побеседуйте с тетушкой Сюэ, мы пошлем вам в зал вина.

– Что вы, что вы, барышни! – закричали жена Линь Чжи-сяо и женщины, с которыми она пришла. – Не нужно!

Они постояли немного у дверей и вышли. Пин-эр провела рукой по лбу.

– Все лицо горит, даже неудобно было подойти к ним. Давайте кончать пиршество, а то они опять могут прийти! Неудобно!

– Ничего, – успокоила ее Тань-чунь, – ведь мы пьем вино ради веселья.

Вошла девочка-служанка и, хихикая, сказала:

– Барышни! Поглядите-ка! Барышня Ши Сян-юнь опьянела и уснула на каменной скамейке за горкой.

– Ладно, тише! – зашикали на нее.

Все гурьбой направились в сад и действительно увидели Сян-юнь, которая лежала на скамейке в укромном местечке и спала сладким сном. Опавшие лепестки цветов гортензии засыпали ей все лицо и одежду. Веер выпал из ее руки и наполовину был покрыт лепестками цветов. Вокруг вились пчелы и бабочки. Под головой у девушки лежало немного лепестков гортензии, завернутых в платочек, которые служили ей подушкой.

Девушкой можно было залюбоваться, до того она была красива; но всех душил смех. Стали будить Сян-юнь, пытались поднять ее.

Сян-юнь продолжала спать и лишь во сне что-то бормотала, объявляла застольные приказы и читала стихи:

Ароматы струятся, вино охладилось...
Опьяневших под руки уводят...
Встретиться нужно с друзьями...

– Проснись! – со смехом тормошили ее сестры. – Идем кушать! Нельзя спать на камне, еще заболеешь!

Сян-юнь медленно открыла глаза, чистые, как воды Хуанхэ осенью, обвела стоявших перед нею девушек невидящим взглядом и наконец поняла, что совершенно пьяна.

А случилось все так: выпив две лишних чарки вина, Сян-юнь захотела выйти освежиться и забрела в этот укромный уголок. Почувствовав истому, она прилегла, решив немного отдохнуть, и незаметно уснула.

Как только Сян-юнь пришла в себя, девочка-служанка подала ей таз с водой, а другие служанки поднесли зеркало и туалетный ящик. Поспешно умывшись, Сян-юнь намазала себе кремом лицо, припудрилась, причесалась и вместе с сестрами отправилась в «сад Благоуханных роз». Здесь она выпила две чашки крепкого чая, затем Тань-чунь приказала дать ей камешек, отрезвляющий от вина. Потом Сян-юнь по настоянию Тань-чунь выпила две чашки кислого отвара и наконец почувствовала себя лучше.

Между тем девушки собрали немного фруктов и закусок и приказали отнести все это Фын-цзе. Фын-цзе приняла подарки и, не желая остаться в долгу, прислала подарки в ответ.

Бао-чай и другие, съев пирожные, занимались кто чем: одни любовались цветами, другие, облокотившись на перила у берега пруда, наблюдали за резвящимися в воде рыбками. Одним словом, развлекались кто как мог.

Тань-чунь и Бао-цинь сели играть в шахматы, а Бао-чай и Сю-янь стояли рядом и наблюдали за их игрой. Бао-юй и Дай-юй присели в тени цветов и украдкой о чем-то болтали.

Через некоторое время вновь появилась жена Линь Чжи-сяо со служанками. На этот раз среди них была женщина с печально сдвинутыми бровями; из глаз ее лились слезы. Она не решалась войти в беседку и, опустившись у входа на колени, только отбивала поклоны.

В это время Тань-чунь, почувствовав в Бао-цинь опасную соперницу и обдумывая ход, чтобы спасти фигуру, попавшую под угрозу, устремила все свое внимание на шахматную доску. Жена Линь Чжи-сяо стояла рядом и терпеливо выжидала. Когда наконец Тань-чунь повернула голову, чтобы попросить чаю, и, заметив, ее, спросила, в чем дело, жена Линь Чжи-сяо указала на пришедшую с ней женщину:

– Это мать служанки Цай-пин, той самой, что прислуживает в комнатах у четвертой барышни Си-чунь. Сейчас она работает в саду. У нее больно длинный язык, и я хотела предостеречь ее, чтобы она не болтала лишнего, а она мне такого наговорила, что даже рассказать стыдно! Ее непременно надо выгнать!

– А почему вы не доложили об этом старшей госпоже Ли Вань? – спросила Тань-чунь.

– Я повстречала ее, когда она шла в зал к тетушке Сюэ, и она велела мне обратиться к вам, – проговорила жена Линь Чжи-сяо.

– Почему вы не доложили второй госпоже Фын-цзе? – снова спросила Тань-чунь.

– Не доложили и ладно, – вмешалась Пин-эр, – я сама скажу госпоже, когда вернусь домой. Если эта женщина плохо себя ведет, можно выгнать ее, а когда вернется госпожа Ван, мы ей доложим. А пока, барышня, решайте сами, что с ней делать!

Тань-чунь кивнула головой и снова углубилась в шахматы. Жена Линь Чжи-сяо увела женщину, но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Дай-юй и Бао-юй стояли возле цветов и смотрели вдаль.

– Третья сестрица Тань-чунь очень хитра, – промолвила Дай-юй. – Ей поручили ведать хозяйственными делами, но она так осторожна, что и шагу не решается сделать самостоятельно! Способности у нее заурядные, а добилась власти!

– Ничего ты не знаешь! – возразил Бао-юй. – Когда ты болела, она кое-что сделала! Ведь она отдала сад на откуп служанкам, и сейчас в саду не сорвешь и травинки. Она отменила некоторые расходы и, чтобы отвести от себя недовольство, сумела все свалить на нас с Фын-цзе. Нет, она не только хитра, но и расчетлива!

– Если так, то это совсем неплохо, – ответила Дай-юй. – Расходов у нас слишком много. Я не ведаю хозяйственными делами, но иногда на досуге подсчитываю, сколько у нас доходов

и расходов, и выходит, что расходов у нас много, а доходов мало. Если мы не начнем жить экономнее, пожалуй, скоро не сможем свести концы с концами.

– Пусть будет что угодно! – воскликнул Бао-юй. – Во всяком случае, мы с тобой недостатка ни в чем испытывать не будем.

Дай-юй повернулась и направилась в зал искать Бао-чай, намереваясь поболтать с нею.

Бао-юй тоже собрался уходить, но тут к нему подошла Си-жэнь. В руках у нее был небольшой овальный чайный поднос, на котором стояли две чашки со свежесваренным чаем.

– Ты куда? – спросила она Бао-юя. – Вы долго беседовали, я подумала, что вам захочется выпить чаю, и принесла его. А сестрица Дай-юй убежала!

– Вон она! – Бао-юй указал пальцем вслед удалявшейся Дай-юй. – Отнеси ей!

С этими словами он взял с подноса одну чашку, а Си-жэнь побежала с другой чашкой за Дай-юй. Она догнала девушку уже в зале, где Дай-юй разговаривала с Бао-чаем. Поднеся чай, Си-жэнь, как бы извиняясь, сказала:

– У меня здесь только одна чашка: пусть ее возьмет та из вас, которая больше хочет пить, а я сейчас налью еще.

– Я пить не хочу, – поспешно сказала Бао-чай, – мне нужен только один глоток прополоскать рот.

Она взяла с подноса чашку, набрала в рот чаю, а остальное отдала Дай-юй.

– Я налью еще, – с улыбкой сказала Си-жэнь.

– Ты же знаешь, что доктор не разрешает мне много пить, – заметила Дай-юй. – Полчашки вполне достаточно, и я очень благодарна тебе за заботу!

Она допила оставшийся чай и поставила чашку на поднос. Си-жэнь вышла из зала и направилась к Бао-юю, чтобы забрать у него чашку.

– Почему не видно Фан-гуань? – поинтересовался Бао-юй. – Куда она запропастилась?

– Не знаю, – ответила Си-жэнь. – Она только что была здесь, играла в бой на травинках, а затем куда-то исчезла.

Бао-юй побежал к себе и здесь увидел Фан-гуань, преспокойно спавшую на кровати. Он тут же разбудил девочку.

– Ну-ну, вставай, идем играть! Скоро будем есть!

– Вы пьете вино и не обращаете на меня внимания, – обиженно проговорила Фан-гуань. – Целых полдня я скучала! Что же мне оставалось делать, как не лечь спать?!

– Ладно, мы вечером выпьем! – пообещал Бао-юй. – Когда вернемся, я прикажу Си-жэнь позвать тебя к столу! Ну как, согласна?

– Неудобно мне пить с вами без Оу-гуань и Жуй-гуань, – заметила Фан-гуань. – Да и лапша ваша мне не нравится. Утром я поела неплотно, поэтому только что просила тетушку Лю принести мне сюда чашку супа и полчашки риса – этого мне достаточно! А вечером я буду пить вовсю, только пусть никто мне не мешает. Когда я жила дома, я могла зараз выпить два-три цзиня лучшего хуэйцюаньского вина, но, когда я стала актрисой, мне запретили пить из опасения, как бы я не испортила голос. Вот уже несколько лет я не пробовала ни капли вина. Но сегодня я вознагражу себя за долгое воздержание!

– Это легко устроить! – сказал ей Бао-юй.

Пока они разговаривали, тетка Лю принесла Фан-гуань поесть. Чунь-янь приняла короб с едой и открыла его. В коробе оказалась чашка куриного супа с фрикадельками из крабов, жареная утка с винной подливкой, тарелочка соленых гусиных лапок, четыре пирожка с начинкой из мягкой тыквы на сливочном масле и большая чашка горячего ароматного риса.

Чунь-янь поставила все на стол, положила палочки для еды и наполнила чашку рисом.

– Сплошной жир! – проворчала Фан-гуань. – Кто его станет есть!

Она съела чашку горячего отвара с рисом, два кусочка соленой гусятины, а от остального отказалась.

Бао-юй наклонился над столом, вдохнул в себя аромат, исходивший от блюд, показавшийся ему приятнее обычного. Тогда он съел пирожок, приказал Чунь-янь налить полчашки супа и положить туда рис; эта еда показалась ему необычайно вкусной и ароматной.

Чунь-янь и Фан-гуань, глядя на него, смеялись.

Когда обед окончился, Чунь-янь хотела отослать оставшееся на кухню, но Бао-юй сказал ей:

– Ешь сама, а если недостаточно, я прикажу принести еще!

– Не надо! – ответила Чунь-янь. – Только недавно сестра Шэ-юэ прислала нам два подноса с пирожными, так что, если я съем еще это, буду вполне сыта.

Она подошла к столу и съела все, что ей предлагали, оставив только два пирожка.

– Это я отдам маме, – решила она. – Если вечером, когда будете пить вино, дадите и мне чашечки две, будет совсем хорошо.

– Ты тоже любишь вино? – улыбаясь спросил Бао-юй. – Ладно, будешь пить, сколько тебе захочется. Си-жэнь и Цин-вэнь тоже не прочь выпить, только им неудобно пить каждый день. Воспользуемся случаем и все разговеемся. Кстати, я хотел поручить тебе одно дело, но потом забыл. Хорошо, что сейчас вспомнил! Отныне ты во всем будешь заботиться о Фан-гуань. Если она сделает что-нибудь не так, как нужно, или забудет что-нибудь, подскажи ей! Одна Си-жэнь со всеми не управится.

– Я все знаю, можете не волноваться, – успокоила его Чунь-янь. – Я только хотела спросить у вас, как быть с У-эр!

– Передай тетушке Лю, чтобы она завтра прислала ее прямо сюда, – приказал Бао-юй. – А здесь уж я распоряджусь!

– Вот это верно, – засмеялась Фан-гуань.

Затем Чунь-янь позвала двух девочек-служанок и велела им подать воды для мытья рук и налить чаю. Сама она собрала со стола посуду, передала ее женщине, потом тоже вымыла руки и отправилась к тетке Лю. Но это уже не столь важно.

Между тем Бао-юй отправился в «сад Благоуханных роз» искать сестер. Фан-гуань с полотенцем и веером в руках последовала за ним.

Как только Бао-юй вышел со двора, навстречу ему попались Си-жэнь и Цин-вэнь. Они шли, держась за руки.

– Вы куда? – спросил Бао-юй.

– За тобой. Стол уже накрыт, – ответили девушки.

Бао-юй рассказал им, что только сейчас поел.

– Я всегда говорила, что ты ешь часто, словно котенок, – засмеялась Си-жэнь. – Но хоть ты и сыт, все равно должен составить компанию сестрам.

– И ты тоже, изменница! – произнесла Цин-вэнь, ткнув Фан-гуань пальцем в лоб. – Чуть что, бежишь подкрепляться. Когда вы успели сговориться с ним? И нам ни слова!

– Они встретились случайно, – возразила Си-жэнь. – Когда им было уговариваться!

– Если так, значит мы ему не нужны, – заключила Цин-вэнь. – Завтра все уйдем, пусть Фан-гуань ему прислуживает.

– Мы можем уйти, – заметила Си-жэнь, – а вот тебе уходить нельзя.

– Как раз я и должна уйти первой! – бросила Цин-вэнь. – Ведь я ленива, неповоротлива, и характер у меня скверный. И вообще я ни на что не гожусь.

– А кто будет штопать плащ из павлиньего пуха, если Бао-юй снова прожжет его? – засмеялась Си-жэнь. – Ты уж со мной не спорь! Когда я поручала тебе какое-нибудь дело, ты, как говорится, «ленилась взять в руки иголку и продеть в нее нитку». Я тревожила тебя не ради себя, а ради него, и то ты ничего не хотела делать. Как же случилось, что стоило мне на несколько дней уехать, как ты, находясь чуть ли не при смерти, не щадя себя, целую ночь

трудилась ради него?! В чем здесь причина?.. Сказала бы прямо! Зачем притворяться глупой и насмеяться над другими?

Цин-вэнь фыркнула. Разговаривая между собой, они вошли в зал, где находилась тетушка Сюэ. Все уселись за стол и принялись есть. Бао-юй положил в чашку немного рису и делал вид, что ест.

Покончив с едой, все принялись за чай. За столом было весело и оживленно, все шутили, смеялись и развлекались.

Сяо-ло и Сян-лин, Фан-гуань, Жуй-гуань, Оу-гуань, Доу-гуань и другие служанки обегали весь сад, нарвали цветов и трав, уселись в кружок на лужайке и затеяли игру «бой на травинках».

– У меня ива Гуань-инь! – воскликнула одна.

– А у меня сосна архата⁵, – ответила другая.

– У меня бамбук царицы! – крикнула третья.

– А у меня банан красавицы...

– А у меня пятнистая бирюза...

– А у меня лунная роза...

– А у меня пион, какой описан в пьесе «Пионовая беседка».

– А у меня мушмула, о которой говорится в пьесе «Лютня».

– Зато у меня есть трава сестер! – неожиданно заявила Доу-гуань.

Все умолкли, никто не знал, какое растение можно противопоставить «траве сестер».

– В таком случае у меня орхидея супругов! – первая нашлась Сян-лин.

– Орхидея супругов! – воскликнула Доу-гуань. – Никогда не слышала ничего подобного.

– Если на одном стебле один цветок, то это простая орхидея, – пояснила Сян-лин, – а если несколько цветов – это душистая орхидея. Когда цветки расположены один ниже другого, это «орхидея братьев», а если два цветка располагаются на одном уровне – говорят, что это «орхидея супругов». Вот, глядите – на моей ветке два цветка на одном уровне, – разве это не «орхидея супругов»?!

Доу-гуань не могла ничего возразить, встала и улыбнулась:

– По-твоему, если от одного стебля отходят две веточки с цветами разной длины, такой цветок можно назвать «орхидеей отца и сына»? А если на двух веточках, отходящих от одного стебля, два цветка обращены в разные стороны, значит это «орхидея врагов»? Со времени отъезда твоего милого прошло больше полугодика, и ты, помня о нем, придумала «орхидею супругов»! Как тебе не стыдно?!

Лицо Сян-лин залилось румянцем, ей хотелось ущипнуть Доу-гуань, но она лишь шутливо выругалась:

– Ох и язык у тебя, дрянь! Только и знаешь, что болтаешь всякий вздор!

Доу-гуань, заметив, что Сян-лин намеревается встать, бросилась к ней, навалилась на нее всем телом и, прижав девочку к земле, крикнула Жуй-гуань:

– Иди сюда, помоги мне вырвать ее гадкий язык!

Девушки стали кататься по земле, а остальные хлопали в ладоши и смеялись:

– Тише, тише! Здесь лужа, как бы не замочить новую одежду Сян-лин.

Доу-гуань повернула голову и увидела лужу, оставшуюся после недавнего дождя, но, увы, слишком поздно – край юбки Сян-лин уже попал в воду. Доу-гуань, чувствуя себя виноватой, выпустила Сян-лин, вскочила и убежала. Все рассмеялись, но, боясь, как бы Сян-лин не перенесла свой гнев на них, тоже разбежались.

Сян-лин поднялась с земли. Грязная зеленоватая вода стекала с подола ее юбки. Возмущенная девушка принялась бранить всех на свете.

⁵ Архат – буддийский святой.

В это время к ней подбежал Бао-юй. Он давно заметил, что девушки играют в бой на травинках, и решил присоединиться к ним. Он отошел, чтобы нарвать цветов, но вдруг увидел, что девушки со смехом разбегаются, оставив Сян-лин, которая выкручивает подол юбки и ругается.

– Почему они убежали? – в недоумении спросил он.

– У меня была ветка «орхидеи супругов», а они такого названия не знали и заявили, что я придумала его, чтобы над ними посмеяться, – объяснила Сян-лин. – Доу-гуань повалила меня, и я замочила юбку.

Бао-юй улыбнулся:

– Если у тебя была «орхидея супругов», то у меня есть веточка «водяного ореха близнецов»!

С этими словами он вытащил веточку водяного ореха с двумя сросшимися стеблями, а сам взял у девушки «орхидею супругов».

– Супруги! Близнецы! Не все ли равно! – воскликнула Сян-лин. – Лучше поглядите, как мне испортили юбку!

– Тебя толкнули в грязь? – воскликнул изумленный Бао-юй, глядя на юбку Сян-лин. – Жаль! Этот гранатовый шелк нельзя пачкать, он не терпит грязи!

– Этот шелк недавно привезла барышня Бао-цин, – сказала Сян-лин. – Она подарила по куску мне и барышне Бао-чай, и мы сшили из него юбки. Я сегодня надела ее в первый раз.

– Для вас ничего не стоит портить в день по такой юбке, – произнес Бао-юй и с досадой топнул ногой. – Но ведь это подарок барышни Бао-цин, и такие юбки есть только у тебя и у Бао-чай, а ты свою юбку испортила. Конечно, Бао-цин обидится!.. Да и тетушка Сюэ ворчлива. Говорят, она часто упрекает вас, будто вы не умеете беречь вещи. Увидит твою юбку, опять будет ругаться!

Сочувствие Бао-юя растрогало Сян-лин, и печаль ее как рукой сняло.

– Вы правы! У меня есть еще несколько юбок, но ни одна не похожа на эту! Если бы было хоть что-нибудь похожее, я бы переделалась, а потом можно было бы подумать, что дальше делать.

– Стой спокойно, иначе запачкаешь нижнюю рубашку, штаны и туфли, – предостерегающе сказал Бао-юй. – Я вспомнил! В прошлом месяце Си-жэнь сшила себе точно такую юбку, но ни разу не надевала ее, поскольку ей нужно соблюдать траур. Хочешь, я прикажу ей, чтобы она дала юбку тебе?

Сян-лин покачала головой и улыбнулась:

– Не нужно! Если об этом узнают, неудобно.

– Что здесь неудобного? – возразил Бао-юй. – Как только у Си-жэнь окончится период траура, можешь вернуть ей взамен то, что ей понравится! Я не узнаю тебя, обычно ты не упрямисься! Да и скрывать здесь нечего, можешь рассказать обо всем сестре Бао-чай. Самое главное, чтобы тетушка не сердилась.

Сян-лин немного подумала – слова Бао-юя показались ей разумными. Кивнув головой, она решительно произнесла:

– Пусть будет так, не стану обижать вас отказом! Я подожду здесь. Только попросите Си-жэнь, чтобы она сама принесла юбку!..

Обрадованный Бао-юй побежал выполнять ее просьбу. Когда он свернул за угол, в голове его мелькнула мысль:

«Как жаль, что у такой хорошей девушки нет родителей! Ведь она даже фамилии своей не помнит, ее похитили в детстве и продали такому деспоту!»

Потом мысли его обратились к Пин-эр:

«Когда-то с Пин-эр произошла неприятность, а сейчас с этой случилась еще более странная история!»

Охваченный подобными мыслями, он добрался до дому, позвал Си-жэнь и рассказал ей обо всем.

Надо сказать, что все в доме жалели Сян-лин, а Си-жэнь была щедра и вдобавок дружила с девушкой, поэтому, выслушав рассказ Бао-юя, она моментально открыла сундук, вытащила юбку и вместе с Бао-юем отправилась к Сян-лин. Та стояла на прежнем месте и терпеливо ждала.

– Какая же ты озорная! – упрекнула ее Си-жэнь. – Видишь, до чего доигралась!

– Спасибо тебе, сестра! – ответила Сян-лин, смущенно улыбаясь. – Я даже не предполагала, что эта паршивка так зло подшутит надо мной.

Она взяла у Си-жэнь юбку, развернула ее, тщательно осмотрела – юбка была в точности такая, как ее собственная. Затем она приказала Бао-юю отвернуться, и переделалась.

– Дай мне пока свою юбку, – попросила Си-жэнь. – Я ее потом тебе пришлю. Если ты понесешь ее домой, могут заметить и станут допытываться, что случилось.

– Возьми, дорогая сестра, отдай ее кому хочешь! – сказала Сян-лин. – У меня теперь есть твоя, и та мне больше не нужна!

– Какая ты щедрая! – иронически воскликнула Си-жэнь.

Сян-лин дважды поклонилась ей и поблагодарила. Си-жэнь взяла у нее грязную юбку и ушла.

В это время Бао-юй, сидя на корточках, выкопал палочкой в земле ямку, собрал опавшие лепестки цветов и усыпал ими дно ямки. Потом он положил в ямку «орхидею супругов» и «водяной орех близнецов», прикрыл их лепестками, засыпал ямку землей и притоптал ногами.

– Ну как это называется? – воскликнула Сян-лин, дотронувшись до руки Бао-юя. – Недаром говорят, что вы иногда делаете удивительные вещи. Поглядите на себя! Ведь у вас руки в грязи и в зелени, а вы и не думаете их вымыть!..

Бао-юй рассмеялся и отправился мыть руки. Сян-лин тоже ушла.

Отойдя на несколько шагов, Сян-лин вдруг обернулась и позвала Бао-юя. Бао-юй не знал, что она хочет ему сказать, и, потирая руки, откликнулся:

– Что?

Сян-лин глядела на него и смеялась. Бао-юй чувствовал, что она хочет что-то сказать, но уста ее не могут произнести ни слова. Тут вдруг к ней подошла служанка Чжэнь-эр и сказала:

– Скорее идем, вторая барышня Ин-чунь тебя ждет!

Сян-лин покраснела и попросила Бао-юя:

– Не рассказывайте ни о чем старшему брату Сюэ Паню!

Бао-юй бросил ей вслед:

– Неужели ты думаешь, что я сошел с ума и захочу лезть в пасть тигра?!

С этими словами он тоже удалился.

Если вам хочется узнать, что последовало затем, загляните в следующую главу.

Глава шестьдесят третья, повествующая о том, как во «дворе Наслаждения розами» был устроен ночной пир по случаю дня рождения и как родственники хоронили того, кто умер от пилюль бессмертия

Бао-юй, возвратившись домой, вымыл руки и сказал Си-жэнь:

– Вечером будем пить вино! Нужно устроить так, чтобы все веселились без стеснения! Распорядись приготовить угощение!

– Об этом не беспокойся! – ответила Си-жэнь. – На угощение мы с Цин-вэнь, Шэ-юэ и Цю-вэнь внесли по пять цяней серебра, то есть два ляна. Фан-гуань, Би-хэнь, Чунь-янь и Сы-эр дали по три цяня серебра. Если все сложить, то даже без тех, кто ушел в отпуск, это составит три ляна и два цяня. Все эти деньги мы передали тетушке Лю и просили ее приготовить сорок блюд. Потом я поговорила с Пин-эр, и она дала мне кувшин лучшего шаосинского вина. Таким образом, угощение по случаю дня твоего рождения устраиваем мы, восемь человек.

– Откуда у младших служанок могут быть деньги? – воскликнул Бао-юй, хотя в душе обрадовался. – Не следовало бы вводить их в расход!

– У них нет денег, а у нас есть? – возразила Цин-вэнь. – Каждый вносит деньги по собственному желанию. Чего нам беспокоиться, откуда их берут! Не думай ни о чем и принимай оказываемые тебе знаки внимания!

– Может быть, ты и права, – улыбнулся Бао-юй.

– Что ты за человек, Цин-вэнь! – засмеялась Си-жэнь. – Дня не можешь прожить, чтобы на кого-либо не поверчать!

– Ты тоже хороша! – улыбнулась в ответ Цин-вэнь. – Вечно ко всему придираешься и только сеешь раздоры!

Все трое засмеялись.

– Закройте дворовые ворота! – распорядился Бао-юй.

– Недаром тебя называют «занятым бездельником»! – воскликнула Си-жэнь. – Если запереть так рано ворота, люди подумают, что мы затеяли что-нибудь дурное. Лучше немного подождать.

– Ладно, я пока погуляю, – согласился Бао-юй, кивнув головой. – Пусть Сы-эр натаскает воды. Чунь-янь пойдет со мной!

Он вышел со двора и, убедившись, что поблизости никого нет, спросил Чунь-янь об У-эр.

– Я только что передала все тетушке Лю, – сообщила ему Чунь-янь, – и она очень довольна! Но только У-эр сейчас не может прийти, потому что после той ночи, когда ее обидели, она снова заболела. Придется подождать, пока она поправится!

Расстроенный, Бао-юй сокрушенно вздохнул.

– Си-жэнь знает об этом? – спросил он.

– Я ей ничего не рассказывала, – ответила Чунь-янь. – Не знаю, может быть, Фан-гуань сказала.

– Я тоже не говорил, – заметил Бао-юй. – Но ничего, еще расскажу!

Он повернулся и направился домой. Там он приказал, чтобы ему подали воду, и принялся мыть руки.

Когда настало время зажигать лампы, во двор с шумом ввалилась толпа людей. Служанки выглянули в окно и увидели жену Линь Чжи-сяо. Впереди нее шла женщина с зажженным фонарем, а позади следовали экономки.

– Они проверяют ночных сторожей, – шепотом сказала Цин-вэнь. – Сейчас уйдут, и мы сможем запереть ворота.

Люди, которые оставались на ночь дежурить во «дворе Наслаждения розами», вышли навстречу жене Линь Чжи-сяо. Убедившись, что все в полном порядке, она предупредила:

– Не спите до самого рассвета и не смейте пить и играть на деньги! Если узнаю, что мой приказ нарушен, – берегитесь!

– Да неужели кто-нибудь осмелится нарушить ваше приказание! – с улыбкой отвечали ей люди.

– Второй господин Бао-юй лег спать? – осведомилась жена Линь Чжи-сяо.

– Не знаем, – последовал ответ.

Си-жэнь поспешно подтолкнула Бао-юя, тот сунул ноги в башмаки и вышел.

– Я еще не сплю, – громко сказал он. – Зайдите к нам, посидите немного, тетушка... Си-жэнь, налей чаю!

– Вы еще не спите! – удивилась жена Линь Чжи-сяо. – Нынче ночи короткие, а дни длинные, так что нужно ложиться пораньше, чтобы пораньше просыпаться. Если вы будете вставать поздно, люди скажут, что вы барич, а ведете себя как последний кули.

Она улыбнулась Бао-юю. Тот тоже улыбнулся ей:

– Вы совершенно правы, тетушка! Я всегда ложусь так рано, что даже не слышу, когда вы приходите. Но сегодня я ел лапшу и решил немного прогуляться, чтобы не получилось засорения желудка.

– Надо было заварить чай «пуэр», – заметила жена Линь Чжи-сяо, обращаясь к Си-жэнь.

– Мы заварили целый чайник, – тотчас ответила Си-жэнь, – он уже выпил две чашки. Сейчас и вам нальем чашечку, попробуйте!

Цин-вэнь принесла чай. Жена Линь Чжи-сяо, продолжая стоять, взяла у нее чашку:

– Я слышала, второй господин, что вы стали называть барышень прямо по имени. Хотя в доме посторонних нет, все же следует с большим уважением относиться к людям, которые прислуживают вашим бабушке и матушке. Если это произошло случайно, еще куда ни шло. Но если это войдет в обычай, вашему примеру последуют братья и племянники, и люди станут говорить, будто у нас в доме младшие не уважают старших.

– И здесь вы правы, тетушка! – снова согласился Бао-юй. – Действительно, я иногда называю барышень по имени.

– Не упрекайте его, – улыбнулись Си-жэнь и Цин-вэнь. – У него по нынешний день слово «сестра» не сходит с языка, а если он и назвал кого-нибудь по имени, то это в шутку. В присутствии посторонних он себе этого не позволяет и ведет себя, как и раньше.

– Хорошо, – одобрительно заметила жена Линь Чжи-сяо. – Это доказывает, что он читает книги и знает этикет. Чем скромнее и уступчивее он будет, тем больше его будут уважать. Я уж не говорю о старых служанках, переведенных сюда из комнат старой госпожи, но даже собачек и кошек, принадлежащих старой госпоже, обижать без нужды не следует. Только такое поведение достойно знатного, воспитанного юноши!

Она выпила чай и собралась уходить.

– Ну, отдыхайте, – а мы уходим!

– Желаю и вам спокойной ночи, – сказал ей на прощание Бао-юй.

Жена Линь Чжи-сяо и сопровождавшие ее женщины отправились продолжать осмотр.

Цин-вэнь заперла ворота и, вернувшись в дом, со смехом воскликнула:

– Эта тетушка где-то подвыпила и вздумала читать нам нравоучения!

– Неужели она делала это из дурных побуждений? – с упреком возразила Шэ-юэ. – Она боится, как бы чего-нибудь не случилось, поэтому ходит повсюду, всех предостерегает, всем напоминает.

Она стала накрывать на стол и расставлять вино, фрукты, закуски.

– Не нужно высоких столов, – заявила Си-жэнь. – Поставим на кан низенький круглый столик и все усядемся за него – так будет и свободно и удобно.

По предложению Си-жэнь стол был принесен. Шэ-юэ и Сы-эр в несколько приемов перенесли все фрукты и закуски на кан. В прихожей возле жаровни на корточках сидели две старухи и подогревали вино.

– Жарко, снимем халаты, – предложил Бао-юй.

– Хочешь снять – снимай, – ответили ему. – А нам надо ухаживать за гостями.

– Ухаживать вам придется до пятой стражи, – проговорил Бао-юй. – Я не люблю все эти условности и никому не нужные правила приличия. Правда, при посторонних приходится соблюдать их, но если вы собираетесь меня раздражать, – достанется вам!

– Ладно, пусть будет по-твоему, – согласились все.

Девушки поспешно стали снимать с себя халаты. Вскоре головные украшения тоже были сняты, волосы кое-как собраны в пучок на макушке, и все остались лишь в легких кофтах, плотно облегающих тело.

На Бао-юе была только красная шелковая куртка да зеленые в черный горошек сатиновые штаны, завязки которых у щиколоток он ослабил, чтобы было свободнее. Повязавшись вокруг талии полотенцем для вытирания пота, Бао-юй сидел, подложив под руку новую шелковую подушку с узорами из разноцветных роз и лепестков гортензии, и играл с Фан-гуань в цайцюань⁶.

Фан-гуань все время ворчала, что ей жарко. Она сбросила с себя все, кроме кофточки цвета яшмы да узких светло-розовых штанов, подпоясанных зеленоватым полотенцем. Волосы ее, заплетенные в косички, были собраны на затылке и ниспадали на спину толстой косой, в мочку правого уха был вставлен кусочек яшмы величиной с рисовое зернышко, а в левом красовалась подвеска из красной яшмы, похожая на вишню, вделанную в золото. На фоне этих скромных украшений особенно выделялись белизна ее круглого, как луна, лица и светлые, точно воды Хуанхэ осенью, глаза.

Глядя на нее и на Бао-юя, все говорили:

– Они словно близнецы!

Си-жэнь наполнила кубки вином:

– Погодите играть! Хотя за гостями никто не ухаживает, я хочу, чтобы все выпили глоток вина!

Она первая подняла кубок и осушила его. Ее примеру последовали остальные. После этого все уселись друг возле друга.

Чунь-янь и Сы-эр, которым неудобно было сидеть на самом краю кана, принесли для себя расписные табуретки.

Приготовленные сорок закусок были разложены на тарелках из белого динчжоуского фарфора; это были сушеные и свежие фрукты с севера и юга, а также самые разнообразнейшие яства.

– А теперь давайте сыграем в застольный приказ! – предложил Бао-юй.

– Только без шума, а то могут услышать! – предупредила его Си-жэнь. – И потом мы люди неграмотные, так что без древних текстов.

– А по-моему, лучше играть в кости, – предложила Шэ-юэ.

– Нет, – махнул рукой Бао-юй. – Лучше угадывать названия цветов.

– Верно! Я давно думала об этом! – поддержала его Цин-вэнь.

– Эта игра, конечно, интересная, – согласилась Си-жэнь, – но людей мало.

⁶ Цайцюань – азартная игра, основанная на отгадывании разогнутых на руке пальцев.

– Послушайте меня! – вмешалась Чунь-янь. – Давайте пригласим барышню Бао-чай, барышню Линь Дай-юй да барышню Сян-юнь. А когда настанет время второй стражи, отпустим их спать!

– Это вызовет шум, придется открывать ворота, – возразила Си-жэнь. – А вдруг нагрянет ночной дозор...

– Ничего! – возразил Бао-юй. – Третья сестра Тань-чунь тоже любительница вина, и если мы ее пригласим, нам ничего не страшно! Да и барышня Бао-цинцунь...

– Барышню Бао-цинцунь пригласить можно, но она ведь живет у старшей госпожи Ли Вань, и если пойти за нею, подымется переполох, – ответили ему.

– Пустяки! – заявил Бао-юй. – Сейчас же пригласите ее!

Чунь-янь и Сы-эр не решились возражать и, отперев ворота, в сопровождении других служанок побежали исполнять его приказание.

– Эти девчонки ничего не добьются, – заметили Цин-вэнь и Си-жэнь, когда служанки вышли. – Придется пойти нам самим, мы доставим всех сюда живыми или мертвыми!

Цин-вэнь и Си-жэнь приказали женщинам зажечь фонари и тоже отправились. И действительно, когда они пришли к Бао-чай, та отказалась пойти, ссылаясь на позднее время. Что касается Дай-юй, то она заявила:

– Я себя плохо чувствую!

Однако Си-жэнь и Цин-вэнь не отступали и продолжали их упрашивать:

– Ну окажите нам хоть немного уважения, посидите чуть-чуть, а потом уйдете...

Дай-юй и Бао-чай наконец уступили, чему Си-жэнь и Цин-вэнь обрадовались. Потом они подумали, что, если Ли Вань узнает о пиршестве, получится неудобно. Поэтому они позвали Цуй-мо и велели ей вместе с Чунь-янь пойти к Ли-Вань и Бао-цинцунь и привести их во «двор Наслаждения розами», что те и сделали.

Затем Си-жэнь чуть не силой притащила Сян-лин. На кане поставили еще один столик, и все наконец расселись.

– Сестрица Линь Дай-юй боится холода, пусть она сядет у стены! – воскликнул вдруг Бао-юй, подсовывая девушке под спину подушку.

Что касается Си-жэнь и других служанок, то они поставили для себя стулья перед каном.

Дай-юй сидела поодаль от стола, прислонившись спиной к подушке, и оживленно разговаривала с Бао-чай, Ли Вань и Тань-чунь.

– Вы всегда осуждаете тех, кто по ночам пьет и играет в кости, – говорила она. – Как же мы будем делать им замечания, если сами занимаемся тем же?

– А что здесь плохого? – с улыбкой возразила ей Ли Вань. – Мы ведь веселимся не каждый день, а только по праздникам.

Между тем Цин-вэнь принесла бамбуковый стакан с гадательными пластинками из слоновой кости, на которых были изображены цветы, потрясла его и поставила на середину стола. После этого она вынула игральные кости, положила их в коробочку, потрясла ее, затем открыла и объявила, что получилось шесть очков. Шестой с края оказалась Бао-чай.

– Хорошо, я буду первой, – улыбнулась Бао-чай, – но только не знаю, что вытасу!

Она потрясла стакан и вытасила из него одну пластинку. На пластинке был изображен пион и следовала надпись: «Красотой превосходит все цветы», за которой шла строка из стихотворения, написанного в Танскую эпоху: «Пускай бесчувственны цветы, но трогают людей». К этой строке имелось пояснение: «Все сидящие за столом должны выпить по кубку вина! Это самый красивый цветок – он приказывает любому прочесть стихотворение или станс либо спеть песенку».

– Как удачно! – засмеялись все. – Ведь ты сама достойная пара цветку пиона!

Все подняли кубки. Бао-чай тоже выпила, а затем сказала:

– Теперь пусть Фан-гуань споет!

– Если хотите, чтоб я пела, пусть все снова выпьют, тогда мое пение покажется более красивым, – поставила условие Фан-гуань.

Никто не возражал, все выпили, и Фан-гуань запела:

Чудесен вид тех мест, где мы
собрались в день рождения...

– Не надо! – закричали ей. – От тебя не требуют никаких поздравлений. Спой то, что умеешь!

Фан-гуань ничего не оставалось, как спеть арию «Когда люблюсь я цветами», начинающуюся со слов:

Собрав изумрудные феникса перья,
связала в метелки-пучки
И, неба врата обходя, подметаю
опавших цветов лепестки.

Пока она пела, Бао-юй взял со стола пластинку и несколько раз прочел на ней строку: «Пускай бесчувственны цветы, но трогают людей». Когда же Фан-гуань умолкла, он задумчиво посмотрел на нее. Сян-юнь тотчас отняла у него пластинку и отдала ее Бао-чай.

Бао-чай бросила кости – оказалось шестнадцать очков, а шестнадцатой по счету была Тань-чунь.

– Что мне выпало? – смущенно улыбаясь, спросила она.

Протянув руку, она взяла из стакана первую попавшуюся пластинку, прочла надпись на ней, потом бросила ее на стол и вся зарделась.

– Здесь много неприличных слов! В такую игру можно играть мужчинам, и то не дома!

Никто ничего не понял, и Си-жэнь с любопытством поглядела на пластинку. На ней был изображен цветок абрикоса и следовала подпись: «Божественный цветок Яшмового пруда». Затем шли стихи:

«Вот возле солнца абрикос у самых облаков...»

Потом следовало пояснение: «Девушка, которая вытащит эту пластинку, обретет благородного мужа; все должны поздравить ее и выпить по кубку вина, а после этого выпить вместе с ней».

– Оказывается, вот что! – засмеялись все. – В этой пластинке заключена насмешка над женщинами! Ну и что такого? Подобные надписи имеются лишь на одной-двух пластинках. Одна из наших родственниц стала женой государя, неужели ты не можешь уподобиться ей?

Все стали поздравлять Тань-чунь. Но она не соглашалась пить вино. Однако Сян-юнь, Ли-Вань и Сян-лин успокоились только тогда, когда насильно заставили Тань-чунь выпить. Тань-чунь просила прекратить эту игру, но никто и слышать не хотел.

Наконец, Сян-юнь вложила в руку Тань-чунь кости, потрясла ее руку и выбросила кости на стол. Получилось девятнадцать очков; таким образом, пластинку из стакана должна была тащить Ли Вань.

Вытащив пластинку, Ли Вань прочла надпись на ней и воскликнула:

– Замечательно! Вы только поглядите, как интересно!

Все посмотрели на пластинку. На ней был нарисован цветок сливы, за которым следовали иероглифы: «Холодная красота в морозное утро», и дальше шли стихи:

Дом камышовый в ограде бамбуковой —
это отрада твоя.

За надписью следовало пояснение: «Выпей кубок, и пусть следующий бросает кости».

– Действительно, интересно! – воскликнула Ли Вань. – Пусть бросает кости следующий!
Я осушу кубок, хотя это вызовет ваше разочарование.

Она выпила вино и передала кости Дай-юй. Дай-юй бросила кости – оказалось восемнадцать очков. Тянуть пластинку из стакана должна была Сян-юнь.

Сян-юнь засучила рукава и, играя пальцами, вытащила из стакана пластинку. На ней была изображена ветка яблони-китайки и возле нее надпись: «Приятен и сладок глубокой ночью сон», а далее строки из стихотворения, гласившие:

Только боюсь я в ночи непроглядной
крепко заснуть меж цветов.

– Лучше бы вместо «в ночи непроглядной» было «на камне холодном», – засмеялась Дай-юй.

Грянул общий смех – все поняли, что она намекает на тот случай, когда Сян-юнь пьяная спала на каменной скамье. Однако Сян-юнь не растерялась и, показав пальцем на лодку, стоявшую на шкафу, вскричала:

– А ты не болтай, а садись в лодку да поезжай домой!

Все так и покатались со смеху.

Наконец, немного успокоившись, решили прочесть пояснение к приказу: «Приятен и сладок глубокой ночью сон». Оно гласило: «Вытащивший эту пластинку велит выпить по кубку тем, кто сидит по обе стороны от него».

– Амитофо! – захлопала в ладоши Сян-юнь и засмеялась. – Вот замечательная пластинка!

Так как с одной стороны от нее сидела Дай-юй, а с другой – Бао-юй, им обоим наполнили кубки и заставили выпить.

Бао-юй выпил полкубка и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, передал кубок Фан-гуань, которая мгновенно допила оставшееся вино. Что же касается Дай-юй, то она, продолжая беседовать, сделала вид, что пьет, а сама незаметно вылила вино в полоскательницу.

Между тем Сян-юнь снова бросила кости. Выпало девять очков. Девятой по счету оказалась Шэ-юэ. Шэ-юэ вытащила пластинку. На одной стороне ее был изображен цветок чайной розы, сопровождаемый надписью: «Как изящен прекрасный цветок», а на другой стороне – строка из древнего стихотворения: «Цветами чайной розы настала пора, готовы раскрыться они».

И за нею пояснение: «Каждый из сидящих за столом пьет по три кубка вина в честь уходящей весны».

– Как это понимать? – с недоумением спросила Шэ-юэ.

Бао-юй нахмурил брови, поспешно спрятал пластинку и сказал:

– Давай лучше выпьем!

Все сделали по три глотка, вместо того чтобы пить по три кубка, что было бы слишком много. После этого кости бросала Шэ-юэ. Выпало десять очков. Десятой оказалась Сян-лин. Она вытащила из стакана пластинку, на которой был изображен цветок лотоса на двух сросшихся стеблях и следовала надпись: «Два стебля сплелись вместе, предвещающая счастье», а на другой стороне пластинки была начертана строка из старинного стихотворения: «На ветвях, сплетенных тесно, расцвели цветы». Пояснение гласило: «Тот, кто вытащил эту пластинку, должен осушить три кубка, остальные – по одному».

Затем кости бросила Сян-лин. Получилось шесть очков; теперь должна была тащить пластинку Дай-юй.

– Что бы мне такое вытащить! – задумчиво промолвила она.

Поколебавшись немного, она вытащила из стакана пластинку, на которой был изображен цветок мальвы и следовала надпись: «Одинокó грустишь под ветром и росой». Перевернув пластинку, она увидела строку из древнего стихотворения: «Не ветер восточный приносит печаль, сама ты тоскою полна», и пояснение к приказу: «Один кубок выпей сам, один кубок пусть выпьет тот, кто вытащил пластинку с пионом».

– Вот это замечательно! – засмеялись все. – Кроме Дай-юй, никого нельзя сравнить с мальвой!

Дай-юй тоже рассмеялась. Она выпила вино и бросила кости. Получилось двадцать очков, и теперь должна была тащить пластинку Си-жэнь... Си-жэнь вытащила веточку с цветами персика, за которой следовала надпись: «Чудесные виды Улина» и стихи: «Краснеет персик; снова здесь весь год стоит весна...» После этого шло пояснение: «Вместе с тем, кто вытащил эту пластинку, пьют по одному кубку все одноклассники и однофамильцы, а также тот, кто вытащил пластинку с цветком абрикоса».

– Это еще интереснее! – засмеялись все.

Затем стали считать, сколько кому лет. Оказалось, что Сян-лин, Цин-вэнь и Бао-чай родились в один и тот же год, а Дай-юй родилась в один час с Си-жэнь, но не нашлось ни одного, кто носил бы одинаковую фамилию с Си-жэнь.

– Моя фамилия тоже Хуа, и я выпью вместе с Си-жэнь! – воскликнула тогда Фан-гуань.

Снова осушили по кубку.

– О ты, которой судьба предназначила благородного мужа, – проговорила Дай-юй, обращаясь к Тань-чунь. – Ведь ты вытащила цветок абрикоса, так пей же скорее и не задерживай нас!

– Замолчи! – вспыхнула Тань-чунь. – Сестра Ли Вань, дай ей пощечину, тебе это с руки!

– Ну что ты, мне жалко ее! – возразила со смехом Ли Вань. – И так судьба оказалась безжалостной к ней, не дав благородного мужа, а тут еще бить ее.

Раздался взрыв смеха. Когда все успокоились, Си-жэнь снова собралась бросить кости, но в этот момент кто-то постучал в дверь. Одна из старух вышла осведомиться, в чем дело, – оказалось, тетушка Сюэ прислала своих служанок за Дай-юй.

– Который час? – удивленно спросили их.

– Третья стража, – послышался ответ, – уже пробило одиннадцать.

Бао-юй не поверил и потребовал, чтобы ему подали часы. Оказалось, время действительно близится к полночи.

– Я больше не могу задерживаться, – заявила Дай-юй, вставая. – Мне нужно принимать лекарство.

– Нам тоже пора, – поддержали ее другие.

Однако Си-жэнь и Бао-юй запротестовали, не желая никого отпускать, кроме Дай-юй.

– Так нельзя, – возразили Ли Вань и Тань-чунь. – Время позднее. Засидеться – значит нарушить правила.

– Тогда выпьем еще по кубку и разойдемся, – решила Си-жэнь.

Цин-вэнь и другие разлили вино. Все выпили и приказали зажечь фонари. Си-жэнь проводила уходящих до «беседки Струящихся ароматов», которая была расположена на берегу речки. Когда она вернулась домой, ворота заперли и игра продолжалась.

Си-жэнь наполнила вином несколько больших кубков, поставила их на поднос вместе с фруктами и закусками и поднесла старым нянькам, находившимся тут же.

Все были навеселе, с увлечением играли в цайцюань, а проигравшие пели песни.

Уже наступило время четвертой стражи, а пир все продолжался. Старые няньки в открытую ели и пили, при всяком удобном случае стараясь стащить что-нибудь со стола. Когда наконец вино иссякло, служанки убрали со стола, подали чай для полоскания рта, и все разошлись.

Фан-гуань так напилась, что щеки ее покраснелись, словно их густо покрыли румянами, брови были сдвинуты, глаза сузились. Она выглядела еще более очаровательной, чем обычно. Не в силах двигаться, Фан-гуань спала, бессильно повиснув на плече Си-жэнь.

– Сестра, – бормотала она сквозь сон, – послушай, как сильно бьется мое сердце!

– А кто тебе велел столько пить? – спросила ее Си-жэнь.

Чунь-янь и Сы-эр опьянели больше всех и давно уже спали. Цин-вэнь хотела разбудить их, но Бао-юй остановил ее:

– Не надо! Давайте и мы соснем!

Он опустил голову на подушку и моментально погрузился в глубокий сон...

Си-жэнь не хотела тревожить Фан-гуань, так как девочка была сильно пьяна и ее могло стошнить, поэтому она потихоньку приподняла ее и положила рядом с Бао-юем, а сама улеглась на тахту напротив. Все спали так крепко, что не слышали, что творится кругом.

Как только забрезжил рассвет, Си-жэнь открыла глаза и, увидев в окно ясное голубое небо, воскликнула:

– Ах, как поздно!

Она осмотрелась и увидела Фан-гуань, которая спала, положив голову на край кана. Си-жэнь встала и начала будить ее. Потревоженный Бао-юй повернулся на бок и проснулся.

– Уже утро? – с улыбкой произнес он и стал помогать Си-жэнь будить Фан-гуань.

Наконец Фан-гуань немного пришла в себя, села и, ничего не понимая, принялась протирать глаза.

– Как тебе не стыдно! – упрекнула ее Си-жэнь. – Ты вчера напилась до потери сознания и повалилась прямо здесь!

Оглядевшись, Фан-гуань поняла, что спала рядом с Бао-юем. Она соскочила на пол и смущенно улыбнулась:

– Как же я...

Больше она ничего не смогла произнести и умолкла.

– А мне и не снилось, что ты рядом! – с улыбкой воскликнул Бао-юй. – Если бы я знал, непременно раскрасил бы тебе лицо тушью!

Между тем в комнату вошла девочка-служанка и подала таз для умывания.

– Вчера я доставил беспокойство другим, – с улыбкой говорил Бао-юй. – Сегодня вечером придется отплатить за угощение угощением.

– Ладно тебе! – запротестовала Си-жэнь. – Если снова будем шуметь, пойдут толки и пересуды.

– Ничего! – воскликнул Бао-юй. – Мы повеселимся всего два раза... А пить мы умеем! И как это умудрились так быстро прикончить целый кувшин? Как назло, вино кончилось в самый разгар веселья.

– Вот и хорошо! Если б мы в один день закончили праздник, потом было бы скучно, – заметила Си-жэнь. – Вчера все были хороши. Цин-вэнь, позабыв всякий стыд, даже песни пела.

– Неужели, сестра, ты не помнишь, что и сама пела? – улыбнулась Сы-эр. – Да и не только ты, все пели!

Услышав это, все покраснели от стыда, закрыв лицо руками, потом рассмеялись. В этот момент вошла Пин-эр.

– Я приглашаю к себе всех, кто вчера присутствовал на угощении, – сказала она. – Сегодня я устраиваю ответное угощение. Кто не придет – не прощу!

Ее пригласили сесть, подали чаю.

– Как жаль, что ее вчера не было с нами! – с улыбкой воскликнула Цин-вэнь.

– А что вы делали? – удивленно спросила Пин-эр.

– Об этом рассказывать нельзя, – ответила Си-жэнь. – Мы всю ночь веселились. У нас было веселее, чем на праздниках, которые устраивает сама старая госпожа. Представь себе, мы

распили целый кувшин вина! Напились до того, что всякий стыд потеряли, даже песни пели. Только после четвертой стражи легли спать!

– Здрóрово! – засмеялась Пин-эр. – Взяли у меня вино, меня не пригласили, а теперь еще дразните своими рассказами!

– Сегодня он устраивает угощение и непременно придет лично приглашать тебя, – сказала Цин-вэнь, – так что жди!

– Кто это «он»? – улыбнулась Пин-эр. – Кого ты подразумеваешь под словом «он»?

Цин-вэнь смущенно покраснела и замахнулась на Пин-эр:

– Ну и характер! Ко всему придирается!

– Тьфу, бесстыжая! – шутливо выругалась Пин-эр. – Счастье твое, что я сейчас занята. Скоро я пришлю кого-нибудь пригласить вас. Кто не придет – берегитесь!

Бао-юй просил ее немного посидеть, но она отказалась, встала и вышла.

Между тем Бао-юй умылся, причесался и сел пить чай. Случайно заметив на столе листок бумаги, край которого был прижат тушечницей, он недовольно сказал:

– Вечно суют всё куда попало!

– Что такое? – удивленно спросили его Си-жэнь и Цин-вэнь. – Кто опять провинился?

– Посмотрите, что там! – Бао-юй указал пальцем на тушечницу. – Наверное, забыли убрать.

Цин-вэнь вытащила бумажку и отдала ее Бао-юю. Это была записка. Бао-юй развернул ее и прочел: «Ничтожная Мяо-юй, стоящая вне порога, почтительно и смиренно кланяется и поздравляет вас с днем рождения».

– Кто принял эту записку? – недовольным тоном спросил Бао-юй. – Почему мне ничего не сказали?

Не понимая, в чем дело, Си-жэнь и Цин-вэнь решили, что это письмо от какого-нибудь важного лица, и бросились расспрашивать служанок:

– Кто вчера принимал письмо?

В комнату торопливо вбежала Сы-эр и с улыбкой сказала Бао-юю:

– Это вчера прислала Мяо-юй с какой-то старухой, а я засунула сюда. Потом пила вино и совершенно забыла вам сказать!

– А мы-то гадали, от кого письмо! – воскликнули другие служанки. – Из-за такого пустяка не стоит подымать шум.

– Дайте мне бумаги! – распорядился Бао-юй.

Он растер тушь, приготовил лист бумаги, собираясь писать, потом взял записку Мяо-юй, чтобы посмотреть, как она себя именует, и, увидев слова «Ничтожная... стоящая вне порога», поднял кисть и задумался: как же именовать себя. Думал он долго, но придумать ничего не мог. «Надо бы посоветоваться с сестрой Бао-чай, – решил он, – но как бы она не сказала, что все это вздор. Лучше пойти к сестрице Дай-юй».

Бао-юй спрятал письмо в рукав и отправился искать Дай-юй. Миновав «беседку Струящихся ароматов», он увидел Сю-янь, робкой и нерешительной походкой приближающуюся к нему.

– Куда ты, сестра? – спросил Бао-юй.

– К Мяо-юй, – ответила та, – хочу с ней поговорить!

Ее слова изумили Бао-юя.

– Ведь она такая странная и нелюдима, никого из нас даже близко не подпускает! Видимо, ты пользуешься у нее особым уважением!

– Может быть, она и не очень уважает меня, – возразила Сю-янь, – но мы с нею давно знакомы, потому что почти десять лет были соседями, когда она жила в кумирне Пань-сянсы. Мы в то время были бедны, собственного дома не имели и арендовали дом, принадлежавший этой кумирне. Я часто ходила к Мяо-юй и иероглифы, которые я знаю, выучила только благо-

даря ей. Она была для меня подругой в нужде и в то же время учителем. Потом мы переехали к родственникам и вскоре узнали, что она тоже покинула кумирню и переехала сюда. Таким образом судьба вновь нас соединила. Чувство дружбы у нас осталось неизменным; более того, Мяо-юй относится ко мне ласковее, чем прежде.

Для Бао-юя ее слова прозвучали словно гром среди ясного неба.

– Теперь я не удивляюсь, почему твои речи и манеры непринужденны, как у дикого аиста, плывущего в облаках! – воскликнул он радостно. – Оказывается, вот где кроется причина! А Мяо-юй поставила меня в затруднительное положение, и я хотел с кем-нибудь посоветоваться! Нас свела сама судьба! Прошу тебя, сестра, научи, как лучше поступить!

Он вытащил из рукава поздравление, присланное Мяо-юй, и дал его Сю-янь прочесть.

– Характер ее не изменился, – сказала Сю-янь, прочитав письмо, – уж такая у нее привычка молоть всякий вздор. Никогда мне не приходилось видеть, чтобы на поздравительных письмах кто-нибудь именовал себя каким-либо прозвищем. Она, как говорит пословица: «Монах не монах, мирянин не мирянин, ни женщина, ни мужчина». Даже не пойму, что она собой представляет.

– Не только ты, сестра! – заметил Бао-юй. – Она принадлежит к числу необычных людей, и многие ее не понимают. Думая, что я смогу ее понять, она прислала мне это письмо. А я не знаю, какое слово употребить по отношению к себе в ответе, и отправился к сестрице Линь Дай-юй спросить совета. Я очень рад, что ты повстречалась мне!

Сю-янь внимательно оглядела юношу, немного подумала и с улыбкой сказала:

– Недаром пословица гласит: «Лучше увидеть человека в лицо, чем знать о нем понаслышке». Теперь меня не удивляет, почему она прислала тебе такое письмо и почему в прошлом году позволила тебе наломать цветов сливы. Но раз она к тебе так благосклонна, я могу рассказать тебе истинную причину этого. Мяо-юй часто говорит: «Наши предки, начиная с династий Хань, Цзинь, Тан и кончая периодом Пяти династий и династией Сун, не создали выдающихся стихов. Из всего, что ими написано, самыми удачными являются две фразы:

Себя охраняя, на тысячу лет
ты строишь железный порог;
В конце же концов ты получишь в удел
лишь холмик могильный один.

Вот почему она и сказала, что стоит вне этого порога. Из прозаических произведений ей больше всего нравится Чжуан-цзы, поэтому она иногда называет себя «неземным человеком». Если бы она назвала себя так в письме, ты мог бы именовать себя «мирским человеком». Она не считает себя «мирским человеком» потому, что отказалась от мира, и ей доставило бы удовольствие, если бы ты скромно назвал себя мирским человеком, то есть человеком, пользующимся мирскими благами. Говоря о себе как о «стоящей вне порога», она хочет подчеркнуть, что не переступала порога мирской суеты. Поэтому, чтобы сделать ей приятное, ты должен назвать себя «огражденный порогом».

Объяснения Сю-янь сразу же раскрыли глаза Бао-юю, и он воскликнул:

– Так вот почему наша кумирня называется «кумирней Железного порога»! Извини меня, сестра, я сейчас же бегу домой и пишу письмо Мяо-юй!

Сю-янь отправилась в «кумирню Бирюзовой решетки», а Бао-юй направился домой.

Вернувшись к себе, Бао-юй написал письмо, начав его со слов «Человек, огражденный порогом, вымыв руки, прежде чем взяться за кисть, почтительно приветствует вас». Закончив писать, он побежал к «кумирне Бирюзовой решетки» и бросил письмо в дверную щель.

После обеда все должны были прийти к Пин-эр. Так как в «саду Благоуханных роз» было слишком жарко, она решила устроить празднество в «зале Тенистого вяза», где накрыли несколько столов, на которых расставили вино и самые изысканные закуски.

Все были рады повеселиться. Госпожа Ю пришла вместе с наложницами Пэй-фын и Се-луань.

Эти наложницы, как и остальные девушки, были юны и шаловливы. Им не часто приходилось попадать в сад и, повстречавшись с Сян-юнь, Сян-лин, Фан-гуань, Жуй-гуань и другими, они почувствовали себя словно птицы, вырвавшиеся из клетки. Известно, что «родственные натуры сближаются», и вскоре, позабыв о присутствии госпожи Ю, всецело оставленной на попечение служанок, наложницы весело шутили и смеялись с девушками.

Но не будем увлекаться посторонними описаниями, а расскажем о том, что происходило в «зале Тенистого вяза».

Здесь шел пир горой, и все веселились под звуки музыки. Пин-эр сорвала цветок гортензии, и за столом началась игра в передачу цветка. Поднялся шум, смех.

– Из семьи Чжэнь прислали подарки! – неожиданно доложила появившаяся на пороге служанка.

Тань-чунь и Ли Вань вместе с госпожой Ю вышли в гостиную, чтобы принять подарки. Пэй-фын и Се-луань воспользовались этим и убежали, решив покачаться на качелях.

Бао-юй вышел следом за ними и, когда они сели на качели, предложил:

– Давайте я вас покачаю!..

– Нет, нет, не надо! – воскликнула Пэй-фын. – Еще скандал будет!

В это время из восточного дворца Нинго прибежали служанки и взволнованно сообщили:

– Старый господин Цзя Цзин скончался!..

Все онемели от страха.

– Отчего он мог умереть? Ведь он не болел!

– Старый господин все время совершенствовался и познавал истину, – ответила служанка, – и когда его добродетели достигли предела, он вознесся к бессмертным!

Цзя Чжэня и Цзя Жуна не было дома, Цзя Лянь тоже уехал. Госпожа Ю растерялась, так как помощи ждать было не от кого. Сняв с себя украшения, она приказала людям отправиться в «монастырь Первоначальной истины» и посадить под замок всех находившихся там даосских монахов до приезда Цзя Чжэня, чтобы он мог допросить их. Сама она села в коляску и в сопровождении жены Лай Шэна и нескольких других служанок отправилась за город в монастырь, где умер Цзя Цзин.

По ее распоряжению пригласили врачей, чтобы определить причину смерти. Но как они могли узнать причину смерти, если до этого ни разу не исследовали пульс?! Да и все знали, что Цзя Цзин поклонялся звездам, принимал пилюли из ртути с серой и делал другие глупости, чтобы обрести долголетие. Это и привело к преждевременной смерти. Живот его был тверд, как железо, а губы, сожженные пилюлями бессмертия, потрескались.

Объясняя причину смерти, врачи говорили:

– Он принадлежал к даосской секте, поэтому глотал золото и принимал киноварь, в результате чего сжег себе внутренности.

– Он проглотил тайком изготовленные пилюли бессмертия, – оправдывались взволнованные даосы. – Мы его уговаривали: «Время ваше еще не наступило, пока принимать нельзя». Но сегодня ночью он потихоньку от нас принял пилюлю и вознесся к бессмертным. Он в совершенстве постиг истину и ушел из моря страданий, освободившись от телесной оболочки.

Госпожа Ю не стала слушать монахов, а распорядилась не выпускать их до приезда Цзя Чжэня и тщательно стеречь, а сама послала нарочного с письмом к Цзя Чжэню.

В монастыре было тесно, оставлять здесь гроб с телом было нельзя, нести в город тоже не имело смысла. Тогда решили временно перенести гроб с телом умершего в «кумирню Железного порога».

Предварительно подсчитали, что Цзя Чжэнь сможет приехать не раньше, как через полмесяца. Но погода стояла жаркая, и ждать так долго было невозможно, поэтому госпожа Ю распорядилась гаданием избрать день для погребения.

Гроб для умершего приготовили еще несколько лет назад, и он давно стоял в монастыре, так что хлопот с устройством похорон было немного. Похороны должны были состояться через три дня. Одновременно назначили место для молебствий.

Фын-цзе еще болела и не выходила из дому, Ли Вань присматривала за сестрами, а Баоюй был неопытен, поэтому все дела дворца Жунго за пределами дома пришлось возложить на нескольких младших управляющих. Все остальные обязанности были распределены между Цзя Пянем, Цзя Гуаном, Цзя Хэном, Цзя Ином, Цзя Чаном и Цзя Лином. Госпожа Ю пока оставалась в монастыре и для присмотра за дворцом Нинго пригласила свою мачеху. Та привезла с собой двух незамужних дочерей, ибо не могла чувствовать себя спокойно, живя отдельно от них.

Как только Цзя Чжэнь получил известие о смерти отца, он подал прошение об отпуске для себя и для Цзя Жуна. В ведомстве церемоний не осмелились дать ему отпуск и обратились за указаниями к государю. Надо сказать, что государь был в высшей степени гуманен и отличался почтением к старшим. Кроме того, он уважал потомков своих заслуженных сановников, и как только донесение из ведомства церемоний было ему представлено, он немедленно запросил, какую должность занимал Цзя Цзин.

Из ведомства церемоний пришел ответ:

«Цзя Цзин принадлежал к выходцам из цзиньши, свою наследственную должность он передал сыну Цзя Чжэню. Вследствие преклонного возраста Цзя Цзин часто болел, все время лечился и жил на покое за городом в „монастыре Первоначальной истины“, где и умер. Его сын Цзя Чжэнь и внук Цзя Жун в настоящее время сопровождают вашу царственную особу к месту похорон государыни и почтительно просят отпуск, дабы отправиться на похороны Цзя Цзина».

Услышав об этом, Сын Неба проявил необыкновенную милость и издал указ, который гласил:

«Хотя Цзя Цзин не имеет особых заслуг перед государством, но мы, помня о преданности его деда, посмертно жалуем ему титул пятой степени. Повелеваем его сыновьям и внукам принести гроб с телом покойного в столицу через северные городские ворота и жалуем право подготовить тело к погребению в своем дворце. После окончания похоронных церемоний сыновьям и внукам покойного доставить гроб с телом умершего к месту упокоения его предков. Кроме того, повелеваем приказу, ведающему церемониями, устроить жертвоприношения, полагающиеся высшим сановникам; всем придворным сановникам, носящим титулы ниже ванов и гунов, разрешается принять участие в жертвоприношениях и похоронах. В чем и составлен настоящий указ».

За этот указ не только все члены рода Цзя, но и придворные сановники восхваляли государя и благодарили за великую милость.

Получив указ, Цзя Чжэнь и Цзя Жун тотчас вскочили на коней и помчались домой. На половине пути им повстречались Цзя Пянь и Цзя Гуан. Завидев Цзя Чжэня, они кубарем скакали с коней, низко поклонились ему и справились о здоровье.

– Куда вы? – поспешно спросил их Цзя Чжэнь.

– Ваша супруга, опасаясь, что в ваше отсутствие некому будет прислуживать старой госпоже, велела нам вместо вас сопровождать ее и охранять в пути, – объяснил Цзя Пянь.

Похвалив госпожу Ю за распорядительность, Цзя Чжэнь спросил:

– Как там дома управляются?

Тогда Цзя Пянь подробно рассказал, как взяли под стражу даосов, как перенесли покойного в родовой храм и как приехала мачеха госпожи Ю вместе с дочерьми присматривать за домом и вести хозяйство.

Цзя Жун между тем тоже спешил и слушал рассказ Цзя Пяня. Когда он узнал о приезде своих молоденьких тетушек, лицо его засияло радостной улыбкой.

Цзя Чжэнь несколько раз прерывал рассказ Цзя Пяня одобрительными замечаниями, и как только тот кончил, он подхлестнул коня и помчался дальше. Он так спешил, что не останавливался ни в одной гостинице, только менял там коней и ехал дальше даже ночью.

Добравшись наконец до ворот столицы, он не заехал домой, а помчался прямо в «кумирню Железного порога». Это было глубокой ночью, во время четвертой стражи. При появлении Цзя Чжэня в кумирне начался переполох; сторожа бросились будить и созывать людей.

Цзя Чжэнь и Цзя Жун соскочили с коней и, громко рыдая, на коленях доползли от самых ворот до гроба покойника. Здесь Цзя Чжэнь, схватившись руками за голову, продолжал причитать до самого рассвета и утих только тогда, когда совершенно охрип и потерял голос.

Утром госпожа Ю и другие родственники представились ему. После этого Цзя Чжэнь и его сын, как полагалось по этикету, облачились в траурные одежды и вновь склонили головы перед гробом. Однако хоронить умершего полагалось Цзя Чжэню, поэтому он не мог оставаться безучастным ко всему окружающему и, сдержав свою скорбь, занялся неотложными делами. Прежде всего он довел до сведения всех родственников высочайший указ, а после этого Цзя Жун получил приказание отправиться домой и сделать необходимые распоряжения насчет похорон.

Цзя Жун молча вскочил на коня и поскакал домой. Добравшись до дому, он первым делом распорядился убрать из главного зала все столы и стулья, закрыть ставни, повесить траурные занавесы, а у ворот поставить навес для музыкантов, траурную арку и т. д. После этого он поспешно отправился повидать бабушку и двух тетушек.

Мачеха госпожи Ю была уже стара и любила поспать. Сейчас она как раз дремала, а ее дочери вместе со служанками занимались вышиванием. При появлении Цзя Жуна они переполошились.

Заметив смятение девушек, Цзя Жун засмеялся и сказал, обращаясь ко второй тетушке Ю Эр-цзе:

– Так, значит, приехали? А мой батюшка тоскует по вас!

– Ох и бесстыдник ты, Жун-эр! – выругалась Ю Эр-цзе, смущенно покраснев. – Если не ругать тебя дня два, ты забываешь всякое приличие! Ты из знатной семьи, читаешь книги, учишься правилам этикета, а ведешь себя хуже деревенского парня!

С этими словами она схватила попавшийся под руку утюг и запустила им в Цзя Жуна. Цзя Жун отскочил в сторону, но затем бросился к ней и стал умолять о прощении.

– Вот погоди! – пригрозила ему третья тетушка Ю Сань-цзе, – вернется домой госпожа Ю, расскажу ей о всех твоих проделках!

Цзя Жун засмеялся, опустил колени на край кана и стал упрашивать Ю Эр-цзе простить его. Затем он стал отбирать у нее орехи. Ю Эр-цзе, нажевав полный рот, плюнула ему в лицо, но Цзя Жун слизал все языком и съел.

Девочки-служанки не выдержали и сказали:

– Вы только что надели траур, да и бабушка спит! А вам все нипочем! Эти девушки хоть и молоды, но приходится вам тетями, родственницами вашей матушки! Если вы с ними так вольно обращаетесь, значит свою матушку не уважаете! Как только вернется ваш батюшка, мы ему расскажем, что вы здесь вытворяли! И достанется же вам!

Цзя Жун оставил девушек и обнял служанку и поцеловал ее.

– Милая моя! Ты права, простим их обеих!

– Бессовестный! – выругалась девочка, отталкивая его. – У вас есть жена, чего к нам лезете? Если узнают знакомые, они посмеются, понимая, что это шутка! А если узнают сплетники, которые любят распускать всякие слухи?! Тогда пойдут разговоры, нас назовут распутницами.

– В каждом доме свой хозяин, и никого не касается, что он делает, – с улыбкой сказал Цзя Жун. – Баб всем хватит! Недаром даже о династиях Хань и Тан говорят «Грязная Тан и вонючая Хань». Что уж говорить о нас! В какой семье нет распутства?! Лучше помолчи! Ведь как ни строг старший господин Цзя Шэ, а его сын Цзя Лянь завел шашни с одной из его наложниц! Как ни тверда моя младшая тетушка Фын-цзе, а старший мой дядя Цзя Жуй на нее покушался!.. Я все знаю!

Цзя Жун продолжал говорить, и слова рекою лились с его уст.

Сань-цзе не выдержала и, прыгнув с кана, убежала во внутренние покои будить мать.

Заметив, что бабушка проснулась, Цзя Жун бросился к ней и стал почтительно спрашиваться о здоровье.

– Бабушка! – воскликнул он. – Мы затруднили вас и еще заставили тетушек утруждаться! Мы с батюшкой так благодарны вам! Как только наши хлопоты окончатся, мы всей семьей придем вам поклониться!

– Мальчик мой, – сказала старуха Ю, кивая головой, – что ты говоришь! Родственники должны помогать друг другу!.. Как себя чувствует твой отец? Когда он прибыл?

– Только что, – ответил Цзя Жун. – Приехав, он первым делом послал меня повидаться с вами и попросить вас не уезжать отсюда, пока не закончите всех дел.

С этими словами он незаметно подмигнул Ю Эр-цзе.

– Паршивый болтун! – сквозь зубы процедила Ю Эр-цзе. – Может быть, ты думаешь, что мы останемся няньками у твоего отца?

Цзя Жун, не слушая ее, говорил бабушке Ю:

– Не беспокойтесь! Мой батюшка все время думает о ваших дочерях и хочет подыскать для них состоятельных и благородных женихов. В течение нескольких лет он не мог найти подходящих, но недавно один жених попался.

Старуха решила, что он говорит всерьез, и поспешно спросила:

– А из какой он семьи?

– Мама, не верь этому беспутнику! – воскликнула Эр-цзе, отбрасывая в сторону вышивание.

– Жун-эр! – вскричала Сань-цзе. – Можешь болтать все, что угодно, но не говори гадости.

В этот момент на пороге появилась служанка и, обращаясь к Цзя Жуну, сказала:

– Господин, все ваши приказания выполнены, можете сообщить об этом батюшке!

Цзя Жуну ничего не оставалось, как удалиться.

Если вы не знаете о том, что случилось после этого, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят четвертая, из которой читатель узнает о том, как чистая и добродетельная девушка написала пять стихотворений, в которых оплакивала пять красавиц древности, и как молодой распутник преподнес в подарок «подвеску девяти драконов»

После того как Цзя Жун убедился, что дома все устроено, он поспешил в кумирню и доложил отцу о выполнении его поручения. Цзя Чжэнь распределил обязанности между родственниками, велел изготовить траурные знамена и флаги и в соответствии с гаданием назначил утро четвертого дня для переноса гроба с телом покойного в город, о чем были оповещены все родные и друзья.

Похоронные регалии были пышными, гостей собралось множество. По пути следования гроба с телом покойника от самой «кумирни Железного порога» до дворца Нинго по обе стороны дороги стояли сотни зевак. Были среди них такие, кто искренне вздыхал и жалел покойного, другие завидовали его богатству, третьи осуждали родственников за то, что те устроили слишком роскошные похороны. Одним словом, можно было услышать самые разнообразные и противоречивые толки.

Лишь после полудня гроб с телом был доставлен во дворец и установлен в главном зале. Покойному оказали все почести и совершили жертвоприношения. После этого родственники разошлись, и возле гроба остались лишь самые близкие, которым было поручено встречать и провожать гостей. Из родственников по женской линии здесь остался только дядюшка Син.

Цзя Чжэнь и Цзя Жун, как полагалось по этикету, сидели перед гробом на подстилке из травы и, когда ложились спать, вместо подушки подкладывали себе под голову камень. Хотя они ревностно соблюдали траур, но в душе досадовали на связанные с ним лишения.

Когда же люди расходились, они, пользуясь свободной минутой, вознаграждали себя, развлекаясь с наложницами.

Бао-юй, тоже облаченный в траур, ежедневно приходил во дворец Нинго и лишь вечером, когда все расходились, возвращался к себе в сад. Фын-цзе из-за болезни не могла каждый день являться во дворец Нинго, но в те дни, когда собирались родные и друзья для совершения жертвоприношений или когда устраивались моления, она, напрягая все силы, приходила и помогала госпоже Ю распорядиться церемониями.

Дни становились все длиннее. Однажды Цзя Чжэнь после завтрака почувствовал себя утомленным и уснул возле гроба.

Заметив это и воспользовавшись отсутствием гостей, Бао-юй захотел повидаться с Дай-юй и незаметно ушел. Подойдя к воротам «двора Наслаждения розами», он заметил нескольких женщин и девочек-служанок, которые, укрывшись от зноя, дремали на террасе. Бао-юй не захотел их тревожить. Одна только Сы-эр заметила его и подбежала, чтобы откинуть для него занавеску на дверях. Но в это время из комнаты со смехом выбежала Фан-гуань.

Как только Фан-гуань заметила Бао-юя, она отступила назад и, сдерживая улыбку, спросила:

– Зачем вы вернулись? Придержите Цин-вэнь, она хочет меня побить!

В комнате послышался шум, словно что-то рассыпали по полу, и вслед за тем с бранью выскочила Цин-вэнь.

– Ах ты дрянь! Куда бежишь? Проиграла, а не хочешь отдавать. Бао-юя дома нет! Хотела бы я посмотреть, кто за тебя заступится!

Бао-юй быстро выступил вперед и, загородив ей дорогу, сказал:

– Сестрица Цин-вэнь, я не знаю, чем она тебя обидела, но все же прости ее, хотя бы ради меня!

Цин-вэнь не ожидала, что Бао-юй может вернуться в такое время, и, неожиданно столкнувшись с ним, засмеялась:

– Эта Фан-гуань настоящий оборотень! Даже те, кто знает заклинания, не сумели бы так быстро вызвать духа. – Продолжая смеяться, она обратилась к Фан-гуань: – Но даже если ты вызовешь настоящего духа, я тебя не испугаюсь!

Она вырвалась от Бао-юя и хотела схватить Фан-гуань за руку, но та успела спрятаться за спину Бао-юя и крепко вцепилась в него. Бао-юй взял под руку Фан-гуань, другой рукой привлек к себе Цин-вэнь и вошел с ними в комнату. Цю-вэнь, Шэ-юэ, Би-хэнь и Чунь-янь сидели и играли в камешки. Игра шла на тыквенные семечки.

Оказалось, что Фан-гуань проиграла Цин-вэнь, но свой проигрыш не хотела отдавать и выбежала из комнаты. Цин-вэнь погналась за ней, и семечки, которые у нее были за пазухой, рассыпались по полу.

– А я-то боялся, что вам скучно в мое отсутствие и вы после обеда сразу уляжетесь спать! – воскликнул Бао-юй. – Вот и хорошо, что вы нашли себе развлечение!

Не видя среди играющих Си-жэнь, он удивленно спросил:

– Где же ваша сестра Си-жэнь?

– Си-жэнь? – переспросила Цин-вэнь. – Она решила стать святой и сидит во внутренней комнате, обратившись лицом к стене. Мы давно не входили к ней и не знаем, что она делает, но по крайней мере оттуда не слышно ни звука. Поглядите – может, она уже прозрела!

Бао-юй громко рассмеялся и направился во внутреннюю комнату. Си-жэнь действительно сидела на кровати около окна и, держа в руках пепельного цвета шнур, завязывала на нем узелки. При появлении Бао-юя она торопливо встала и сказала:

– Что там на меня клеветает негодница Цин-вэнь? Мне уже давно нужно было закончить этот чехол, и поэтому я решила их обмануть. «Идите играйте, – сказала я им. – Пока второго господина нет, я хочу немного отдохнуть». А она наплела на меня, будто я занялась созерцанием, хочу «прозреть» и тому подобное. Ох, вырву я ей язык!

Бао-юй, улыбаясь, присел возле Си-жэнь и стал следить за тем, как она завязывает узелки.

– Дни сейчас длинные, еще успеешь закончить. Поиграла бы немного с ними или прилегла отдохнуть, – сказал он. – А если хочешь, можешь пойти к сестрице Линь Дай-юй. Зачем ты трудишься в такую жару?

– Этот черный чехол предназначался для того, чтобы ты его летом иногда брал с собой, если бы пришлось пойти на похороны к знакомым или дальним родственникам, поэтому другого тебе и не нужно было делать, – ответила Си-жэнь. – Сейчас же, поскольку печальное событие произошло во дворце Нинго, тебе чехол нужен каждый день, и я решила поскорее сделать новый. Как только я закончу вязать узелки, ты его возьмешь! Может быть, ты не обращаешь внимания на такие мелочи, но если твоя бабушка заметит, опять она скажет, что мы отлыниваем от работы и не следим за твоими вещами.

– Спасибо, что ты об этом вспомнила, – поблагодарил ее Бао-юй. – Но только не нужно слишком торопиться, при такой жаре ты можешь переутомиться, и с тобой случится удар.

В это время Фан-гуань принесла чашку охлажденного чая. Бао-юй, обладавший слабым здоровьем, даже в самые жаркие дни не пользовался льдом. Для него набирали воду из колодца, наливали ее в таз, а туда ставили чайник. Воду часто меняли, чтобы чай поскорее остывал. Бао-юй выпил полчашки чая из рук Фан-гуань и, улыбаясь, сказал Си-жэнь:

– Идя сюда, я предупредил Бэй-мина, чтобы он немедленно сообщил мне, если к старшему брату Цзя Чжэню приедут какие-нибудь знатные гости. Если же ничего особенного во дворце Нинго не случится, я сегодня больше туда не пойду!

С этими словами он встал и направился к выходу, бросив на ходу Би-хэнь:

– Если я понадоблюсь, ищите меня у барышни Линь Дай-юй.

Затем он зашагал прямо в направлении «павильона реки Сяосян». Достигнув «моста Струящихся ароматов», он встретил Сюэ-янь в сопровождении нескольких пожилых женщин, которые несли корзинки, наполненные фруктами, тыквами, водяными орехами и корнями лотоса.

– Зачем все это вам? – спросил у Сюэ-янь удивленный Бао-юй. – Ведь твоя барышня никогда такого не ела! Может быть, вы собираетесь пригласить к себе сестер и тетюшек?

– Я вам сейчас объясню, – сказала Сюэ-янь, – только не говорите моей барышне!

Бао-юй кивнул. Тогда Сюэ-янь приказала женщинам:

– Отнесите эти тыквы сестре Цзы-цзюань! Если она станет спрашивать обо мне, скажите, что я занята, но скоро приду.

Старухи поддакнули и удалились. Тогда Сюэ-янь рассказала:

– В последние дни наша барышня чувствует себя несколько лучше. Сегодня после завтрака к ней приходила третья барышня Тань-чунь и пригласила ее вместе пойти навестить вторую госпожу Фын-цзе, но наша барышня не захотела. Потом, не знаю, что она вдруг вспомнила, но только громко заплакала, схватила кисть и стала что-то писать – может быть, стихи. Окончив писать, она приказала мне пойти за тыквами. Когда я выходила, я слышала, как она приказывала Цзы-цзюань собрать все безделушки со столика для циня, который стоит в ее комнате, и вынести столик в переднюю. После этого она велела поставить на тот столик треножник с изображениями дракона и ждать, пока я принесу тыкву. Если она собралась приглашать гостей, то незачем было ставить треножник. Воскуривать благовония не в ее вкусе, в ее комнате никогда не было ничего благовонного, кроме свежих фруктов и цветов, да и платья она никогда не обрызгивает благовониями. Если она изредка и пользуется курительницей, то лишь в своей спальне. Я подумала – неужели старухи так провоняли комнату, что она решила нарушить обычай и воскуривать благовония здесь? Так и не поняла, что она затевает. Напрасно вы, второй господин, идете к ней в такой момент.

Выслушав ее, Бао-юй опустил голову и подумал:

«Если Сюэ-янь говорит правду, здесь кроется какая-то тайна. Если бы Дай-юй вздумала просто посидеть с сестрами, незачем было расставлять всю эту утварь. Может быть, она собирается устроить жертвоприношения отцу или матери? Но для этого время уже прошло! В такие дни бабушка сама приказывает готовить мясные и рыбные блюда и отсылать их сестрице Линь Дай-юй для устройства жертвоприношений родителям. Скорее всего, сестрица Линь Дай-юй расстроилась потому, что сейчас седьмой месяц, сезон овощей и фруктов, и в каждой семье совершают обряд осеннего посещения могил. Видимо поэтому, она, прочитав „Записки об этикете“, решила устроить жертвоприношения у себя дома. Ведь там сказано: „Должно весной и осенью подносить им пищу в соответствии с сезоном...“ Если я приду в такой момент утешать ее, она, пожалуй, рассердится и еще сильнее затоскует! Но если я не приду, ей будет больно, что некому утешить ее в минуты горя... И то и другое может обострить болезнь!.. Лучше сначала навестить Фын-цзе и посидеть у нее немного, а потом уже зайти к сестрице Линь Дай-юй. Если она и тогда будет убиваться, я придумаю, как ее успокоить; может быть, удастся отвлечь ее от печальных мыслей, и ее состояние улучшится».

Бао-юй попрощался с Сюэ-янь, вышел из ворот сада и отправился к Фын-цзе. В это время экономки и служанки окончили докладывать ей о хозяйственных делах и расходились. Фын-цзе стояла, опершись о дверной косяк, и разговаривала с Пин-эр. Увидев Бао-юя, она улыбнулась.

– Это ты? А я только что сказала жене Линь Чжи-сяо, чтобы она послала за тобой. Не мешало бы тебе отдохнуть. Ведь сегодня во дворце Нинго больше нечего делать. Ведь народу там много и без тебя, как ты можешь терпеть такую духоту? Я и не ожидала, что ты придешь так кстати!

– Спасибо тебе, сестра, что ты беспокоишься обо мне, – поблагодарил ее Бао-юй. – Сегодня во дворце Нинго нет ничего важного; я вспомнил, что в последнее время ты туда не приходишь, и, не зная, как ты себя чувствуешь, решил тебя навестить.

– Чувствую я себя так же, как и прежде, – отвечала Фын-цзе, – три дня здорова, два дня больна. Старой госпожи и госпожи нет дома, а все эти тетки недовольны своей участью! Каждый день они дерутся или ругаются, а несколько раз были даже случаи воровства, пьянства и игры на деньги! Третья барышня Тань-чунь хотя и помогает мне в делах, но очень молода и кое о чем ей не следует рассказывать вовсе! Вот мне и приходится через силу заниматься делами. И вообще нет ни минуты покоя! О том, чтобы выздороветь, и речи быть не может – тут бы хоть не заболеть сильнее!

– Ты должна беречь свое здоровье, сестра, – возразил Бао-юй. – Меньше беспокойся – и все будет в порядке.

Он поболтал с Фын-цзе о пустяках, затем попрощался и снова отправился в сад. Когда он входил в ворота «павильона реки Сяосян», то заметил остатки дыма от курильницы и почувствовал слабый запах сладкого жертвенного вина. Цзы-цзюань стояла возле дверей и наблюдала, как девочки-служанки убирают жертвенную утварь и переносят ее в комнату.

Бао-юй сразу догадался, что Дай-юй уже окончила жертвоприношение, и смело вошел в комнату. Дай-юй лежала на кровати, обратившись лицом к стене, и вся ее поза показывала, что она совершенно обессилела.

– Пришел второй господин Бао-юй, – сказала ей Цзы-цзюань.

Дай-юй медленно приподнялась и, сдерживая улыбку, пригласила Бао-юя сесть.

– Как ты себя чувствуешь, сестрица? – спросил ее Бао-юй. – Вид у тебя как будто лучше. Чем ты так расстроена?

– Не говори глупости! – оборвала его Дай-юй. – Чем я могу быть расстроена!

– Я вижу на твоём лице следы слез, – проговорил Бао-юй, – зачем ты меня обманываешь? Ведь ты, сестрица, много болеешь, и тебе ко всему надо относиться спокойнее, не грустить и не печалиться! Если ты и дальше будешь так убиваться, я...

Он поперхнулся и умолк. Бао-юй вырос вместе с Дай-юй, они без слов понимали друг друга, и он мысленно клялся, что умрет с нею вместе. Однако эти мысли он таил в глубине души, не осмеливаясь высказывать их открыто. Кроме того, Дай-юй была обидчива и болезненно реагировала на каждое опрометчиво сказанное на ее счет слово. Бао-юй, пришедший утешить ее, опасался, как бы она не обиделась на него, и поэтому сразу умолк. Он пришел сюда, от чистого сердца желая утешить Дай-юй, а сейчас не мог выразить своих чувств. Ему стало тяжело, и он заплакал.

Дай-юй сначала рассердилась, но, заметив, что он так расстроен, была тронута; она любила плакать по всякому поводу, и сейчас, сидя против него, молча проливали слезы.

Между тем Цзы-цзюань принесла чай. Поглядев на Бао-юя и Дай-юй, она решила, что они поссорились, и недовольно сказала:

– Барышня только что поправилась, а второй господин Бао-юй пришел ее раздражать! В чем дело?

– Кто осмелится раздражать твою барышню?! – вытирая слезы, проговорил Бао-юй.

Как ни в чем не бывало он сделал по направлению к Дай-юй несколько шагов и вдруг заметил на столе торчавший из-под тушечницы уголок бумаги. Из любопытства он протянул руку и схватил бумажку. Дай-юй хотела помешать ему, но не успела – Бао-юй сунул бумажку за пазуху.

– Милая сестрица, – попросил он, – позволь мне прочесть, что там написано.

– Ты никогда ни с кем не считаешься. Не успел прийти, как начинаешь всюду лазить! – возмутилась Дай-юй.

– Что хочет прочесть брат Бао-юй? – раздался в этот момент из-за двери голос Бао-чай. Бао-юй еще не успел посмотреть, что написано на листке, и не знал, как отнесется к этому Дай-юй, поэтому он ничего не ответил и только молча смотрел на девушку.

Дай-юй предложила Бао-чай сесть и, улыбнувшись, сказала ей:

– Я читала древнюю историю и встретила в ней имена нескольких талантливых и красивых женщин, которым пришлось переносить страдания; их жизнь вызывала у одних людей вздохи, у других – зависть, одним доставляла радость, другим – печаль. Сегодня после завтрака мне делать было нечего, и, чтобы развеять горестные думы, я написала в честь их несколько стихотворений. Потом пришла Тань-чунь и пригласила меня пойти вместе с нею навестить Фын-цзе, но у меня не было никакого желания ходить к ней, и я отказалась. Написав пять стихотворений, я утомилась, сунула бумагу со стихами под тушечницу и не успела прилечь, как пришел он и увидел. Конечно, я с удовольствием дала бы ему прочесть, но только боюсь, что он украдкой перепишет и будет показывать другим.

– Когда я давал читать кому-нибудь твои стихи?! – воскликнул Бао-юй. – Если ты имеешь в виду «Белую бегонию», которую я переписал на свой веер, то я сделал это только для себя. Мне хорошо известно, что стихи, да и вообще все, что написано в женских покоях, нельзя выносить за пределы дома и показывать кому бы то ни было! С тех пор как ты мне об этом сказала, я ни разу не выносил свой веер за ворота сада.

– Беспокойство сестрицы Дай-юй вполне обоснованно, – заметила Бао-чай. – Ты переписал стихи на веер, возьмешь его с собой в кабинет да случайно там забудешь, а кто-нибудь из бездельников, которых у нас в доме полно, найдет его, и начнутся расспросы, кто это написал. Потом пойдут всякие разговоры. Недаром с древнейших времен говорят: «Отсутствие талантов у девушки является добродетелью». Женщины прежде всего должны быть честными и скромными, а затем уж искусными в рукоделии. Что касается стихов, то это просто развлечение, и лучше ими не заниматься! Да и вообще нам, девушкам из знатной семьи, ни к чему стремиться слыть умными и талантливыми.

Бао-чай мило улынулась и, повернувшись к Дай-юй, добавила:

– Дай мне посмотреть стихи, а ему не разрешай уносить их!

– Если так, то и тебе незачем их читать, – возразила Дай-юй и, указывая пальцем на Бао-юя, сказала: – Стихи у него.

Бао-юй вытащил из-за пазухи листок со стихами, приблизился к Бао-чай, и они вместе принялись читать.

В стихах говорилось:

Своей красотой города сокрушив,
по волнам умчалась она.
О ней в опустевших дворцах царства У
лишь память осталась одна.
А девушка Дун-ши, что хмурила брови,
желая красивою стать,
До белых волос в этой речке стирать,
как в прежние годы, должна.

Си Ши

Во тьме – завывание ветра ночного,
и боль завладела сердцами.
На строки «О Юй Цзи!» она отвечает:

«Мой милый с двойными зрачками!» В награду потом Пэн Юэ и
Ин Бу
изрублены были в куски;
Достойней им было бы смерть от меча
под Чускими встретить шатрами.

Юй Цзи

Она красотой поразила людей,
из ханьских дворцов выезжая.
Красавицам славным во все времена
несчастья судьба посылает.
Ее оценить не сумел государь,
постичь ее прелесть не смог, —
Зачем же была необъятная власть
дана портретисту такая?

Мин Фэй

Как хлам, черепицу швырнув, жемчуга
он тем за тебя заплатил.
Но разве твой новый хозяин Ши Чун
твою красоту оценил?!
И все-таки счастьем безумным судьба
его на всю жизнь наградила,
И даже за гробом его утешать
ты будешь в молчанье могил.

Люй Чжун

И смелою речью, и длинным мечом
от всех отличался герой.
Красавицы взор призывает его
идти с ней дорогой одной.
Не знала, не видела жизни она,
в шатре у Ян Су оставаясь,
Так мог ли красавицу эту Ли Цзин
навек оставить рабой?!

Хун Фу

Прочитав стихи, Бао-юй принялся без умолку расхваливать их.

– Сестрица написала пять стихотворений, – рассуждал он. – Почему не дать им общее название «Плач о пяти знаменитых красавицах»?

Не слушая возражений, он взял кисть и записал это название на оборотной стороне листов со стихами.

– Когда пишешь стихи, нужно только умело обновлять и улучшать мысли, высказанные древними, – говорила между тем Бао-чай, обращаясь к Дай-юй. – Если же просто заниматься подражанием, то как бы тонко и тщательно ни подбирать иероглифы и фразы, получится лишь переливание из пустого в порожнее, а не стихи. Вот, например, наши предки создали множе-

ство стихов о Ван Чжао-цзюнь; в некоторых из них поэты выражают скорбь по Ван Чжао-цзюнь, с ненавистью отзываются о Мао Янь-шоу, высмеивают ханьского императора, заставлявшего художников рисовать портреты красавиц вместо того, чтобы рисовать портреты заслуженных чиновников. Но, несмотря на это, тема не была исчерпана. Впоследствии Ван Цзин-гун тоже написал стихи о Ван Чжао-цзюнь, где говорится:

Нельзя в картине воплотить
ту прелесть никогда,
И Ма Янь-шоу был убит
напрасно в те года.

В стихах Оуян Сю можно встретить такие строки:

Услышать не смог и увидеть не смог,
кто здесь во дворце его жил,
Так можно ли ждать, чтоб за тысячу ли
он варваров орды смирил?

В этих стихотворениях каждый из поэтов старался выразить свои собственные взгляды и мнения. В стихотворениях сестрицы Дай-юй тема раскрывается по-новому, и содержание стихов вполне оригинально.

Бао-чай хотела сказать что-то еще, но ей помешал приход служанки, которая доложила: – Приехал второй господин Цзя Лянь. Только что сообщили, что он отправился во дворец Нинго и скоро придет обратно.

Бао-юй тотчас побежал к главным воротам и в тот же момент увидел Цзя Ляня, сходящего с коня.

Бао-юй выбежал ему навстречу, несколько раз поклонился, справился первым делом о здоровье матушки Цзя и госпожи Ван, а затем осведомился, как чувствует себя Цзя Лянь. Цзя Лянь взял Бао-юя под руку, и они вместе направились в дом. В среднем зале Цзя Ляня уже поджидали Ли Вань, Фын-цзе, Бао-чай, Дай-юй, Ин-чунь, Тань-чунь и Си-чунь. Они по очереди поклонились Цзя Ляню, и после этого Цзя Лянь сказал:

– Завтра утром старая госпожа придет домой. Ее самочувствие хорошее. Она послала меня вперед, чтобы узнать, что делается дома. Завтра во время пятой стражи мне придется ехать за город встречать ее.

Потом все стали расспрашивать его, как прошла поездка, что он видел в пути. Так как Цзя Лянь устал с дороги, ему не особенно докучали и предложили пойти домой немного отдохнуть. Но о том, как прошла ночь, рассказывать нечего.

На следующее утро, когда все завтракали, приехали матушка Цзя и госпожа Ван. Их встретили, подали чаю. Матушка Цзя и госпожа Ван немного посидели, а потом заторопились во дворец Нинго. Еще издали они услышали плач и стенания – это оплакивали покойного Цзя Лянь и Цзя Шэ, которые пришли сюда незадолго перед этим.

Когда матушка Цзя входила в зал, Цзя Шэ и Цзя Лянь вышли ей навстречу, за ними следовали остальные члены рода Цзя. Все плакали. Матушку Цзя взяли под руки и подвели к гробу, где Цзя Чжэнь и Цзя Жун, стоявшие на коленях, прижались к ее груди и зарыдали.

Матушка Цзя тоже расстроилась и, обняв Цзя Чжэня и Цзя Жуна, заплакала. Цзя Шэ и Цзя Лянь утешали ее, и она понемногу успокоилась.

Матушка Цзя подошла к госпоже Ю, стоявшей по правую сторону гроба, обняла ее и снова заплакала. Лишь после того как она выплакалась, все по очереди стали подходить к ней и справляться о здоровье.

Так как матушка Цзя еще не успела отдохнуть с дороги, Цзя Лянь настойчиво уговаривал ее пойти прилечь. Вняв его просьбам, матушка Цзя наконец ушла.

В связи с преклонным возрастом матушка Цзя тяжело переносила трудности пути, а тут на нее еще обрушилось горе – ночью она почувствовала головную боль, нос заложило, дышала она тяжело, даже разговаривать ей стало трудно. Врач обследовал пульс больной и прописал лекарство. Таким образом, в хлопотах прошла половина ночи. К счастью, все обошлось благополучно, ко времени третьей стражи больная хорошо пропотела, пульс ее стал более ровным, и все домашние облегченно вздохнули. А на следующий день матушка Цзя снова приняла лекарство и совершенно поправилась.

Прошло еще несколько дней – наступило время похорон Цзя Цина. Матушка Цзя, которая еще не совсем окрепла, осталась дома и не участвовала в церемонии. Она оставила возле себя Бао-юя, чтобы он за ней ухаживал. Фын-цзе тоже не поехала на похороны, так как все еще чувствовала себя плохо. Все остальные члены рода Цзя, включая Цзя Шэ, Цзя Ляня, госпожу Син и госпожу Ван, слуг и служанок, сопровождали гроб в «кумирню Железного порога» и возвратились домой только к вечеру.

Цзя Чжэнь, госпожа Ю и Цзя Жун остались в кумирне возле гроба, ибо отправить его на родину можно было лишь по прошествии ста дней. Все дела по хозяйству снова были поручены старухе Ю, Ю Эр-цзе и Ю Сань-цзе.

А сейчас речь пойдет о Цзя Ляне. Он давно слышал о младших сестрах госпожи Ю и очень досадовал, что до сих пор не мог с ними повидаться. Но в последние дни гроб с телом покойного стоял дома, и Цзя Лянь ежедневно бывал во дворце Нинго, где виделся с Эр-цзе и Сань-цзе и успел хорошо с ними познакомиться. Эр-цзе настолько пришлась ему по вкусу, что при виде девушки у него текли слюнки.

Злые языки утверждали, что Сань-цзе и Эр-цзе состоят в связи с Цзя Чжэнем и Цзя Жуном, поэтому Цзя Лянь считал, что они девушки легкого поведения, и при всяком удобном случае заигрывал с ними. Сань-цзе относилась к нему равнодушно и не обращала никакого внимания, но Эр-цзе это нравилось. Однако вокруг было множество глаз, и она боялась допустить неосторожность. Цзя Лянь в свою очередь опасался ревности со стороны Цзя Чжэня и тоже не решался поступать легкомысленно. Таким образом, им обоим пришлось до поры до времени затаить свои чувства и терпеливо ждать.

Когда гроб перевезли в кумирню, в доме Цзя Чжэня осталось совсем мало людей. Кроме старухи Ю, Эр-цзе и Сань-цзе да нескольких девочек и старух для черной работы, все служанки и наложницы переехали в кумирню. Слуги и служанки, занятые по охране дома, лишь по вечерам совершали обходы, а все остальное время дежурили у ворот и днем без дела во внутренние покои не заходили. Воспользовавшись столь благоприятно сложившимися обстоятельствами, Цзя Лянь решил действовать.

Под предлогом компаньона Цзя Чжэня он тоже остался в кумирне, откуда часто отлучался в город по его делам. Он пользовался всяким случаем, чтобы забежать во дворец Нинго и развлечься с Эр-цзе.

Однажды младший управляющий по имени Юй Лу приехал в кумирню и доложил Цзя Чжэню:

– Недавно потребовалось тысяча сто десять лян серебра на траурную материю для навесов и на оплату услуг носильщиков и плакальщиц. При этом заплачено лишь пятьсот лян, а шестьсот десять лян еще не уплачены. Вчера из двух мест приходили и торопили с уплатой долга, поэтому я приехал просить ваших указаний.

– Почему ты вздумал докладывать об этом мне? – удивился Цзя Чжэнь. – Пошел бы прямо в кладовые и получил все что нужно!

– Я вчера ходил, – проговорил Юй Лу, – но после смерти старого господина расходов было множество, да еще предстоят расходы на погребальную церемонию, на нужды храма,

поэтому мне ответили, что ничего больше выдать не могут. Тогда я решился потревожить вас. Может быть, вы прикажете выдать деньги за счет других расходов или из своих собственных, тогда я исполню то, что вы желаете.

– Ты разве не знаешь, что сейчас не прежние времена, когда у нас бывали деньги в запасе! – с улыбкой ответил Цзя Чжэнь. – Доставай деньги где хочешь и расплачивайся!

– Если бы речь шла о сотне или двухстах лянх, я бы мог достать их сам, – возразил Юй Лу. – Но где мне взять целых шестьсот?

Цзя Чжэнь на минуту задумался, а затем сказал Цзя Жуну:

– Пойди попроси у матери! Вчера после выноса гроба отца от семьи Чжэнь из Цзяннани мы получили пятьсот лян серебра на жертвоприношения и не успели передать их в кладовую. Возьми эти деньги, собери еще дома лян сто и уплати долг!

Цзя Жун кивнул, сбегал к госпоже Ю и, вернувшись от нее, сказал отцу:

– Из тех денег вчера уже израсходовали двести лян, а оставшиеся триста лян матушка велела отвезти домой и передать на хранение своей матери.

– Раз так, поезжай вместе с Юй Лу домой, возьми эти деньги у бабушки, и пусть заплатят долг, – распорядился Цзя Чжэнь. – Кроме того, разузнай, нет ли дома каких-нибудь дел, а заодно справься о здоровье своих тетушек... Что касается остальных денег, то Юй Лу их где-нибудь одолжит.

Цзя Жун и Юй Лу поддакнули ему и только собрались уходить, как вошел Цзя Лянь. Юй Лу торопливо бросился ему навстречу и справился о здоровье. Цзя Лянь поинтересовался, о чем шел разговор. Цзя Чжэнь по порядку все ему рассказал.

«Надо этим воспользоваться, поехать во дворец Нинго и разыскать Эр-цзе», – подумал про себя Цзя Лянь и тут же сказал:

– Что за пустяки! Неужели мы станем такую мелочь одалживать? Я вчера получил деньги на кое-какие расходы, но еще не успел их истратить. К чему лишние хлопоты? Я дам все, чего не хватает.

– Вот и замечательно! – обрадовался Цзя Чжэнь. – Прикажи Цзя Жуну, чтобы он поехал и взял эти деньги.

– Нет, это должен сделать я сам, – возразил Цзя Лянь. – Кроме того, я уже несколько дней не был дома, и мне очень хочется справиться о здоровье старой госпожи, батюшки и матушки. А потом я могу пойти во дворец Нинго, разузнать, нет ли там каких-нибудь важных дел, а заодно повидаться с женой.

Цзя Чжэнь улыбнулся:

– Мне неудобно тебя затруднять.

– Ерунда, мы люди свои, – снова заговорил Цзя Лянь, – что тут особенного?

Тогда Цзя Чжэнь сказал Цзя Жуну:

– Поезжай с дядей, зайди справься о здоровье старой госпожи, старого господина и господж и передай, что я и твоя мать посылаем им поклон. Разузнай, поправилась ли старая господа, пьет ли она еще лекарства!

Цзя Жун пообещал в точности исполнить все, что приказывает отец, и вышел вместе с Цзя Лянем в сопровождении мальчиков-слуг. Они вскочили на коней и помчались в город, дорогой болтая о всяких пустяках. Цзя Лянь намеренно завел речь об Эр-цзе, стал расхваливать ее на все лады, восхищаться, как она мила и ласкова в обращении.

– Манеры ее непринужденны, говорит она приятно и вообще способна вызвать только уважение и любовь! Все в один голос утверждают, что моя жена хороша, но, с моей точки зрения, она не идет ни в какое сравнение с Эр-цзе!

Цзя Жун сразу догадался, к чему клонит Цзя Лянь, и улыбнулся:

– Если она вам так нравится, дядя, я ее за вас сосватаю! Вы согласны, чтобы она стала вашей наложницей?

– Ты шутишь или серьезно? – спросил Цзя Лянь.

– Совершенно серьезно.

– Да, мне этого очень хотелось бы, – признался Цзя Лянь, но я боюсь, что жена не согласится, да и твоя бабушка не даст согласия. К тому же я слышал, что у Эр-цзе есть жених.

– Это не помешает, – ответил Цзя Жун. – Эр-цзе и Сань-цзе родились не в семье моего отца, их просто привезла сюда моя бабушка со стороны матери. Правда, я слышал, что, когда моя бабушка жила дома, она просватала Эр-цзе еще до ее рождения в семью управляющего императорскими поместьями, некоего Чжана. Потом Чжан судился, проиграл дело, разорился, и бабушка отказалась от этого брака; между двумя семьями уже больше десяти лет нет никаких отношений... Но брачный договор до сих пор не расторгнут, поэтому бабушка все время ворчит и негодует. Мой отец тоже хочет еще раз просватать Эр-цзе, но до сих пор не нашел подходящего человека. Надо разыскать того Чжана, дать ему десять лян серебра и потребовать, чтобы он написал бумагу о том, что согласен на развод. Когда Чжан увидит серебро, разве он откажется?! Кроме того, он знает, что мы влиятельные люди и не станем церемониться с ним, если он не согласится. А если за мою тетюшку посватается такой человек, как вы, мои родители не посмеют отказать!.. Только не знаю, как отнесется к этому сама Эр-цзе!

Услышав слова Цзя Жуна, Цзя Лянь так и просиял – чего еще было желать?! Он только самодовольно улыбнулся.

Цзя Жун немного подумал, затем сказал:

– Если вы будете действовать смело, я предложу вам свой план и можете надеяться, что все будет в порядке, только придется немного раскошелиться.

– Мальчик мой! – воскликнул обрадованный Цзя Лянь. – Говори скорее, какой у тебя план!

– Я посоветовал бы вам никому не говорить о нашем разговоре, – сказал Цзя Жун. – Я доложу обо всем отцу и уговорю бабушку, а затем мы где-нибудь поодаль от нашего дворца купим дом, подберем нескольких слуг, назначим счастливый день и устроим все так, что ни у кого не возникнет ни малейших подозрений. Вы возьмете Эр-цзе в наложницы, строго-настрого прикажете слугам и служанкам об этом не болтать, и все будет хорошо. Разве ваша супруга, которая живет во внутренних покоях дворца Жунго, сможет об этом узнать? Вы будете жить в свое удовольствие, а если даже через полгода все раскроется, батюшка на худой конец поругает вас и только! На это вы можете ответить, что ваша супруга не рождает вам сыновей, поэтому вы решили взять себе наложницу. Да и вашей супруге придется примириться, когда «каша будет сварена». Даже если она пожалуется старой госпоже, ей ничего не поможет. Нет таких дел, которые невозможно было бы уладить!

С древнейших времен говорят: «Страсть затмевает разум». Цзя Лянь только и стремился насладиться красотой Эр-цзе, поэтому, как только он услышал слова Цзя Жуна, то сразу решил, что этот план подходящий, а траур, ревность жены и недовольство отца ничего не значат. Но он вовсе не предполагал, что у Цзя Жуна есть на сей счет свои намерения. Дело в том, что Цзя Жуну нравилась Эр-цзе, но он побаивался Цзя Чжэня, которому девушка тоже нравилась, поэтому он рассчитывал, что если Цзя Лянь возьмет Эр-цзе себе в наложницы, то будет жить с ней на стороне и это даст возможность ему, Цзя Жуну, в отсутствие Цзя Ляня бывать у нее. Но разве мог Цзя Лянь угадать его мысли?!

Напротив, Цзя Лянь был очень растроган и стал благодарить Цзя Жуна:

– Если ты все устроишь так, как сказал, дорогой племянник, я буду тебе бесконечно благодарен и даже куплю для тебя двух наложниц!

Тем временем они добрались до дворца Нинго.

– Пойдите к моей бабушке за деньгами, – напомнил Цзя Жун. – Надо поскорее отдать деньги Юй Лу. А я пойду справиться о здоровье старой госпожи.

Сдерживая улыбку, Цзя Лянь попросил Цзя Жуна:

– Не говори старой госпоже, что мы приехали вместе...

– Знаю, – ответил Цзя Жун. Он наклонился к уху Цзя Ляня и прошептал: – Встретите вторую тетушку, не говорите ей ничего! Если она о чем-нибудь догадается, трудно будет устроить то, о чем вы просите!

– Глупости! – засмеялся Цзя Лянь. – Иди скорее! Буду ждать тебя здесь!

Цзя Жун пошел узнать, как чувствует себя матушка Цзя, а Цзя Лянь отправился во дворец Нинго, где его встретили слуги и справились о его здоровье. Он для виду поговорил со слугами, затем направился во внутренние покои.

Поскольку Цзя Лянь был двоюродным братом Цзя Чжэня, да и всегда дружил с ним, его нигде не останавливали и позволили беспрепятственно пройти во внутренние покои. Женщины-служанки сразу откинули занавеску на дверях и пропустили его.

Войдя в комнату, Цзя Лянь заметил Ю Эр-цзе, которая сидела на кане у южной стены с двумя девочками-служанками и занималась вышиванием. Бабушки Ю и Сань-цзе поблизости не было. Цзя Лянь подошел к Эр-цзе и спросил, как ее здоровье.

Сдерживая улыбку, Эр-цзе пригласила его сесть, а сама села с восточной стороны, облокотившись рукой о подставку. Цзя Лянь запротестовал, предложил Эр-цзе занять хозяйское место, произнес несколько обычных фраз, чтобы выяснить ее настроение, а затем поинтересовался:

– Где бабушка и третья сестрица? Что это их не видно?

– Они ушли по делам, – отвечала Эр-цзе, – скоро вернутся.

Служанки отправились за чаем. Тогда Цзя Лянь не удержался и бросил взгляд на Эр-цзе. Та опустила голову и сделала вид, будто ничего не заметила. Видя, что Эр-цзе вертит в руках сумочку, Цзя Лянь пощупал свой пояс и сказал:

– Забыл взять сумочку с мускатными орехами. Если у тебя, сестрица, есть орехи, дай мне немного пожевать.

– Орехи-то у меня есть, – ответила Эр-цзе, – только я никого не угощаю.

Цзя Лянь засмеялся и хотел отнять сумочку. Эр-цзе испугалась, как бы кто-нибудь не заметил, что он с ней заигрывает, поэтому поспешила бросить ему сумочку. Цзя Лянь на лету подхватил ее, высыпал оттуда орехи, часть сунул в рот, а остальное положил обратно. Затем он захотел во что бы то ни стало собственноручно повесить сумочку на пояс Эр-цзе, но тут вошла девочка-служанка и принесла чай.

Цзя Лянь взял у нее чашку и принялся пить, а сам незаметно снял с себя «подвеску девяти драконов» из ханьской яшмы, завернул в платочек и, как только служанка отвернулась, бросил Эр-цзе. Та с невозмутимым видом продолжала пить чай.

Сзади послышался шорох отодвигаемой дверной занавески, и в комнату вошли старуха Ю, Сань-цзе и две девочки-служанки.

Цзя Лянь поспешно сделал знак Эр-цзе, чтобы она убрала платочек, но та сидела, словно ничего не понимала. Не зная намерений девушки, Цзя Лянь заволновался, однако раздумывать было некогда – нужно было встречать старуху. Он поклонился старухе и поздоровался с Сань-цзе, а когда вновь обернулся, Эр-цзе сидела на прежнем месте и широко улыбалась, а платочек исчез. Лишь теперь Цзя Лянь немного успокоился. Затем все уселись, и завязался разговор о разных пустяках.

– Моя сестра, супруга старшего брата Цзя Чжэня, передала вам серебро, – сказал Цзя Лянь старухе. – Сейчас нужно платить долги, и старший брат велел мне взять у вас эти деньги и узнать, как дела дома.

Старуха тотчас же велела Эр-цзе принести серебро.

– Я также хотел справиться о вашем здоровье и повидаться с сестрицами, – продолжал Цзя Лянь. – Вы, как я вижу, чувствуете себя неплохо, сестриц у нас в доме не обижают.

– Что вы! – вскричала старуха Ю. – Ведь мы же свои люди! Мы можем жить и дома и здесь – нам все равно. Не стану обманывать вас, второй господин: с тех пор как умер мой муж, дела наши пошатнулись. Спасибо мужу моей старшей дочери, хоть он немного помогает. И сейчас, когда у него такие важные дела, мы ничем не можем быть ему полезны, кроме как по хозяйству. Какая же здесь может быть обида?

Между тем Эр-цзе принесла серебро и отдала его старухе Ю, а та передала Цзя Ляню.

Тогда Цзя Лянь велел девочке-служанке позвать какую-нибудь женщину и приказал ей:

– Отнеси все это Юй Лу и скажи ему, чтобы он меня подождал.

Женщина вышла, а через мгновение со двора послышался голос Цзя Жуна. Вскоре он появился в комнате, справился о здоровье бабушки и тетушек, а затем сказал Цзя Ляню:

– Дядя, ваш батюшка только что спрашивал о вас, он собирается дать вам какое-то поручение. Он даже хотел послать за вами в храм, но я сообщил ему, что вы уже приехали сами, и батюшка велел передать вам, чтоб вы пришли к нему.

Цзя Лянь вскочил и собрался идти к отцу и тут услышал, как Цзя Жун говорит своей бабушке:

– Недавно я рассказывал вам, что мой батюшка собирается отдать замуж Эр-цзе за человека, который внешнеюстью похож на моего дядю. Что вы думаете на этот счет?

Он украдкой показал ей на Цзя Ляня, потом повернулся к Эр-цзе и сделал ей гримасу.

Эр-цзе сочла неудобным что-либо ответить, но, заметив, что Сань-цзе усмехается, полусуто, полусерьезно выругалась:

– Ах, мартышка! Придет когда-нибудь время, вырву я тебе язык!

Цзя Жун засмеялся и выбежал за дверь. Цзя Лянь тоже попрощался и вышел.

Придя в гостиную, где собрались слуги, он сделал им внушение и предостерег, чтобы они не играли на деньги и не пили, а затем потихоньку попросил Цзя Жуна по возвращении поговорить с отцом о его деле. После этого он повел Юй Лу к себе и еще дал ему денег, добавив до суммы, необходимой для уплаты долга. О том, как он потом справлялся о здоровье Цзя Шэ и о здоровье матушки Цзя, мы рассказывать не будем.

Что касается Цзя Жуна, то, когда он увидел, что Юй Лу ушел с Цзя Лянем за деньгами, и, стало быть, делать здесь больше нечего, он вернулся в дом, поболтал с молодыми тетушками и снова отправился в кумирню.

Добравшись вечером до кумирни, он повидался с отцом и доложил ему:

– Все деньги отданы Юй Лу. Старая госпожа поправилась и больше лекарств не принимает.

После этого он поведал отцу о своем разговоре с Цзя Лянем по дороге во дворец Нинго и о том, как Цзя Лянь просил сосватать за него Эр-цзе, но втайне от Фын-цзе.

– Все это он хочет сделать только потому, что супруга его не приносит ему наследников, – заключил Цзя Жун, – а мою вторую тетушку он знает, видел ее не раз и считает, что взять ее в наложницы лучше, чем искать девушку где-то на стороне. Поэтому Цзя Лянь просил меня поговорить с вами, но только не упоминать при этом, что все это желает он сам.

Цзя Чжэнь на некоторое время задумался, но потом на его лице появилась улыбка.

– Я не против, только не знаю, согласится ли Эр-цзе. Завтра съезди домой и попроси бабушку поговорить с Эр-цзе!

После этого Цзя Чжэнь сделал Цзя Жуну еще несколько указаний и отпустил его, а сам отправился к госпоже Ю и рассказал ей о том, что сообщил ему Цзя Жун.

Госпожа Ю сочла, что такое дело не совсем прилично, и приложила все усилия, чтобы отговорить мужа. Однако Цзя Чжэнь привык, чтобы ему во всем повиновались, и вдобавок уже принял решение. Поэтому он не стал считаться с мнением жены, предоставив ей ворчать сколько угодно.

На следующее утро Цзя Жун снова отправился в город, сообщил старухе Ю о решении своего отца. Затем он добавил от себя, что Цзя Лянь прекрасный человек, а Фын-цзе больна и никаких надежд на ее выздоровление нет, поэтому Цзя Лянь на время купит дом, где они, может быть, с полгода проживут вместе с Эр-цзе, а как только Фын-цзе умрет, Цзя Лянь сделает Эр-цзе своей законной женой. Не жалея слов, он расписывал, какие блага ожидают старуху Ю, если Цзя Лянь возьмет ее дочь в наложницы, причем сам Цзя Чжэнь выступит сватом, и как они потом постараются выгодно выдать замуж Сань-цзе... Он говорил так убедительно, что старуха ничего не могла возразить. Кроме того, сейчас она всецело зависела от Цзя Чжэня, а поскольку тот брал на себя все заботы по устройству Эр-цзе, освобождая старуху от расходов на приобретение приданого, и даже сам выступал в качестве свата, она не могла не согласиться. Кроме того, Цзя Лянь происходил из знатной семьи, обладавшей значительно большим влиянием, чем семья Чжанов, в которую давно была просватана Эр-цзе, поэтому старуха согласилась и побежала убеждать Эр-цзе дать согласие.

Эр-цзе давно не ладила с мужем своей старшей сестры и была очень недовольна тем, что ее просватали за Чжан Хуа, из-за которого до сих пор она так и не заняла прочного места в жизни. И вот сейчас, когда Цзя Лянь влюбился в нее, а сам Цзя Чжэнь вызвался быть ее сватом, она не могла ответить отказом. Как только старуха Ю рассказала ей о своем разговоре с Цзя Жунгом, девушка кивнула головой, давая матери понять, что она согласна на такое предложение. Старуха Ю поспешила сообщить об этом Цзя Жунгу, а тот доложил отцу.

На следующий день Цзя Чжэнь пригласил Цзя Ляня в кумирню и сообщил ему, что старуха Ю согласна. Цзя Лянь был вне себя от восторга, без конца благодарил Цзя Чжэня и Цзя Жуна.

Уговорившись обо всем, они послали человека присмотреть подходящий дом, приобрести для него обстановку и купить приданое для Эр-цзе...

Через несколько дней все было готово. В переулке Сяо-хуачжи, находившемся в двух ли от дворцов Нинго и Жунго, был куплен домик на двадцать комнат и две девочки-служанки. Конечно, двух служанок было недостаточно, но Цзя Лянь не осмеливался брать туда слуг из дворцов Нинго и Жунго, чтобы его тайна не была открыта. И вдруг он вспомнил о Бао Эре; с его женой он когда-то вступил в связь; Фын-цзе, узнав об этом, устроила скандал, в результате которого жена Бао Эра повесилась, чтобы избежать позора, а Цзя Лянь дал ему сто лян серебра, и тот нашел другую жену. Это была «Барышня для многих», жена пьяницы повара. Когда ее первый муж умер от пьянства, она стала приглядываться к Бао Эру и, убедившись, что его можно легко прибрать к рукам, согласилась выйти за него замуж. К тому же, как известно, «Барышня для многих» была близка с Цзя Лянем. Вот поэтому Цзя Лянь взял Бао Эра, а вместе с ним и «Барышню для многих», чтобы они прислуживали ему в новом доме.

Ну разве Бао Эр и его жена могли ему отказать?!

Следует сказать несколько слов о Чжан Хуа. Его предки по наследству занимали должность управляющих императорскими поместьями. Последним занимал эту должность отец Чжан Хуа. Он был в дружеских отношениях с ныне покойным мужем старухи Ю, поэтому и сосватал Ю Эр-цзе за своего сына. Потом он попал под суд, разорился и стал нищим. Ему уже было не до невестки. Что же касается старухи Ю, то, после того как она вторично вышла замуж, она в течение десяти лет не имела никаких связей с семьей Чжан. Ныне, когда Чжана пригласили в дом Цзя и предложили отказаться от брачного договора, он не осмелился возражать, хотя ему и не хотелось этого. Он согласился на все требования, ибо боялся Цзя Ляня, и написал бумагу о своем отказе от брака с Ю Эр-цзе. За это бабушка Ю дала ему двадцать лян серебра, и, таким образом, развод был оформлен. Но это не столь существенно, и рассказывать об этом мы не будем.

Что же касается Цзя Ляня, то он гаданием избрал третий день месяца, чтобы ввести к себе в дом новую жену.

О том, что произошло после этого, расскажет следующая глава.

Глава шестьдесят пятая, из которой можно узнать о том, как Цзя Лянь тайно от всех взял себе в жены Ю Эр-цзе и как Ю Сань-цзе задумала во что бы то ни стало выйти замуж за Лю Сян-ляня

Итак, речь сейчас пойдет о том, как Цзя Лянь, Цзя Чжэнь и Цзя Жун, сговорившись между собой, тайно уладили все необходимые дела и во второй день месяца перевезли старуху Ю и Сань-цзе в новый дом. Хотя не все оказалось таким, как расписывал Цзя Жун, однако старуха была довольна. То же чувство испытывала и ее дочь.

Что же касается Бао Эра и его жены, то при появлении новых хозяев они из кожи вон лезли, стараясь услужить, величали старуху Ю «матушкой», «почтенной госпожой», а Сань-цзе называли не иначе, как «третьей тетушкой» или «госпожой тетушкой».

На следующее утро сюда же в паланкине доставили Эр-цзе. Были устроены жертвоприношения, во время которых воскуривались благовония и сжигались бумажные фигурки лошадей. Вино, угощения, постель – все было приготовлено заранее.

Вскоре прибыл Цзя Лянь – тоже в паланкине. На нем была простая одежда. Цзя Лянь совершил поклоны Небу и Земле и сжег бумажные фигурки животных.

За это время Эр-цзе успела переодеться во все новое. Таких одежд она дома никогда не видела, и мать не могла наглядеться на нее. Она взяла дочь под руку и сама повела ее в брачные покои. О том, как Цзя Лянь нежился со своей избранницей в эту ночь, мы, конечно, умолчим.

Чем больше глядел Цзя Лянь на Эр-цзе, тем сильнее он любил ее, чем чаще приезжал к ней, тем большую и большую испытывал радость. Он не знал, как угодить Эр-цзе и доставить ей удовольствие. Он велел Бао Эру и его жене называть Эр-цзе только «госпожой» – «найнай» и сам называл ее так, желая подчеркнуть, что по положению она не ниже его законной жены Фын-цзе.

Всякий раз, возвращаясь домой после длительного отсутствия, Цзя Лянь говорил Фын-цзе, что задержался во дворце Нинго по делам, а та, зная, что Цзя Лянь дружит с Цзя Чжэнем и тот часто советуется с ним, ничего не подозревала. Ни один из многочисленных домочадцев дворца не обращал внимания на частые отлучки Цзя Ляня. Даже те, кто не прочь был посплетничать, молчали, желая выслужиться перед Цзя Лянем.

Сам Цзя Лянь был бесконечно тронут добротой Цзя Чжэня.

На расходы старухе Ю и ее дочерям он давал ежемесячно по пятнадцати лян. В его отсутствие мать с дочерьми ели вместе, а когда он приезжал, старуха Ю и Сань-цзе ели отдельно, предоставляя Цзя Ляню полную возможность оставаться наедине с Эр-цзе. Все свои сбережения, накопленные за несколько лет, Цзя Лянь отдал на сохранение Эр-цзе, и, кроме того, рассказал ей, что собой представляет Фын-цзе, поведал ей о своих самых интимных отношениях с Фын-цзе и обещал, что, как только Фын-цзе умрет, Эр-цзе станет хозяйкой в доме. Разумеется, Эр-цзе охотно соглашалась на все предложения Цзя Ляня. Таким образом, все обитатели домика жили в довольстве и достатке.

Незаметно пролетело два месяца. Цзя Чжэнь, совершив моления в «кумирне Железного порога», возвратился домой и прежде всего захотел навестить сестер своей жены, с которыми долго не видался. Для этого он предварительно послал мальчика-слугу разузнать, дома ли Цзя Лянь. Мальчик вернулся и доложил:

– Его дома нет!

Цзя Чжэнь сильно обрадовался, под разными предлогами отпустил всех слуг, оставив при себе только двух мальчиков-конюхов, которым вполне доверял.

Когда настало время зажигать лампы, он отправился в дом, где жила Эр-цзе, оставил слуг с конями ожидать его снаружи, а сам потихоньку вошел.

Он увидел старуху Ю и Сань-цзе, а потом вышла Эр-цзе и поздоровалась. При виде Эр-цзе лицо Цзя Чжэня озарилось улыбкой. Прихлебывая из чашки чай, он спросил ее:

– Ну, как тебе нравится мое сватовство? Такого, как Цзя Лянь, днем с огнем не найти. Послезавтра твоя старшая сестра приготовит подарки и приедет тебя навестить.

Пока шел этот разговор, Эр-цзе успела распорядиться, чтобы принесли закуски, вино и заперли дверь. Здесь находились только свои, никто не стеснялся и не таился друг от друга.

Зашел Бао Эр справиться о здоровье Цзя Чжэня, и тот ему сказал:

– Ты человек честный, да и совесть у тебя есть, вот почему второй господин Цзя Лянь поручил тебе прислуживать здесь. Ты получишь еще более важную работу, только смотри, не пей лишнего, чтобы не было скандала. Выполнишь все мои приказания – награжу! Если у вас здесь будет чего-нибудь недоставать, а второй господин будет в это время занят, приходи прямо ко мне! Мы с братом Цзя Лянем живем дружно, не так, как другие.

– Да, да, я знаю, – поддакнул Бао Эр. – Если я не приложу всех усилий, пусть мне отрубят голову.

– Вот и хорошо, если все понимаешь, – кивнув головой, улыбнулся Цзя Чжэнь.

Все сели за стол. Эр-цзе опасалась, как бы не пришел Цзя Лянь, поэтому, выпив две рюмки вина, под каким-то предлогом удалилась в свою комнату.

Цзя Чжэнь не знал, как быть, он поглядел вслед Эр-цзе, но выйти из-за стола побоялся, и ему пришлось остаться в компании старухи Ю и Сань-цзе.

Надо сказать, что Сань-цзе прежде изредка перебрасывалась шутками с Цзя Чжэнем, но не была так уступчива, как ее младшая сестра, поэтому Цзя Чжэнь хоть и подумывал о ней, однако не решался поступать опрометчиво, чтобы не нарваться на неприятность. Да и сейчас рядом сидела старуха Ю, а Цзя Чжэню больше всего не хотелось прослыть легкомысленным в глазах тещи.

В то время, когда Цзя Чжэнь находился в доме, два мальчика-слуги вместе с Бао Эром сидели на кухне и пили вино. «Барышня для многих» возилась возле очага.

Вдруг на кухне появились две девочки-служанки и, хихикая, заявили, что тоже хотят выпить.

– Почему вы не прислуживаете там? – спросил их Бао Эр. – А вдруг вы кому-нибудь потребуетесь!

– Дурень ты, дурень, лакай себе вино! – выругалась жена, – а налакаешься, лежи и помалкивай! Какое тебе дело – потребуются или не потребуются? В случае чего я все возьму на себя! На твою голову дождь не капает!

Бао Эр пользовался симпатией Цзя Ляня только благодаря жене. В последнее время она прислуживала Эр-цзе, а он все время пил да играл на деньги, ничего не делал и во всем повиновался жене. Вот и сейчас, допив вино, он отправился спать.

«Барышня для многих», распивая вино со слугами, точила лясы, шутила и смеялась, стараясь задобрить слуг, чтобы при случае они замолвили за нее словечко перед Цзя Чжэнем.

В это время неожиданно раздался громкий стук в ворота. Жена Бао Эра бросилась отворять и увидела Цзя Ляня, сходявшего с коня. Заметив жену Бао Эра, он осведомился, не произошло ли чего. Та потихоньку сообщила ему:

– На западном дворе находится господин Цзя Чжэнь.

Цзя Лянь прошел в спальню и увидел Ю Эр-цзе и рядом с нею двух девочек-служанок. При появлении Цзя Ляня на лице Эр-цзе отразилось беспокойство.

Цзя Лянь сделал вид, что ничего не замечает, и сказал:

– Скорее подайте мне вина! Выпьем по два кубка, чтобы лучше спать – я очень устал.

Эр-цзе с улыбкой приняла халат, который он снял, поднесла ему чаю, стала расспрашивать его о том о сем. Цзя Лянь весь дрожал от желания и едва владел собой.

Вскоре «Барышня для многих» принесла вино. Цзя Лянь и Эр-цзе, сидя друг против друга, принялись пить. Девочки-служанки стояли на полу перед каном и прислуживали им.

Между тем один из молодых слуг Цзя Ляня по имени Лун-эр, привязывая коня, заметил неподалеку другого коня и догадался, что это конь Цзя Чжэня. Затем он отправился на кухню, где застал Си-эра и Шоу-эра, распивавших вино. Заметив Лун-эра, они засмеялись:

– Ты как раз кстати! Мы не могли угнаться за лошадей нашего господина, который ехал слишком быстро и, чтобы не нарушать приказ, запрещающий ходить ночью, решили остановиться здесь переночевать.

– А меня второй господин прислал сюда передать деньги, – с улыбкой отвечал Лун-эр. – Я уже передал их, но сегодня назад не поеду.

– Почему бы вам немного не поспать? – спросила жена Бао Эра. – Кан у нас свободен.

– Мы уже выпили изрядно, выпей и ты с нами, – предложил Си-эр.

Лун-эр присел к столу, выпил вина, но тут вдруг услышал, что на конюшне подрались лошади. Оказалось, два коня не ладили у одного корыта и перелягались.

Встревоженный Лун-эр побежал на конюшню, утихомирил коней и снова вернулся.

– Идите спать, мальчики! – сказала жена Бао Эра. – Я ухожу.

Но ее не захотели отпускать, стали целовать, щипать за грудь.

Пошумев немного, ее отпустили.

Си-эр, выпив еще несколько чарок вина, совершенно осоловел. Пока Лун-эр и Шоу-эр запирали дверь, он растянулся на кане и захрапел.

– Эй, братец, ложись хорошенько! – кричали они, толкая его под бок. – Думаешь только о себе! А нам что, всю ночь маяться?

– Давайте сегодня печь лепешки на одной сковороде – только по справедливости, чтобы всем досталось! – пробормотал Си-эр.

Видя, что он совсем пьян, Лун-эр и Шоу-эр перестали обращать на него внимание, погасили лампу и легли.

Ю Эр-цзе, услышав ржание, забеспокоилась и хотела болтовней отвлечь Цзя Ляня. Цзя Лянь, выпив несколько кубков, почувствовал, как в нем заиграла «весенняя радость». Он приказал убрать со стола вино и фрукты, запер дверь и стал раздеваться.

Эр-цзе была одета лишь в ярко-красную кофточку, черные волосы ее растрепались, лицо сияло, предвещая радости любви, и от этого она казалась еще пленительнее, чем обычно.

Прижимая ее к своей груди, Цзя Лянь говорил:

– Все уверяют, будто моя якша Фын-цзе красавица, но теперь я вижу, что она недостойна снимать с тебя даже туфли!

– Пусть я красива, но у меня нет положения, – возражала Эр-цзе. – Мне кажется, что красота – это не главное.

– Что ты говоришь?! – восклицал Цзя Лянь. – Я тебя совершенно не понимаю.

– Почему вы обращаетесь со мной, как с дурочкой? – со слезами на глазах упрекнула его Эр-цзе. – Уже два месяца, как я стала вашей женой, и за это время я убедилась, что вы человек неглупый. Клянусь, я всю жизнь буду вам верна, а после смерти стану вашим духом-хранителем! Ведь после того, как мы стали мужем и женой, я всю жизнь буду принадлежать только вам. Разве я посмею обмануть вас или утаить от вас даже самую мелочь?! Я нашла себе опору в жизни. Но меня беспокоит – что станет с моей сестрой? Жить на таком положении, как сейчас, она долго не может, а поэтому надо что-нибудь сделать и для нее!

– Не беспокойся, я человек незлопамятный, – отвечал ей Цзя Лянь. – Твоя прежняя жизнь мне известна, можешь не говорить намеками. Но сейчас, когда ты стала моей женой, я прошу тебя быть осторожнее с моим старшим братом Цзя Чжэнем. Мне очень хотелось бы, чтобы Сань-цзе сочеталась с ним, и тогда мы могли бы, как говорится, есть за одним столом и никто никому не мешал бы. Что ты об этом думаешь?

– Вы предлагаете хороший выход, – утирая слезы, произнесла Эр-цзе, – но только моя сестра очень своенравна, и, кроме того, я боюсь, как бы не пострадала репутация старшего господина Цзя Чжэня.

– Ничего не случится, – уверил ее Цзя Лянь. – Я сейчас же поговорю с нею!

Находясь в приподнятом настроении после выпитого вина, он встал и отправился на западный двор. Еще издали он заметил мерцавшие в окнах огоньки ламп и свечей.

Решительно приблизившись к двери, Цзя Лянь толкнул ее ногой и, появившись на пороге, громко произнес:

– Я узнал, что старший брат Цзя Чжэнь здесь, и пришел справиться о его здоровье.

Услышав голос Цзя Ляня, Цзя Чжэнь испуганно вскочил, и краска стыда залила ему все лицо. Старуха Ю тоже была смущена.

– Да что здесь такое?! – воскликнул Цзя Лянь. – Ведь мы все время считались братьями! Доброта моего старшего брата тронула меня настолько, что я готов разбиться вдребезги ради того, чтобы ему услужить. Я был бы в отчаянии, если бы старший брат был мною недоволен. Брат мой, приходи сюда когда тебе только угодно, и если я своим присутствием мешаю тебе, ты меня здесь больше не увидишь.

Он сделал вид, что хочет опуститься перед Цзя Чжэнем на колени, но тот торопливо вскочил с места, подхватил его и сказал:

– Пусть все будет так, как скажешь ты, брат мой! Всякое твое желание я воспринимаю как приказ.

– Принесите вина! – приказал служанкам Цзя Лянь. – Мы со старшим братом хотим выпить по два кубка.

После этого он обернулся к Сань-цзе и, хихикая, произнес:

– Третья сестрица, почему бы и тебе не выпить из одного кубка с моим старшим братом? Я с удовольствием осушу кубок за ваше здоровье и пожелаю тебе и ему счастливой жизни!

При первых же словах Цзя Ляня девушка вскочила.

– Что ты чепуху мелешь! – возмущенно сказала она. – Мы для тебя слишком грубая пища, как бы ты нами не подавился! Лучше не задевай меня! Думаешь, мы не знаем, что у вас в доме делается?! За несколько грошей вы со своим братом сумели купить мою сестру! Так неужели вы думаете, что и я стану вашей игрушкой? Знайте же: вы ошиблись! Я слыхала, какая у тебя жена! Смотри, как бы тебе от нее не влетело! Вот сейчас ты соблазнил мою сестру, да боишься сказать об этом открыто, так как «в краденый барабан бить нельзя». погоди, я еще встречусь с Фын-цзе, расскажу ей все, и тогда поглядим, как она с тобой разделается! Лучше прекратите об этом разговор, иначе я из вас с братцем выколочу ваши собачьи души, а потом и за твою жену возьмусь!.. Хочешь, чтоб я с тобой выпила? Что ж, давай выпьем!

Она взяла чайник, наполнила кубок, отпила наполовину, а затем, протягивая остаток Цзя Ляню, сказала:

– Я не пила с твоим старшим братом, но с тобой выпью за дружбу.

Цзя Лянь от испуга почти протрезвился, а Цзя Чжэнь совершенно опешил – он не ожидал, что Сань-цзе может так опозорить их. Братья давно привыкли к разврату и никогда не наталкивались на подобную грубость. Они даже ничего не могли ответить.

– Позовите Эр-цзе! – кричала между тем разъяренная Сань-цзе. – Будем веселиться вместе! Хозяина дома нельзя обходить! Мы друг другу не посторонние: вы братья, мы сестры, давайте пировать вместе!

Старухе Ю стало неудобно. Цзя Чжэнь хотел ускользнуть, но Сань-цзе не соглашалась отпустить его. Цзя Чжэнь сильно раскаивался в своей необдуманной затее, он и не предполагал, что вместе с Цзя Лянем получит такой отпор.

Между тем Сань-цзе сорвала с себя украшения, сбросила верхнее платье и распустила свернутые пучком на затылке волосы. Теперь она осталась в тонкой красной кофточке, наполовину расстегнутой, почти обнажавшей ее белоснежную грудь. На ней были ярко-зеленые штаны и изящные красные туфельки, такие яркие, что рябило в глазах. Настроение ее менялось мгновенно, она то радовалась, то сердилась, то вставала с места, то садилась, ее жемчужные серьги раскачивались, как качели, и при свете лампы алые губы казались яркими, как киноварь... Ее глаза, чистые, как воды Хуанхэ осенью, после выпитого вина сверкали и искрились. Цзя Лянь и Цзя Чжэнь жаждали приблизиться к ней, но не хватало духа. Им хотелось уйти от нее, но они не были в состоянии сделать шаг. Ошеломленные красотой девушки, они не только перестали говорить пошлости, но словно потеряли дар речи.

Сань-цзе безудержно болтала, сыпала грубыми деревенскими словами, смеялась и издевалась над Цзя Лянем и Цзя Чжэнем.

Пресытившись вином и потешившись вволю над братьями, Сань-цзе выгнала их и улеглась спать. А после этого служанки всякий раз, когда были чем-либо недовольны, злословили и ругали Цзя Чжэня, Цзя Ляня и Цзя Жуна, обвиняя их в том, что они обманули вдову и сирот.

Цзя Чжэнь больше не осмеливался приезжать сюда; только когда Сань-цзе бывала в настроении, она приказывала слугам позвать его. Но когда Цзя Чжэнь являлся, он чувствовал себя настолько стесненным, что полностью подчинялся Сань-цзе и делал все, что она хотела.

А теперь, дорогой читатель, послушай! Сань-цзе от природы была необычайно хитрой и скрытной. Она обладала красивой внешностью, любила наряжаться и вела себя довольно вызывающе. В этом отношении никто не мог с нею сравниться. Все мужчины – не говоря уже о таких, как Цзя Чжэнь и Цзя Лянь, обладавших не очень большим опытом, но даже закоренелые волокиты с окаменевшими сердцами – при виде ее теряли голову. Ее безудержная веселость, пренебрежение к окружающим внушали мужчинам робость, и в присутствии девушки они утрачивали всю свою смелость. Цзя Чжэнь, который прежде готов был на все ради Эр-цзе, устремил теперь все свои помыслы к Сань-цзе, предоставив Эр-цзе в распоряжение Цзя Ляня. Однако Сань-цзе только кокетничала с ним, не позволяя заходить слишком далеко.

Когда мать или Эр-цзе упрекали ее за такое поведение, она говорила:

– Ты, сестра, глупа! Мы с тобой подобны золоту и яшме – нельзя допустить, чтобы такие драгоценности швыряли в грязь! Ведь ты же знаешь, мама, что у них в семье есть зловредная баба, которую до поры до времени обманывают, но разве она простит нас, когда узнает об этом?! Разразится скандал, и неизвестно, останемся ли мы в живых! А вы воображаете, что нашли спокойное убежище, где можно жить, не зная никаких забот!

Слушая ее, старуха Ю поняла, что уговоры бесполезны, и оставила Сань-цзе в покое.

Между тем Сань-цзе вела себя все капризнее и капризнее; получив серебро, она требовала золото; получая в подарок жемчуг, требовала драгоценные камни; когда ей подавали жареного гуся, она просила жирную утку; если еда приходилась ей не по вкусу, она ругалась и в гневе опрокидывала стол. Когда ей не нравилось платье, она хватала ножницы, кромсала платье в куски и без зазрения совести бранилась. Цзя Чжэнь никак не мог угодить ей. Он только зря тратил громадные деньги!

Когда приезжал Цзя Лянь, он бывал только в комнатах Эр-цзе. Он уже начинал раскаиваться, что затеял такое дело. Однако Эр-цзе сильно привязалась к нему, считала его повелителем до конца своих дней и нежно заботилась о нем. По красоте, привлекательности и манерам она не уступала Фын-цзе, а по ласковости и покорности значительно превосходила ее. Но когда-то она сделала неосторожный шаг и в глазах людей утратила все свои достоинства – теперь на ней висел ярлык «развратницы».

Цзя Лянь был возмущен этим и часто говорил:

– Кто не совершает ошибок?! Главное, исправить их вовремя!

Он не упоминал о распутстве Эр-цзе в прошлом и только старался наслаждаться своим нынешним блаженством.

Цзя Лянь и Эр-цзе были неразлучны, жили душа в душу и клялись вместе умереть. Разве могли они в это время думать о Фын-цзе или Пин-эр?!

Однажды, лежа рядом с Цзя Лянем, Эр-цзе попросила его:

– Вы бы поговорили со старшим господином Цзя Чжэнем, пусть он просватает мою сестру за кого-нибудь из знакомых. Нельзя же постоянно держать ее здесь – это неудобно.

– Я уже говорил с ним, но он никак не может отказаться от нее, – ответил Цзя Лянь. – Я убеждал его: «Жирное мясо вкусно, однако жарить его надо осторожно, не то жир забрызгает и обожжет. Хотя и красива роза, ее шипы могут поранить руку. Если сам не владеешь девушкой, просватай ее за другого!» Но он только рукой махнул и ничего не ответил. Может быть, ты посоветуешь, как быть?

– Не беспокойтесь, – сказала ему Эр-цзе. – Завтра же поговорим с сестрой, а потом пусть она шумит сколько угодно. Она убедится, что это бесполезно, и выйдет за него замуж.

– Ты права, – согласился Цзя Лянь.

На следующий день Эр-цзе распорядилась приготовить вино и закуски, Цзя Лянь остался у нее, и в полдень они пригласили Сань-цзе и старуху Ю немного посидеть с ними.

Сань-цзе сразу поняла, к чему дело клонится. Едва кубки были наполнены вином, она не дала сестре и рот раскрыть, а стала плакать и причитать:

– Ты пригласила меня как будто для серьезного разговора, но я не дуручка, и лучше не надоедай мне! Я знаю все, и убеждать меня бесполезно! Ты хорошо устроилась, мама тоже обрела приют, а о себе я сама позабочусь. Замужество не шутка, замуж выходят один раз в жизни. Когда нам с мамой было трудно, я вынуждена была притворяться бесстыжей, чтобы ко мне не привязывались. Но на самом деле я не бесстыжая, и если речь зашла о моем замужестве, я скажу прямо, что выйду замуж только за того, кто мил моему сердцу. Какого бы богатого и знатного жениха вы мне ни выбрали, он будет мне противен.

– Это очень просто устроить, – успокоил ее Цзя Лянь. – Назови его имя, и мы тебя просватаем за него. Что касается украшений и свадебных подарков, то все заботы мы берем на себя, и твоей матушке беспокоиться ни о чем не придется.

– Моя сестра знает его имя, так что мне незачем его называть, – ответила Сань-цзе.

– Кто же это? – поинтересовался Цзя Лянь.

Эр-цзе не могла вспомнить. Тогда Цзя Лянь решил, что это может быть только один человек.

– Я знаю, о ком речь! – закричал он, хлопая в ладоши. – У тебя вкус неплохой!

– Кто же это? – с улыбкой спросила Эр-цзе.

– Кто мог ей приглянуться? – засмеялся Цзя Лянь. – Конечно, Бао-юй!

Эр-цзе и старуха Ю тоже решили, что это не кто иной, как Бао-юй, но Сань-цзе только огрызнулась:

– У нас в семье десять сестер, неужели все они должны выходить замуж за твоих братьев? Разве из всей Поднебесной только в вашей семье есть достойные мужчины?!

– Кого же ты избрала, если не его? – удивились старуха Ю, Цзя Лянь и Эр-цзе.

– Сейчас его здесь нет, – ответила Сань-цзе, – но пусть сестра вспомнит о том, что было пять лет назад.

Во время этого оживленного разговора вошел Син-эр звать своего господина:

– Ваш батюшка требует, чтобы вы немедленно явились к нему. Я ему сказал, что вы уехали к старшему дядюшке, а сам поспешил сюда.

– Неужели вчера дома обо мне спрашивали? – заволновался Цзя Лянь.

– Да, – ответил Син-эр, – и я доложил вашей супруге, что старший господин Цзя Чжэнь пригласил вас к себе, чтобы посоветоваться, как провести стодневный траур, и поэтому вы, наверное, не сможете приехать.

Цзя Лянь тотчас приказал подать коня и отправился во дворец Жунго в сопровождении Лун-эра.

Эр-цзе распорядилась принести закуску, наполнить большой кубок вина и поднесла Син-эру, который осушил его, стоя перед каном. Затем она засыпала его вопросами:

– Сколько лет вашей госпоже? Какой у нее характер? Она не очень злая? Сколько лет старой госпоже? Сколько у вас в доме барышень?

Одним словом, это был обычный семейный разговор.

Син-эр, хихикая, непринужденно рассказывал ей и ее матери о событиях, которые за последнее время произошли во дворце Жунго.

– Я дежурю у вторых ворот, – говорил он. – Мы сменяемся два раза в сутки и стоим у ворот четверо за смену – всего нас восемь человек. Среди нас есть несколько доверенных слуг госпожи Фын-цзе и несколько доверенных слуг господина Цзя Ляня. Доверенных слуг госпожи мы не смеем задевать, а госпожа Фын-цзе вертит слугами нашего господина, как ей хочется. Если заговорили о нашей госпоже, то я даже не знаю, как вам объяснить, насколько она коварна и остра на язык. Господин Цзя Лянь куда лучше ее! У госпожи есть доверенная служанка Пин-эр, которая старается к ней подлаживаться, но за спиной госпожи Пин-эр всегда делает добрые дела. Случается, мы в чем-нибудь провинимся и госпожа не хочет простить, но стоит Пин-эр попросить ее, как все улаживается. Кроме старой госпожи и госпожи Ван, во всем доме не найдется человека, который любил бы эту Фын-цзе! Однако в ее присутствии никто не осмеливается выражать недовольство! Пользуясь тем, что никто не может сравниться с ней по уму и красоте, она льстит старой госпоже и госпоже Ван, морочит им голову. Любое ее слово – закон, никто не смеет ей перечить. Что ее удручает, так это то, что она не может накопить целую гору денег, чтоб доказать старой госпоже и госпоже Ван, что она умеет жить. Она даже не представляет себе, сколько страданий причиняет прислуге ее желание выслужиться перед старшими! Если случается что-нибудь хорошее, она сама бежит к старой госпоже хвалиться. Но стоит ей совершить ошибку или случится что-то плохое, она всегда норовит подставить под удар другого, а сама стоит в стороне и подливает масла в огонь. Даже ее собственная свекровь недовольна ею и говорит, что Фын-цзе, словно воробей, всегда летит туда, где можно пожить, а случись неприятность, она, как крот, прячется поглубже в землю; она не дорожит честью семьи, а думает только о себе, так что, если б старая госпожа не стояла во главе семьи, эту Фын-цзе давно бы выгнали.

– Если ты за глаза оговариваешь ее, то как же ты будешь отзываться обо мне в мое отсутствие? – усмехнулась Эр-цзе. – Ведь я по положению ниже ее, значит обо мне можно отзываться хуже!

Син-эр опустил перед нею на колени и воскликнул:

– Зачем вы так говорите, госпожа, неужели я не боюсь возмездия?! Если б наш господин сразу взял себе в жены такого человека, как вы, нам никогда не пришлось бы опасаться, что нас будут бить или ругать. Все слуги, которые сейчас состоят при нашем господине, хвалят вас за доброту. Мы уже договорились между собой, что если господин Цзя Лянь куда-нибудь уедет, мы все перейдем служить к вам.

– Ох и мошенник же ты! – воскликнула Эр-цзе. – Я только пошутила, а ты уже перепугался. Зачем ты сюда явился? погоди, я разыщу вашу госпожу и расскажу ей о тебе!

– Не ходите к ней, госпожа, ни в коем случае! – замахал руками Син-эр. – Я вам сейчас все расскажу! У нашей госпожи на устах мед, а на сердце лед! Она будет вам улыбаться, а сама подставит ножку. Старается прикинуться ягненком, а на деле только и думает, как бы пожрать

всех! Даже третья тетушка, несмотря на все ее красноречие, и та не смогла бы ее переговорить! Вы, госпожа, слишком скромны, куда уж вам с ней тягаться?!

– А если я буду относиться к ней так, как требует этикет? – спросила Эр-цзе. – Неужели она и после этого осмелится обижать меня?

– Не думайте, что я пьян и болтаю глупости, – отвечал Син-эр. – Если вы будете даже уступать Фын-цзе, но она убедится, что вы красивее ее и все вас любят, она не простит! Ведь она – точно бутылка уксуса; да что там бутылка – кувшин, целая бочка уксуса! Если наш господин искоса бросит взгляд на какую-нибудь служанку, эта Фын-цзе, не стесняясь господина, тут же набрасывается на бедную девушку и избивает до полусмерти. Барышня Пин-эр считается наложницей господина Цзя Ляня, но стоит Цзя Ляню один раз в год побыть с ней, как Фын-цзе винит ее во всех грехах! Однажды несправедливо обиженная Пин-эр не выдержала и расшумелась: «Разве я по своей воле сделалась его наложницей?! Вы же меня к этому принудили! Когда я стала возражать, вы сказали, что я бунтую! Зачем же теперь меня обвиняете?» После этого Фын-цзе смирилась и даже просила прощения у барышни Пин-эр.

– А ты не врешь? – усомнилась Эр-цзе. – Если она такой дьявол, как она может бояться какой-то наложницы?

– Как говорят, против законов справедливости не пойдешь, – сказал Син-эр. – Эта барышня Пин-эр была у нашей госпожи служанкой в детстве, а когда та вышла замуж, Пин-эр переехала в дом ее мужа вместе с другими тремя служанками. Одна из них умерла, другая вышла замуж, осталась одна Пин-эр, которая приглянулась нашему господину Цзя Ляню, и тот взял ее себе в наложницы. Это произошло только потому, что Пин-эр очень мудра и добродетельна и, кроме того, оказалась способной увлечь нашего господина. Барышня Пин-эр всегда искренна, не умеет лицемерить, всей душой любит нашу госпожу, и та только поэтому терпит ее возле себя.

– Вот оно как! – воскликнула Эр-цзе. – Я слышала, что у вас там есть овдовевшая госпожа и несколько барышень, и если эта Фын-цзе так сварлива, как они ее терпят?!

– Ах, госпожа! – воскликнул Син-эр. – Наша старшая госпожа Ли Вань очень добра, никогда не лезет не в свои дела. Она только следит за барышнями, чтобы они учились грамоте и занимались вышиванием. Но недавно Фын-цзе заболела и передала ей на несколько дней хозяйственные дела. Госпожа Ли Вань все делала в соответствии со старыми обычаями, избегая при этом всякой шумихи. О нашей старшей барышне говорить нечего – она живет при дворе. Вторую барышню у нас прозвали «второе бревно», а третью барышню «роза мэй-гуй»: она румяна, красива, все ее любят, хотя у нее есть шипы, о которые можно уколоться. К сожалению, она не родная дочь госпожи Ван, а, как говорится, «феникс, родившийся в вороньем гнезде». Четвертая барышня еще слишком мала. Она приходится сестрой господину Цзя Чжэню, а воспитывает ее госпожа Ван, и в доме она никакими делами не ведает. Но, кроме барышень из семьи Цзя, здесь живут две барышни, каких мало найдется в Поднебесной! Одна из них является дочерью сестры нашего старшего господина, и фамилия ее Линь, другая приходится племянницей супруге нашего господина Цзя Чжэна и происходит из семьи Сюэ. Эти барышни – писанные красавицы и грамотны необычайно. Если они гуляют в саду или выезжают из дому, мы, встречаясь с ними, и дохнуть боимся.

– Ведь у вас порядки строгие, и детям слуг, если они попадают в сад, запрещается смотреть на барышень, – засмеялась Эр-цзе. – Каким же образом вы умудряетесь дышать в их присутствии?

– Вот мы и не дышим! – улыбнулся Син-эр. – Ведь если мыдохнем сильно, барышня Линь повалится, а барышня Сюэ растет!

Все так и покатались со смеху.

Однако, если вы хотите узнать, за кого решила выйти замуж Сань-цзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят шестая, в которой речь пойдет о том, как любящая девушка, оскорбленная в своих чувствах, ушла в иной мир и как безжалостный юноша с холодным сердцем вступил в секту пустоты

Итак, мы остановились на том, как Син-эр выразил опасение, что барышня Линь может упасть, а барышня Сюэ может растаять, если на них сильно дохнуть, и все безудержно расхохотались.

Жена Бао Эра в шутку шлепнула Син-эра и прикрикнула на него:

– Может быть, здесь и есть доля правды, но, когда она попадает тебе на язык, ты превращаешь ее в небылицу! Ты ничем не похож на слугу второго господина Цзя Ляня, по твоей болтовне тебя можно скорее принять за слугу второго господина Бао-юя.

Эр-цзе хотела задать Син-эру еще один вопрос, но Сань-цзе опередила ее:

– Чем занимается ваш Бао-юй, кроме того, что ходит в школу?

– Ох, и не спрашивайте, третья госпожа, – улыбнулся Син-эр, – если я начну рассказывать, вы не поверите! Он уже совсем взрослый, а учением по-серьезному не занимается. Разве у нас в доме найдется хоть один человек, начиная от дедов и кончая вторым господином Цзя Лянем, за учением которого учителя не следили бы со всей строгостью?! Однако Бао-юй как раз не любит учиться, а старая госпожа дорожит им как сокровищем. Прежде его батюшка присматривал за ним, иногда наказывал, а теперь не смеет вмешиваться. Бао-юй целыми днями балуется и безобразничает, а поступки его и рассуждения многим непонятны. Его красивая внешность вводит в заблуждение, люди думают, что он очень умен, никто и не подозревает, что таких глупцов, как он, трудно сыскать. При встрече с людьми он и слова не вымолвит. Единственное его достоинство в том, что, не посещая школу, он все же знает много иероглифов. Ни гражданские, ни военные дела его не интересуют, с людьми встречаться он боится, только и знает целыми днями баловаться с девчонками. И вообще какой-то странный. То на него найдет веселье – он начинает с нами играть, для него не существует ни высших, ни низших, ни господ, ни слуг – все одинаковы; но уж если у него плохое настроение, он никого и ничего не замечает. Сидим мы где-нибудь или лежим, а он вдруг появится, – мы не обращаем на него внимания, и он нам ни слова не скажет. Никто его не боится, каждый делает что хочет, и все сходит с рук.

– Да, вам угодить трудно!. – улыбнулась Сань-цзе. – Если хозяин добр, вы распускаетесь, если строг – начинаете роптать и выражать недовольство!

– Мы-то думали, что он хороший, а оказывается, вот какой! – воскликнула Эр-цзе. – Жалкое создание!

– И ты веришь этим глупостям, сестра? – удивилась Сань-цзе. – Ты же его видела! Его манера есть и пить, а также речь, разумеется, чем-то напоминают девичьи, потому что он привык жить среди девушек. Но заявлять, что он глуп!.. Разве могут такие люди быть глупыми? Помнишь, во время похорон, когда гроб окружили монахи, он встал впереди нас, и мы ничего из-за него не могли увидеть? О нем говорили, будто он не знает правил приличия, невнимателен. А ведь он сказал нам: «Сестры, не считайте меня невежливым! Эти монахи такие грязные и вонючие, и я опасался, что своей вонью они пропитают вас». Затем он стал пить чай; ты тоже попросила чаю, и старуха хотела налить в ту самую чашку, из которой пил он, но он поспешно ее остановил: «Сначала вымойте чашку, а потом уж наливайте»! Это свидетельствует о том, что в отношении девочек он не допускает ничего неприличного, но для посторонних его манеры кажутся странными, и поэтому они не могут оценить достоинств юноши.

– Слушая тебя, может показаться, что ваши взгляды полностью совпадают, – засмеялась Эр-цзе. – Почему бы тебя не просватать за него?

Сань-цзе, которую стесняло присутствие Син-эра, промолчала и, опустив голову, принялась щелкать тыквенные семечки.

– Если говорить о внешности и манерах, то вы для него достойная пара, но только у него уже есть суженая, – улыбнулся Син-эр. – В будущем его, вероятно, женят на барышне Линь. Однако это еще не решено окончательно, так как у барышни Линь слабое здоровье, да и она еще слишком молода. Года через два-три, как только старая госпожа все решит, его наверняка женят!

Разговор был прерван появлением Лун-эра.

– У старшего господина Цзя Шэ какое-то срочное дело в округе Пинъань, и он собирается послать туда второго господина Цзя Лянь, – сообщил он. – Второй господин уедет через несколько дней, а вернется дней через пятнадцать—шестнадцать. Сегодня он не сможет прийти, поэтому просит передать вам, почтенная госпожа, и второй госпоже Эр-цзе, чтобы вы по своему усмотрению решали то дело, о котором договаривались с ним. Завтра, может быть, второй господин заедет, так что постарайтесь все уладить и объявите ему свое решение.

Он поклонился и ушел. Вместе с ним ушел и Син-эр. Ю Эр-цзе приказала запереть за ними ворота, а сама легла в постель и почти всю ночь проговорила с сестрой.

Цзя Лянь приехал на следующий день лишь после полудня.

– Зачем вы приехали, если у вас такие важные дела? – упрекнула его Эр-цзе. – Как бы из-за меня у вас не было неприятностей!

– Никаких важных дел у меня нет, просто еду с обычным поручением, – сказал Цзя Лянь. – Уеду я в начале месяца, через полмесяца вернусь.

– В таком случае о нас не беспокойтесь, – заверила его Эр-цзе. – Моя сестра отличается большим постоянством, она уже избрала себе жениха, и нам ничего не остается, как сделать все, что она желает.

– Кого же она выбрала? – воскликнул удивленный Цзя Лянь.

– Этого человека сейчас здесь нет, – ответила Эр-цзе, – и даже неизвестно, когда он приедет. В этом и затруднение! Она сама мне сказала: если он не приедет год – она будет ждать год, не приедет десять лет – будет ждать десять лет. Если же он не приедет вообще или умрет, она обреет голову и станет монахиней, будет поститься, читать молитвы, но замуж ни за кого не выйдет.

– Но кто же это такой? – снова спросил Цзя Лянь. – Кто сумел так тронуть ее сердце?

– Об этом рассказывать долго, – ответила Эр-цзе. – Как-то пять лет назад мы поехали к бабушке поздравить ее с днем рождения и пожелать долголетия. По поводу такого праздника в дом пригласили актеров, молодых людей из приличных семей. Среди них оказался некий Лю Сян-лянь, исполнявший роли положительных героев. Вот за него моя младшая сестра и решила во что бы то ни стало выйти замуж. Я слышала, что в прошлом году он накликал на себя какие-то неприятности и вынужден был отсюда бежать, так что не знаю, где он сейчас.

– Странно! – воскликнул Цзя Лянь. – Я-то ломал себе голову, кто это может быть! Оказывается, он! Да, у твоей сестренки глаз острый! Но только ты не знаешь всего! Не отрицаю, Лю Сян-лянь очень красив, но человек он бессердечный, не считается ни с чувствами, ни с долгом. В прошлом году он избил этого дурака Сюэ Паня, с тех пор ему неудобно встречаться с нами, и он действительно куда-то уехал. Не знаю, правда ли, но здесь прошел слух, будто он уже приехал. Если хочешь, я спрошу слуг Бао-юя... Но если он не приехал, разве узнаешь, где он? Ведь у него нет определенного местожительства. Не напрасно ли мы будем затягивать столь важное дело?

– Если моя сестра что-нибудь задумала, она непременно своего добьется, – возразила Эр-цзе. – Лучше сделать так, как она хочет.

В это время вошла Сань-цзе и сказала Цзя Ляню:

– Дорогой зять, твои слова доказывают, что ты нас плохо знаешь. Я тебе все сейчас объясню. Мы не такие люди, которые говорят одно, а делают другое; раз я что-нибудь сказала, так оно и будет. Если я избрала Сян-ляня, значит выйду замуж только за него. Начиная с нынешнего дня я буду соблюдать пост и молиться Будде да прислуживать матери, пока не приедет он и я не выйду за него замуж. Если же он сто лет не приедет, я стану монахиней и буду заниматься самоусовершенствованием.

Она вытащила из головы яшмовую шпильку:

– Если я хоть чуть кривлю душой и лгу, пусть со мной будет то же, что с этой шпилькой.

С этими словами она разломила шпильку надвое, круто повернулась и ушла к себе. И действительно, отныне она «не делала ни одного движения, не произносила ни одного слова, которое могло бы нарушить данный ею обет».

Цзя Ляню пришлось уступить ей. Он поговорил с Эр-цзе о хозяйственных делах, затем отправился домой, чтобы сообщить Фын-цзе о своем отъезде. По пути он разыскал Бэй-мина и справился у него, не приехал ли Лю Сян-лянь.

– Не знаю, – ответил Бэй-мин, – думаю, что не приехал. Если б он был здесь, мне было бы известно.

Затем Цзя Лянь навел справки у соседей Лю Сян-ляня, но те заявили, что он не приезжал. Цзя Ляню ничего не оставалось, как сообщить Эр-цзе, что его поиски не дали результатов.

Приближался день отъезда. Еще за два дня до назначенного срока Цзя Лянь объявил, что уезжает, а сам отправился к Эр-цзе. Прожив с ней эти два дня, он незаметно выбрался из города и отправился в путь.

За то время, которое Цзя Лянь провел с Эр-цзе, он заметил, что Сань-цзе словно подменили; Эр-цзе усердно занималась хозяйственными делами, поэтому он уехал, ни о чем не беспокоясь.

Выбравшись ранним утром из города, он направился в Пинъань. Но он не очень торопился, на ночь останавливался в гостиницах, делал остановки, когда хотел выпить или поесть.

На третий день пути ему повстречался целый караван вьючных лошадей, который запрудил всю дорогу, а за караваном верхами ехали хозяева и слуги, числом около десяти человек.

Когда они сблизились, Цзя Лянь внимательно присмотрелся и увидел перед собой не кого иного, как Сюэ Паня, а рядом с ним – Лю Сян-ляня. Цзя Лянь подхлестнул коня и подъехал к ним. Они поговорили о всяких пустяках, поделились новостями, а затем вместе отправились в харчевню.

Цзя Лянь с улыбкой говорил Сюэ Паню:

– После вашей прошлогодней ссоры мы хотели пригласить вас обоих и помирить, но брат Сян-лянь вдруг бесследно исчез. Как могло случиться, что вы снова вместе?

– Странные дела происходят в Поднебесной! – засмеялся Сюэ Пань. – Мы с моим приказчиком продали товары и весной отправились в обратный путь. Но вблизи города Пинъань на нас напала шайка грабителей. Тут неожиданно появился брат Сян-лянь, разогнал бандитов и спас нас. Я хотел вознаградить его, но он отказался принять награду; тогда мы поклялись быть братьями до самой смерти и сейчас вместе возвращаемся в столицу. Можешь считать, что мы с ним родные братья. Правда, вскоре мы должны расстаться, потому что в двухстах ли отсюда живет его тетка, которую он хочет навестить. Я же еду прямо в столицу, где во время его отсутствия постараюсь подыскать ему невесту и купить дом, чтобы к тому времени, когда он вернется, для него все было устроено.

– Вот оно что! – воскликнул обрадованный Цзя Лянь. – Это же замечательно! Напрасно мы беспокоились!

Он засмеялся, а затем, как бы между прочим, добавил:

– Ты говоришь, что хочешь женить брата Лю Сян-ляня, а у меня есть для него чудесная невеста!

Тут он рассказал, как взял Эр-цзе себе в наложницы и как он хочет выдать замуж ее сестру, но ни словом не обмолвился о том, что Сань-цзе сама избрала себе Лю Сян-ляня.

– Только дома не говори, что я взял наложницу, – предупредил он Сюэ Паня. – Когда у Эр-цзе родится сын, тогда все сами узнают об этом.

– Так и нужно поступать! – заметил Сюэ Пань. – Сестра Фын-цзе сама виновата!

– Опять забываешься! – прикрикнул Лю Сян-лянь. – Ну-ка замолчи!

Сюэ Пань тотчас же прикусил язык, но потом снова не выдержал и сказал:

– Все равно я тебя сосватаю!

– Ладно, но девушка должна быть красива, – выразил желание Лю Сян-лянь. – Поскольку за это дело взялись два моих брата, я не смею протестовать и только прошу, пусть они все решают сами, по своему усмотрению.

– Пока ничего говорить не буду, – сказал Цзя Лянь, – но надеюсь, когда брат Сян-лянь увидит девушку, он убедится, что таких красавиц еще не было в Поднебесной.

– Только подождите, пока я повидаюсь с тетушкой! – воскликнул обрадованный Лю Сян-лянь. – Не пройдет и месяца, как я приеду в столицу, и тогда обо всем уговоримся!

– На слово я не верю! – возразил Цзя Лянь. – Ведь Лю Сян-лянь не живет на одном месте – сегодня здесь, завтра там. Если он не исполнит то, что обещает, где его искать?! Пусть оставит подарок в залог сговора.

– Разве благородный человек нарушит свое слово? – возмутился Лю Сян-лянь. – Я беден, да еще нахожусь в пути, откуда у меня могут быть подарки?

– У меня с собой есть подходящие вещи, и кое-что я могу отдать тебе, – предложил Сюэ Пань.

– Для этого не нужно ни золота, ни серебра, ни жемчугов, ни драгоценных камней, – тотчас же сказал Цзя Лянь. – Пусть только он даст какую-нибудь вещь, которая принадлежит лично ему, чтобы я мог взять ее в качестве доказательства, что сватовство состоялось.

– У меня нет подходящих вещей, кроме «меча утки и селезня», который лежит в мешке, – проговорил Сян-лянь. – Этот меч является фамильной драгоценностью и передается у нас в семье из поколения в поколение. Я ни разу не смел им пользоваться, но постоянно вожу его с собой, так что, пожалуйста, второй старший брат, можете его взять. Пусть он служит доказательством нашего сговора. Хотя натура у меня непостоянная, как текущая вода или быстро отцветающий цветок, но с этим мечом я не в силах был расстаться!

Потом все выпили по несколько кубков вина, сели на коней и разъехались каждый своим путем.

Между тем Цзя Лянь добрался до округа Пинъань, быстро покончил со служебными делами у генерал-губернатора, который велел еще раз приехать примерно в десятом месяце того же года, и на следующий день тронулся в обратный путь. Вернувшись домой, он первым делом отправился к Эр-цзе.

Эр-цзе после отъезда Цзя Ляня усердно занималась хозяйственными делами: ворота все время были на запоре, и она не знала, что происходит вне дома. Сань-цзе по-прежнему держалась твердо и непреклонно. Она прислуживала матери за столом, а остальное время проводила с сестрой, занимаясь вышиванием.

Хотя Цзя Чжэнь, пользуясь отсутствием Цзя Ляня, приезжал несколько раз, Эр-цзе под разными предлогами избегала встречаться с ним. Что касается Сань-цзе, то она была оставлена в покое, так как Цзя Чжэнь, уже успевший достаточно хорошо изучить ее нрав, больше не осмеливался заирать ее.

И вот, вернувшись домой и убедившись, как живут Эр-цзе и Сань-цзе, Цзя Лянь не мог скрыть своей радости и восхищался добродетелями Эр-цзе.

Они побеседовали немного о том о сем, а затем Цзя Лянь рассказал, как он дорогой повстречал Лю Сян-ляня, и в подтверждение своих слов передал Сань-цзе «меч утки и селезня».

На ножнах меча, украшенных жемчугами и драгоценными камнями, был изображен дракон с разинутой пастью и какое-то сказочное чудовище. Сань-цзе вытащила меч из ножен и внимательно его осмотрела. Это был обоюдоострый клинок, на одной стороне которого был выгравирован иероглиф «селезень», а на другой стороне – иероглиф «утка». Он блестел и переливался, как студеная вода осенью.

Радость Сань-цзе не имела предела; она схватила меч, повесила его в своей спальне над кроватью и, каждый день любуясь им, приходила в восторг от мысли, что наконец она обретет мужа, который будет ей надежной опорой на всю жизнь.

Цзя Лянь прожил у Эр-цзе два дня, а затем отправился доложить отцу о выполнении его поручения и повидаться с домашними.

Фын-цзе к этому времени почти совсем поправилась, уже выходила из дому и снова принялась за хозяйственные дела.

Потом Цзя Лянь рассказал Цзя Чжэню, как он сосватал Ю Сань-цзе за Лю Сян-ляня, но Цзя Чжэнь все еще сердился, что сестры Ю не жалуют его, к тому же он обзавелся новой любовницей и поэтому только отмахнулся, предоставив Цзя Ляню поступать по своему усмотрению. Но, зная, что Цзя Ляню понадобятся деньги, Цзя Чжэнь подарил ему несколько десятков лян серебра. Цзя Лянь отдал серебро Эр-цзе и велел ей приготовить приданое для сестры.

Лю Сян-лянь приехал в столицу лишь в восьмом месяце. Первым долгом он отправился поклониться тетушке Сюэ и повидаться с Сюэ Панем. Здесь он узнал, что Сюэ Пань, не привыкший к трудностям, какие обычно приходится испытывать в дороге, и к перемене климата, по прибытии в столицу заболел. Прослышав о приезде Лю Сян-ляня, Сюэ Пань немедленно распорядился пригласить его к себе в спальню.

Тетушка Сюэ, тронутая благородством Лю Сян-ляня, спасшего жизнь ее сыну, совершенно не вспоминала о неприятности, происшедшей в прошлом году, когда Лю Сян-лянь избил Сюэ Пана. Напротив, мать и сын бесконечно благодарили Лю Сян-ляня, приняли большое участие в его судьбе, договорились, как устроить свадьбу, и стали ждать счастливого дня.

Лю Сян-лянь тоже был растроган их заботами.

На следующий день он отправился проведать Бао-юя. Оба были так рады встрече, словно рыба, которую поймали, но затем вновь отпустили в воду. Лю Сян-лянь осторожно осведомился у него, как Цзя Лянь ухитрился взять себе вторую наложницу.

– Я ее не видел, а только слышал о ней из разговоров Бэй-мина, – сказал Бао-юй. – Я боюсь вмешиваться в это дело, чтобы меня не сочли слишком любопытным. Бэй-мин говорит, что Цзя Лянь расспрашивал о тебе, но не знаю зачем.

Тогда Лю Сян-лянь рассказал ему о своей встрече с Цзя Лянем в дороге.

– Какая радость, какое счастье! – воскликнул Бао-юй. – Тебе удалось добиться такой красавицы?! Да, это достойная тебе пара – таких красавиц не было в древности и не встретишь теперь!

– В таком случае почему она до сих пор не замужем? – удивился Лю Сян-лянь. – Неужели она могла в меня влюбиться? Ведь я никогда не был с нею близок и почти не знаю ее. Когда был устроен сговор, мне даже показалось странным, что невеста гоняется за женихом! Потом я стал раскаиваться, что согласился на это предложение и оставил Цзя Ляню свой меч в доказательство сговора. Но тут я вспомнил о тебе и решил расспросить, в чем дело.

– Ты всегда был осторожным! Как же ты мог отдать меч и выразить свое согласие на брак, а потом усомниться? – упрекнул его Бао-юй. – Сам говорил, что женишься только на красавице. Тебе и досталась красавица, к чему же здесь сомнения?!

– Ты ж не знаешь, кто она, – возразил Лю Сян-лянь, – откуда тебе может быть известно, что она красавица?

– Она одна из сестер, которых недавно привезла сюда мачеха супруги господина Цзя Чжэня, – объяснил Бао-юй. – Как же мне не знать ее, если в течение целого месяца почти каждый день я бывал во дворце Нинго и встречался с нею? Она поистине замечательна!.. Недаром она носит фамилию Ю!⁷

– Вот это уж совсем плохо! – Сян-лянь даже топнул ногой с досады. – Нет, я не согласен! У вас, во дворце Нинго, непорочны только каменные львы у ворот!

Бао-юй покраснел. Сян-лянь сразу стал раскаиваться, что сказал лишнее; он поспешно поклонился и произнес:

– Прости меня, я погорячился! Но все же расскажи мне, что тебе известно о ее поведении!

– Зачем ты спрашиваешь, если все знаешь, – с улыбкой ответил Бао-юй. – Ведь даже я не совсем чист...

– Я тебя обидел, – смущенно улыбнулся Лю Сян-лянь, – но не сердись!

– Зачем об этом вспоминать? – улыбнулся Бао-юй. – Я ведь понимаю, что ты просто вспылил.

Лю Сян-лянь попросился и вышел. Сначала он хотел пойти к Сюэ Паню, но, вспомнив, что тот болен, да и вспыльчив, счел наилучшим пойти расторгнуть договор, пока не поздно. Приняв такое решение, он первым делом отправился к Цзя Ляню. Цзя Лянь как раз был у Эр-цзе и очень обрадовался приходу Лю Сян-ляня. Он вышел ему навстречу, пригласил пройти во внутренний зал и представил старухе Ю. Кланяясь старухе, Лю Сян-лянь именовал ее «почтенной тетушкой», а себя называл «младшим», чему Цзя Лянь крайне удивился.

Когда все пили чай, Лю Сян-лянь вдруг заговорил:

– Произошла некоторая неувязка! Мы с вами чересчур поспешно устроили сговор. Когда я приехал к своей тетушке, оказалось, что еще в четвертом месяце этого года она сосватала мне невесту, и отказаться я не могу. Если я обману тетушку и сделаю так, как предлагает старший брат Цзя Лянь, я нарушу свой долг по отношению к старшим родственникам. Если бы при сговоре вы получили от меня золото или деньги, я не посмел бы просить их обратно, но меч достался мне в наследство от деда, и я просил бы вернуть его – это было бы для меня величайшим счастьем.

Когда Цзя Лянь услышал это, ему стало неудобно, и он сказал:

– Второй младший брат, ты не прав! Сговор есть сговор! Я и устроил его только потому, что боялся, как бы ты, дав сначала обещание, потом не отказался от него. Разве все браки устраиваются по желанию? Нет! Так не годится!

– В таком случае я готов подвергнуться любому наказанию, – воскликнул Лю Сян-лянь, – но послушаться вас не могу!

Цзя Лянь хотел продолжить разговор, но Лю Сян-лянь встал и предложил ему:

– Если вам угодно, брат мой, поговорим наедине. Здесь разговаривать неудобно.

Сань-цзе слышала этот разговор слово в слово. Она насилу дождалась приезда Лю Сян-ляня. И сейчас, когда тот отказался от нее, она поняла, что кто-то в доме Цзя оклеветал ее, наговорил Сян-ляню, будто она развратна и недостойна стать его женой. Она не могла позволить Сян-ляню и Цзя Ляню выйти – это поставило бы Цзя Ляня в неудобное положение, да и могла возникнуть ссора. Поэтому, как только она услышала, что Лю Сян-лянь приглашает Цзя Ляня выйти, чтобы поговорить наедине, она бросилась в спальню, сняла со стены меч, спрятала его под мышкой и вышла к мужчинам.

– Можете остаться здесь! – сказала она. – Вот ваш меч!

⁷ Ю – по-китайски «замечательный», «превосходный».

Из глаз ее полились слезы. Она протянула меч Лю Сян-ляню, другой рукой ухватила за лезвие и с силой вонзила его себе в горло. Поистине:

Персика цвет растоптали ногами,
вся покраснела земля;
Яшмовый холм наклонился и рухнул,
как ты поднимешь его?

Все бросились к ней, но, увы, поздно. Старуха Ю обезумела от горя и принялась на чем свет стоит проклинать Лю Сян-ляня. Возмущенный Цзя Лянь кликнул слуг, приказал им связать Лю Сян-ляня и препроводить его в ямынь. Но в этот момент Эр-цзе вытерла слезы и сказала Цзя Ляню:

– Он не принуждал ее покончить с собой. Она сделала это по собственному желанию. Какая польза отправлять человека в ямынь? Вам же будут неприятности!

Цзя Лянь пребывал в нерешительности. Он отпустил руки Лю Сян-ляня и велел ему поскорее убираться. Но тот не спешил уходить, вытащил платок и, вытирая слезы, сказал:

– Я даже не представлял себе, сколь мужественна эта девушка! Она поистине достойна поклонения! Как я несчастен, что мне не суждено иметь такую жену!

Он зарыдал, позвал слуг и велел им купить самый дорогой гроб. Затем наблюдал, как покойную обрядили и положили в него, и лишь после этого попрощался и вышел.

Он миновал ворота и не знал, куда отправиться дальше – все мысли его были заняты Сань-цзе, и он думал:

«Какая красивая, незаурядная девушка! Сколько в ней было стойкости и решимости!»

Раскаиваясь в своем поступке, он машинально побрел куда глаза глядят. Неожиданно ему показалось, что он слышит звон женских украшений и к нему подходит Сань-цзе, держа в одной руке «меч утки и селезня», а в другой – свернутую в трубку бумагу.

– Уже пять лет как я, безумная, люблю вас, – проговорила она. – Я не могла предположить, что у вас такое бесчувственное сердце! И вот мне приходится расплачиваться жизнью за свою страсть! Сегодня я получила повеление бессмертной феи Цзин-хуань отправиться в «область Небесных грез» и предстать пред ее судом. Я не могла сразу с вами расстаться и решила явиться вам на мгновение! Но помните, отныне мы не сможем лицезреть друг друга!

Из глаз ее снова полились слезы, которые омочили одежду Лю Сян-ляня. Сань-цзе хотела уйти, но Лю Сян-лянь умоляюще протянул к ней руки, пытаясь ее удержать. Она оттолкнула его и не спеша удалилась.

Сян-лянь издал громкий крик и очнулся. Однако он никак не мог понять, сон ли это. Он протер глаза и вдруг увидел перед собой храм, на ступенях которого сидел грязный даос и ловил вшей на своей одежде.

– Куда я попал? – почтительно кланяясь ему, спросил Лю Сян-лянь. – Как вас зовут, учитель?

– Названия этого места я не знаю, – засмеялся даос, – я остановился здесь, чтобы немного отдохнуть.

Лю Сян-ляню показалось, что его пронизал ледяной холод; он извлек меч и, взмахнув им, словно обрубил десять тысяч нитей, связывающих его с суетным миром, а потом опустил голову и покорно последовал за даосом неизвестно куда.

Если вы хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят седьмая, из которой читатель узнает о том, как, глядя на подарки, Дай-юй вспоминала о родных краях и как, раскрыв тайну, Фын-цзе допрашивала слугу

Нечего и рассказывать о том, как скорбели и горевали старуха Ю, Эр-цзе, Цзя Чжэнь и Цзя Лянь, после того как Ю Сань-цзе покончила с собой. Девушку положили в гроб, отвезли за город и похоронили.

Смерть Сань-цзе потрясла Лю Сян-ляня: только теперь он почувствовал, как сильно полюбил ее, и ходил словно помешанный. Однако даос несколькими холодными словами рассеял его заблуждение. Лю Сян-лянь обрил голову и следом за безумным монахом отправился странствовать невесть куда. Но об этом мы рассказывать не будем.

А тетушка Сюэ радовалась, узнав, что Ю Сань-цзе просватана за Лю Сян-ляня, намеревалась купить дом, справить всю необходимую утварь и выбирала счастливый день для переезда невесты в дом жениха. Этим самым она хотела отблагодарить Лю Сян-ляня за спасение жизни ее сына.

Неожиданно в комнату вбежал мальчик-слуга с криком:

– Ю Сань-цзе покончила с собой!

Девочки-служанки побежали докладывать об этом тетушке Сюэ. Не зная причины самоубийства, тетушка Сюэ только охала и вздыхала, теряясь в догадках и терзаясь сомнениями. В это время из сада пришла Бао-чай.

– Дитя мое, какое горе, – сказала тетушка Сюэ. – Разве третья барышня Ю, младшая сестра супруги господина Цзя Чжэня, не была помолвлена с названным братом Сюэ Паня? Не понимаю, почему она вдруг покончила с собой. Да и Сян-лянь ушел неизвестно куда. Поистине, странно и непостижимо!

Бао-чай не стала принимать близко к сердцу слова матери и только сказала:

– Правильно гласит пословица: «Даже ветер и тучи появляются неожиданно, а человек, счастливый утром, может стать несчастным к вечеру». Видимо, в их прежней жизни так предопределила судьба! Я понимаю, мама, что вам хотелось отблагодарить его, но, поскольку невеста его умерла, а сам он ушел, мне кажется, не остается ничего иного, как предать дело забвению. И не стоит расстраиваться! Прошло почти двадцать дней, как старший брат вернулся из Цзяннани, необходимо подумать о том, как распродать закупленные им товары. Приказчики, которые несколько месяцев провели в дороге с братом, не щадили сил, помогая ему, и вам следовало бы посоветоваться с братом, как их отблагодарить. Нужно устроить угощение и пригласить их. Нельзя допустить, чтобы люди говорили, будто мы неблагодарны.

В это время в комнату вошел Сюэ Пань. На лице его были заметны следы слез.

– Мама, ты уже слышала эту историю со вторым братом Сян-лянем и Сань-цзе? – воскликнул он, всплеснув руками.

– Только что узнала, – ответила тетушка Сюэ, – мы с Бао-чай как раз беседуем об этом.

– А тебе известно, мама, что Сян-лянь ушел из дому с каким-то монахом? – спросил Сюэ Пань.

– Это еще более странно! – удивилась тетушка Сюэ. – Я всегда считала господина Лю Сян-ляня рассудительным человеком, неужели он оказался столь глупым, что ушел с каким-то монахом? Вы с ним были друзьями, у него здесь нет ни родителей, ни братьев, и мне кажется,

что тебе следовало бы заняться его розысками. Не думаю, чтобы они с монахом могли уйти далеко. Без сомнения, они находятся в каком-нибудь ближайшем храме или кумирне.

– Как бы не так! – усмехнулся Сюэ Пань. – Едва узнав об исчезновении Сян-ляня, я вместе со слугами бросился на розыски, но его и след простыл. Кого я только ни расспрашивал, все говорят, что не видели его.

– Раз ты искал его, твой долг по отношению к другу исполнен, – заметила тетушка Сюэ. – Как знать, может быть, он обрел себе надежное убежище? Теперь тебе надо всецело заняться торговлей, да и позаботиться о собственной женитьбе. У нас в семье фактически нет хозяина, ведь под лежащий камень вода не течет, нужно все предусмотреть заранее, чтобы потом не хвататься то за одно, то за другое и чтобы люди не смеялись над нами. Твоя сестра напомнила мне, что прошло уже более полумесяца, как ты вернулся, так что следует подумать, как распродать привезенные товары и устроить угощение для твоих приказчиков в благодарность за их труды. Ведь эти люди проехали с тобой по крайней мере две-три тысячи ли, в течение нескольких месяцев не щадили своих сил и ради тебя испытали в пути столько страхов и опасностей!

– Ты права, мама, – согласился Сюэ Пань. – Моя сестрица предусмотрительна! Я об этом и сам думал. В последние дни, когда я рассылал товары по лавкам, у меня от шума и хлопот голова распухла. Да и история с Лю Сян-лянем отвлекла меня от дел. Мои старания разыскать его оказались тщетными, и я лишь затянул свои дела. Но раз так, давайте сейчас же назначим время и разошлем приглашения приказчикам.

– Делай все по своему усмотрению, – сказала тетушка Сюэ.

Не успела она произнести эти слова, как появился мальчик-слуга и доложил Сюэ Паню:

– Старший управляющий господин Чжан прислал два сундука с вещами и велел передать: «Это вещи, купленные господином лично для себя, они не входят в список товаров. Их давно следовало бы прислать, но сундуки были заложены тюками с товарами и достать их было невозможно. Вчера все товары были разосланы, и сейчас мы посылаем сундуки».

Два мальчика втащили в комнату большие сундуки из пальмового дерева.

– А-а-а! – вскричал Сюэ Пань. – И как я забыл! Совершенно вылетело из головы, что я купил подарки для тебя, мама, и для сестрицы. Но я не взял их сразу домой и, наверное, так бы и не вспомнил о них, если бы приказчик не прислал!

– Спасибо тебе, братец! – насмешливо воскликнула Бао-чай. – Наше счастье, что ты привез подарки специально для нас, иначе нам пришлось бы ждать до конца года! Теперь я убедилась, как ты внимателен!

– Наверное, в дороге у меня вытрясло всю память! – отшутился Сюэ Пань. – До сих пор еще не могу прийти в себя!

Все посмеялись над ним, затем Сюэ Пань приказал девочке-служанке:

– Скажи слугам, чтобы они оставили вещи в комнате.

– Что ж это так тщательно упаковано и перевязано? – поинтересовалась тетушка Сюэ.

Сюэ Пань приказал мальчикам-слугам развязать веревки, открыть замок и приподнять крышку. В сундуке оказались шелка, атлас, сатин, парча, всевозможные предметы, привезенные из других стран, имеющие самое разнообразное применение в хозяйстве.

– А другой сундук я привез для сестренки, – объявил Сюэ Пань, открывая крышку сундука.

Мать и дочь заглянули внутрь. Сундук был наполнен кистями, тушью, бумагой для письма, мешочками для благовоний, четками, веерами, подвесками для вееров, пудрой, помадой и тому подобными вещами. Кроме того, там были самодвижущиеся человечки, привезенные из Хуцю, застольные игры, наполненные ртутью фигурки, сами поднимающиеся, если их положить набок, фонарики, кукольный театр в ящике, обтянутом черным шелком, и небольшая глиняная статуэтка, сделанная в Хуцю, изображавшая Сюэ Паня. Сходство с Сюэ Панем

было настолько сильно, что Бао-чай была совершенно очарована и утратила интерес ко всему остальному. Она держала статуэтку в руке, смотрела то на нее, то на брата и заливалась смехом.

Затем она позвала Ин-эр, велела ей привести нескольких служанок, чтобы они отнесли сундук с подарками в «сад Роскошных зрелищ». Поболтав с матерью и братом, Бао-чай вернулась в сад.

А тетушка Сюэ вынула из сундука все вещи, разобрала их и аккуратно разложила, потом позвала Тун-си и велела ей отнести кое-что матушке Цзя, госпоже Ван и другим. Но это уже не относится к нашему повествованию.

Сейчас речь пойдет о том, что Бао-чай, вернувшись в сад, разобрала сундук, часть вещей оставила для себя, а все остальное решила подарить сестрам. Одним она послала тушь, кисти и бумагу, другим – мешочки для благовоний, веера и подвески к ним, третьим – помаду, пудру и масло для волос, а некоторым – разные безделушки. Дай-юй получила подарков вдвое больше, чем другие сестры. Подарки разносили Ин-эр и старуха, которую Бао-чай дала ей в помощь.

Вскоре к Бао-чай стали приходить служанки от ее сестер, они благодарили за подарки и говорили:

– Наши барышни очень довольны подарками и непременно придут лично благодарить вас.

Только Дай-юй, получив в подарок вещи, привезенные из ее родных краев, расстроилась, вспомнив о покойных родителях и о том, что у нее нет братьев и ей приходится жить у родственников.

«Кому пришло в голову привезти вещи с моей родины?» – думала она с грустью.

Цзы-цзюань, научившаяся читать в душе Дай-юй, принялась осторожно укорять ее:

– У вас слабое здоровье, барышня, утром и вечером вы принимаете лекарство и лишь в последние дни чувствуете себя лучше. Но вы еще не совсем окрепли, вам нужно поправиться. Барышня Бао-чай прислала вам подарки, так как очень вас уважает. Вы должны были бы этому только радоваться! А вы загрустили! Неужели барышня Бао-чай хотела расстроить вас? Если она узнает, ей будет неудобно. Наши госпожи беспокоятся о вашем здоровье, приглашают врачей и делают все, чтобы вы поправились. Едва вам стало немного лучше, вы опять плачете! Этим вы губите свое здоровье да еще добавляете беспокойство старой госпоже. Ваша болезнь происходит от постоянных тревог и расстройств и подрывает ваши жизненные силы. Вы должны беречь свое здоровье, барышня!

Вдруг со двора послышался голос девочки-служанки:

– Пришел второй господин Бао-юй.

– Проси его! – крикнула Цзы-цзюань, но Бао-юй уже появился в дверях.

Дай-юй пригласила его сесть. Заметив слезы на лице девушки, Бао-юй спросил:

– Кто тебя опять расстроил, сестрица?

– Откуда ты взял, что я расстроена? – улыбнулась Дай-юй.

Цзы-цзюань, стоявшая рядом с Дай-юй, вытянула губы и незаметно показала на столик, стоявший возле кровати. Бао-юй обернулся и, увидев лежавшие на столике вещи, догадался, что это подарки от Бао-чай.

– О! Сколько у тебя всякой всячины! – воскликнул он. – Не собираешься ли ты открыть лавку?

Дай-юй ничего не ответила.

– И вы еще завели разговор об этих вещах! – засмеялась Цзы-цзюань. – Все это прислала барышня Бао-чай, а моя барышня при виде их расстроилась. Я ее как раз утешала, а тут пришли вы. Попробуйте сами с ней поговорить!

Бао-юй и так понимал, что Дай-юй расстроилась именно из-за этих вещей, но ему не хотелось вмешиваться, и он лишь с улыбкой сказал:

– А я думаю, твоя барышня расстроилась потому, что ей прислали мало подарков... Сестрица, успокойся! На будущий год я пошлю людей в Цзяннань, они привезут тебе целых два корабля всяких подарков, и ты не будешь плакать.

Дай-юй понимала, что Бао-юй искренне желает утешить ее и нехорошо его отталкивать, но все же она не хотела поощрять его:

– Какой бы я ни была невежественной, я еще не дошла до того, чтобы расстраиваться из-за каких-то подарков. Я не ребенок, а ты думаешь, я мелочная... Я горюю по особой причине. Откуда тебе знать?!

Из глаз ее хлынули слезы.

Бао-юй присел на краешек кровати возле Дай-юй и, одну за другой беря со столика вещи, осматривал их, восхищался и нарочно задавал ничего не значащие вопросы:

– Что это? Как называется? А это для чего? Какая тонкая работа! А что это такое? Для чего служит эта вещь? – И тут же добавлял: – Это надо поставить на виду. А эту вещицу можно поставить на столике, она выглядит лучше некоторых старинных безделушек.

Речь его была пересыпана восклицаниями, восхищениями, шутками, замечаниями. Дай-юй улыбнулась:

– Хватит болтать, лучше пойдем к сестре Бао-чай!

– Да, да, – обрадовался он, понимая, что Дай-юй необходимо рассеяться и отвлечься от грустных мыслей. – Сестра Бао-чай прислала подарки, нужно поблагодарить ее.

– Среди сестер это необязательно, – возразила Дай-юй. – Но хочется послушать, что рассказывает Сюэ Пань о прославленных исторических местах на юге, которые он посетил. Для меня это все равно что самой побывать на родине!

Глаза ее снова покраснели. Бао-юй поднялся с места, ожидая ее. Дай-юй ничего не осталось, как вместе с ним отправиться к Бао-чай.

После разговора с матерью Сюэ Пань разослал приглашения и сделал необходимые приготовления к пиршеству.

На следующий день он пригласил четырех приказчиков и поговорил с ними о счетах, продаже товаров и о других торговых делах. Потом все сели за стол, Сюэ Пань налил каждому по кубку вина, тетушка Сюэ передала им свои поздравления, а после этого все стали пить и болтать, кто о чем хотел.

– За столом не хватает двух добрых друзей, – заметил один из присутствующих.

– Кого? – удивились все.

– Как кого? Господина Цзя Ляня и господина Лю Сян-ляня, названного младшего брата нашего хозяина.

Тут все вспомнили о них и обратились к Сюэ Паню:

– Почему бы не пригласить второго господина Цзя Ляня и вашего младшего брата Лю Сян-ляня?

Сюэ Пань нахмурил брови и со вздохом произнес:

– Вторым господином Цзя Лянь уехал в округ Пиньань два дня назад. А о Лю Сян-ляне не упоминайте – с ним произошло, может быть, самое странное происшествие, какое только когда-либо случалось в Поднебесной! Господин Лю обретается неизвестно где, и его, наверное, теперь именуют «праведником Лю».

– Что вы говорите! – удивленно воскликнули гости.

Тогда Сюэ Пань подробно рассказал им о том, что произошло с Лю Сян-лянем. Все были поражены.

– Вот оно что! А мы недавно в лавке мельком слышали, как кто-то говорил: «Приходил монах, что-то сказал и увел с собой человека». Другие шептали: «Словно ветром сдуло...» Мы не знали, о ком идет речь. А разузнавать об этом не было времени – слишком мы были заняты

отправкой товаров. До сегодняшнего дня мы не знали, действительно ли произошло что-либо подобное, или это все лишь болтовня. Кто мог предположить, что речь шла о втором господине Лю Сян-ляне? Если б мы знали об этом, мы постарались бы отговорить его от этой затеи, даже если б он не захотел нас слушать!

– Зачем вы говорите глупости! – возмутился один из приказчиков.

– Почему глупости? – удивились гости.

– Второй господин Лю Сян-лянь человек умный, и неизвестно, ушел ли он с монахом, – продолжал тот. – Он силен, прекрасно владеет оружием; может быть, он просто решил где-нибудь разделаться с тем монахом, когда понял, что тот смущает его своим колдовством.

– Вполне возможно! – согласился Сюэ Пань. – Неужели нет людей, которые могли бы справиться с этими колдунами?

– А вы не искали названного брата, когда узнали об его исчезновении? – спросили Сюэ Паня.

– Искал и в городе и за городом, – со вздохом отвечал он. – Можете смеяться, но признаюсь вам, что найти его я так и не смог! Я даже плакал с досады!

Он сидел за столом грустный и молчаливый, не такой, как в прежние дни. Приказчикам неудобно было долго оставаться за столом, они осушили еще по несколько кубков вина, поели и стали расходиться.

Между тем Бао-юй и Дай-юй пришли к Бао-чай. Бао-юй первый обратился к ней и сказал:

– Сестра, твой старший брат с таким трудом приобрел эти вещи и привез тебе в подарок, а ты раздаешь их...

– Эти вещи не представляют ничего особенного, – перебила Бао-чай. – Это изделия из тех краев, где побывал брат, и нам они кажутся интересными, так как мы их никогда не видели.

– В детстве на такие вещи я совершенно не обращала внимания, – заметила Дай-юй, – но сейчас, когда я увидела их, они действительно показались мне новыми.

– Что ж тут удивительного! – воскликнула Бао-чай. – Ты же знаешь пословицу: «Когда живешь вдали от родины, дорого все, что привезено оттуда!» На самом же деле это мелочь.

– Если в будущем году твой старший брат снова туда поедет, пусть привезет побольше разных вещичек! – попросил Бао-юй, перебивая ее, так как заметил, что слова Бао-чай усугубляют грусть Дай-юй.

– Можешь просить что угодно для себя, но не впутывай других! – поглядев на него в упор, крикнула Дай-юй. – Оказывается, он пришел не благодарить тебя, сестра, а заказать для меня подарки на будущий год!

Сказано это было таким тоном, что Бао-чай и Бао-юй невольно рассмеялись.

После этой шутки беседа приняла веселый и непринужденный характер. Потом разговор зашел о болезни Дай-юй, и Бао-чай принялась уговаривать ее:

– Когда ты чувствуешь себя плохо, сестрица, превозмоги недомогание и прогуляйся немного, это полезнее, чем сидеть в комнате. Помнишь, у меня недавно от слабости начался жар и я пролежала два дня? Только теперь я чувствую себя немного лучше. Погода нынче нездоровая, и, чтобы не заболеть, советую тебе побольше двигаться!

– Кто же против этого возражает, сестра? – сказала Дай-юй. – Точно так думаю и я!

Они посидели еще немного и разошлись. Бао-юй проводил Дай-юй до «павильона реки Сяосян», а затем вернулся к себе.

Когда Бао-чай прислала кое-какие подарки Цзя Хуаню, наложница Чжао в душе обрадовалась и подумала:

«Недаром все твердят, что Бао-чай добрая девушка, очень щедрая и умеет обходиться с людьми. Сейчас я сама в этом убедилась! Сколько же вещей привез ее старший брат? Ведь она сделала подарки всем, никого не пропустила, и не объявила, кому дарит больше, кому меньше.

Даже о нас, несчастных, и то вспомнила! Если б на ее месте оказалась эта девчонка Линь Дай-юй, она не только не прислала бы подарки, но даже взглянуть в нашу сторону не захотела бы!»

Она принялась разглядывать подарки. И вдруг ей в голову пришла мысль, что Бао-чай приходится родственницей госпоже Ван. Почему бы ей не пойти к госпоже Ван и не похвалить ее племянницу за доброту? Вместе с тем ей хотелось чем-нибудь напакостить другим девушкам, ужалить их, подобно скорпиону. Она собрала подарки, побежала к госпоже Ван и сказала ей:

– Вот видите, все это барышня Бао-чай прислала Цзя Хуаню! Я так благодарна ей! Она молода, но внимательна и заботлива, как и полагается дочери богатых родителей! Она так щедра и великодушна, что нельзя ее не уважать! Неудивительно, что старая госпожа и вы сами целыми днями хвалите ее! Я самовольно не осмелилась принять от нее подарки, а решила сначала показать их вам, чтобы и вы порадовались!

Госпожа Ван сразу догадалась о цели ее прихода, но, несмотря на то что наложница Чжао говорила всякую чушь, ей неудобно было отмахнуться от нее.

– Можешь принять подарки, – сказала она. – Отдай их Цзя Хуаню, пусть он играет.

Наложница Чжао пришла к госпоже Ван в веселом настроении, но когда ей, как говорится, «вымазали нос известью», она вскипела от гнева. Не решаясь высказать недовольство открыто, она покинула комнату, мысленно проклиная всех на свете.

Вернувшись к себе, она швырнула вещи на пол и возмущенно крикнула:

– Ну как все это назвать!..

Потом опустила на стул и погрузилась в печальные размышления.

К этому времени Ин-эр со старухой служанкой успели разнести все подарки, вернулись домой, передали Бао-чай благодарности и ответные подарки. Затем старуха ушла. Тогда Ин-эр приблизилась к Бао-чай, наклонилась к ее уху и прошептала:

– Я только что была у второй госпожи – супруги господина Цзя Ляня – и заметила, что она чем-то страшно разгневана. Я вручила ей подарки, а когда выходила из дому, постаралась потихоньку расспросить Сяо-хун, в чем дело, и та мне сказала: «Не знаю. Вторая госпожа только что пришла от старой госпожи в плохом настроении, позвала Пин-эр и о чем-то с ней разговаривала». Судя по всему, произошло что-то важное. Вы, барышня, не слышали, что случилось у старой госпожи?

Бао-чай задумалась, но никак не могла себе представить, почему так расстроилась Фын-цзе.

– У каждого свое, – сказала она. – Какое нам до этого дело? Пойди-ка лучше налей мне чаю!

Ин-эр молча отправилась наливать чай, но это уже не столь важно.

Теперь речь пойдет о Бао-юе. Проводив Дай-юй, он вдруг подумал о том, что она сирота и никого у нее нет. Он расстроился и решил пойти домой, чтобы рассказать Си-жэнь все, что произошло.

Но дома оказались только Шэ-юэ и Цю-вэнь.

– А где Си-жэнь? – спросил он.

– Где-нибудь во дворе, – ответила Шэ-юэ. – Куда ей деваться? Стоит ей куда-нибудь отойти, ты сразу ее ищешь!

– Я не боюсь, что она пропадет! – улыбаясь, возразил Бао-юй. – Просто я только что был у барышни Линь Дай-юй и заметил, что она очень огорчена. Я расспросил, что случилось, и оказалось, что всему виною подарки, которые ей прислала барышня Бао-чай, – все эти вещи привезены с ее родины, и воспоминания расстроили ее. Вот я и хотел рассказать об этом Си-жэнь, чтобы она пошла и утешила сестрицу Линь Дай-юй.

В это время в комнату вошла Цин-вэнь. Заметив Бао-юя, она спросила:

– Вы уже вернулись? Кого это вы опять собираетесь утешать?

Бао-юй рассказал ей все, что произошло между ним и Дай-юй.

– Си-жэнь только что вышла, – промолвила Цин-вэнь. – Она говорила, что собирается к супруге Цзя Ляня, а после этого, может быть, зайдет к барышне Линь Дай-юй.

Услышав это, Бао-юй немного успокоился. Цю-вэнь налила чаю. Бао-юй отхлебнул глоток, потом отдал чашку девочке-служанке, а сам прилег на кровать. На душе у него было тревожно.

Что касается Си-жэнь, то после ухода Бао-юя она стала заниматься вышиванием, но неожиданно вспомнила, что Фын-цзе нездоровится и они несколько дней не виделись, да и Цзя Лянь снова уехал; поэтому она решила навестить Фын-цзе.

– Присматривай за домом, – наказала она Цин-вэнь, – не отпускай сразу всех служанок, чтобы Бао-юю не пришлось их искать, когда он вернется.

– Здорово! – воскликнула Цин-вэнь. – Выходит, в этом доме ты одна о нем заботишься, а мы даром едим хлеб!

Си-жэнь только засмеялась и вышла.

Когда она дошла до «моста Струящихся ароматов», взор ее привлекли лотосы. Это было в конце лета, лотосы разрослись и покрыли пруд; одни из них уже отцвели, другие лишь распускались и краснели на фоне зелени.

Си-жэнь шла вдоль дамбы и любовалась ими, но случайно подняла голову и заметила, что под виноградной решеткой на другом берегу кто-то размахивает метелкой. Подойдя поближе, она узнала мамку Чжу.

Старуха тоже заметила девушку, выбежала ей навстречу и захихикала:

– Что это вы, барышня, избрали такое время для гуляния?

– А почему бы мне не погулять? – возразила Си-жэнь. – Я иду ко второй госпоже – супруге Цзя Ляня. А ты здесь что делаешь?

– Гоняю пчел, – ответила старуха. – Последнее время совсем нет дождей, и на плодовых деревьях появились насекомые, которые изъели часть плодов настолько, что они опали. Вы, барышня, не знаете, что такое слепни. Они особенно вредные! Сядут на гроздь, прогрызут кожуру у двух-трех виноградинок, сок из них капает на другие плоды, и они гниют! Вот вся гроздь и испорчена! Вон поглядите, барышня, пока лясы точили, сколько ягод опало!

– А мне кажется, ты напрасно стараешься – всех насекомых не разгонишь, – возразила Си-жэнь. – Лучше бы попросила какого-нибудь торговца, чтоб он принес мешочки из тонкой материи. Ты бы их надела на каждую гроздь, сквозь них легко проникал бы ветер, и никакой плод не портился бы!

– Вы, конечно, правы, барышня, – согласилась старуха. – Но откуда мне знать все эти хитрости, если я только в этом году начала заниматься хозяйством?!

Она улыбнулась и продолжала:

– Хотя фрукты немного подпорчены, они очень вкусны. Хотите попробовать?

– Да что ты! – с серьезным видом воскликнула Си-жэнь. – Даже несозревшие фрукты нельзя пробовать до хозяев. А созревшие тем более. Разве мы вправе пробовать их первыми?! Ты давно служишь в этом доме, а не знаешь правил!

– Я так рада, что повстречала вас, барышня, – заметила мамка Чжу. – Только поэтому я осмелилась предложить вам. А выходит, я нарушила правила! Как же я глупа!

– Ничего, – успокоила ее Си-жэнь, – только бы вы, пожилые, не подавали дурной пример другим!

С этими словами она покинула старуху, вышла из сада и направилась к Фын-цзе. Но едва она вошла во двор, как через окно услышала голос Фын-цзе:

– Милосердное Небо! Я томлюсь в комнате, а меня еще называют злодейкой!

Си-жэнь сразу поняла, что произошла какая-то неприятность. Возвращаться домой было неудобно, но и входить она не решалась, поэтому, нарочито громко топая ногами, она наклонилась к окну и позвала:

– Сестра Пин-эр!

Пин-эр тотчас же откликнулась и вышла к ней.

– Вторая госпожа Фын-цзе дома? – осведомилась у нее Си-жэнь. – Как она себя чувствует?

Они вместе вошли в комнату. Фын-цзе лежала на кровати, притворяясь спящей. Но, увидев Си-жэнь, она приподнялась с кровати и с улыбкой сказала:

– Мне немного лучше. Спасибо, что ты обо мне побеспокоилась. Почему ты не приходишь поболтать со мной?

– Если бы вы были здоровы, я приходила бы каждый день, – ответила Си-жэнь. – Но я думала, что вы чувствуете себя плохо и нуждаетесь в отдыхе. Если все начнут навещать вас, вы совершенно потеряете покой.

– Не важно, – возразила Фын-цзе. – Плохо только, что тебе нельзя уходить из комнат Бао-юя! Хотя там много служанок, но все дела лежат на тебе! Я часто слышу от Пин-эр, что ты беспокоишься и спрашиваешь обо мне. В этом и проявляется твоя любовь ко мне!

Она подозвала Пин-эр, велела ей поставить скамеечку возле кровати и пригласила Си-жэнь сесть. Фын-эр подала чай.

– Садись, сестрица! – скромно произнесла Си-жэнь, обращаясь к Пин-эр, и приподнялась со своего места.

Завязалась беседа. Но тут вошла девочка-служанка и на ухо шепнула Пин-эр:

– Приехал Ван-эр, ждет у вторых ворот!

– Знаю, – так же тихо ответила Пин-эр. – Пусть ждет! Но только не нужно стоять у ворот!

Си-жэнь поняла, что произошло что-то важное, произнесла еще несколько фраз и собралась уходить.

– Будет время, приходи поговорим, – пригласила ее Фын-цзе, – да и я развлекусь! Пин-эр! – немного помолчав, позвала она. – Проводи сестру!

Пин-эр поддакнула ей. Выходя, она заметила в комнате двух девочек-служанок, которые затаили дыхание, словно что-то выжидали. Си-жэнь вышла, не зная, что здесь происходит.

Проводив Си-жэнь, Пин-эр вернулась к Фын-цзе и доложила:

– Только что приходил Ван-эр, но, так как Си-жэнь была у нас, я не стала его звать, а велела подождать. Как вы распорядитесь, госпожа?

– Пусть войдет! – небрежно бросила Фын-цзе.

Пин-эр приказала девочкам-служанкам позвать Ван-эра.

– Что же ты все-таки слышала? – спросила Фын-цзе, продолжая прерванный разговор.

– Передаю вам в точности слова служанки, – отвечала Пин-эр. – Она говорила, что находилась у вторых ворот, когда услышала разговор наших слуг: «Новая наша госпожа намного красивее госпожи Фын-цзе! Да и характер у нее замечательный». Только Ван-эр или кто-то другой прикрикнул на них: «Какая там новая госпожа! Берегитесь! Если в доме узнают, вам язык отрежут!»

– Ван-эр ждет! – доложила девочка-служанка.

– Пусть войдет! – усмехнулась Фын-цзе.

– Госпожа ждет! – крикнула девочка, откинув дверную занавеску.

Ван-эр вошел. Он остановился у входа, поклонился Фын-цзе, справился о ее здоровье и встал навытяжку.

– Подойди-ка сюда! – поманила его Фын-цзе. – Я хочу кое-что узнать у тебя.

Ван-эр приблизился к ней.

– Тебе известно, что твой господин взял себе наложницу? – спросила Фын-цзе.

– Никак нет, – отвечал Ван-эр, опускаясь перед ней на колени. – Я только дежурю у вторых ворот, откуда мне знать, что делает второй господин?

– Ты ничего не знаешь! – ухмыльнулась Фын-цзе. – Да если бы и знал, разве посмел бы мешать ему?

Ван-эр сразу понял, что Фын-цзе известно все, о чем он недавно говорил, и, решив, что обмануть ее не удастся, поклонился и сказал:

– Я ничего не знал и догадался обо всем только из разговора Син-эра и Си-эра, когда я прикрикнул на них, чтобы они не болтали лишнего. Больше я ничего не знаю и не смею ни на кого клеветать. Если вы хотите узнать подробности, госпожа, спросите у Син-эра: он сопровождает нашего господина во всех его поездках.

– Все эти негодяи связаны одной веревочкой! – выругалась Фын-цзе. – Думаешь, мне ничего не известно?! Позови сюда этого подлеца Син-эра, но только не уходи! Я допрошу его, а потом поговорю с тобой! Вот здорово! Хороших же слуг я держу!

– Слушаюсь, слушаюсь, госпожа! – поддакнул Ван-эр, несколько раз поклонившись ей, потом поднялся и побежал звать Син-эра.

В это время Син-эр сидел в конторе и играл в кости со слугами. Когда он услышал, что его зовет Фын-цзе, он подскочил от испуга, но догадаться, в чем дело, не мог и только последовал за Ван-эром.

– Син-эр здесь! – доложил Ван-эр, входя в комнату Фын-цзе.

– Давай его сюда! – крикнула Фын-цзе.

Услышав ее голос, Син-эр пал духом, но у него не оставалось иного выхода, как набраться храбрости и войти.

– Хорош малый! – воскликнула Фын-цзе, как только он появился. – Ну-ка отвечай, что вы там устраиваете со своим господином! Но только смотри, не врать!

Видя гневное выражение лица Фын-цзе и ее служанок, Син-эр затрепетал от страха и упал перед Фын-цзе на колени.

– Я слышала, что это дело не имеет к тебе никакого отношения, – стараясь успокоить его, говорила Фын-цзе, – ты виноват только в том, что не пришел ко мне и не сообщил раньше. Скажешь правду – я тебя прощу, но если вздумаешь врать, не снести тебе своей головы!

Син-эр, дрожа всем телом, снова поклонился и сказал:

– О чем вы спрашиваете, госпожа? Что мы с моим господином сделали плохого?

– И ты еще притворяешься! – вспыхнув от гнева, закричала Фын-цзе. – Надо всыпать ему как следует!

Ван-эр подбежал к нему и хотел бить, но Фын-цзе вышла из себя.

– Дурак! Пусть он бьет себя сам. Придет время, и ты станешь хлестать себя по щекам!

Син-эр, плача, стал колотить себя по щекам.

– Хватит! – крикнула Фын-цзе и приступила к допросу: – Надеюсь, ты знаешь, что твой господин взял себе новую «госпожу»?

Син-эр еще больше переполошился, сдернул с головы шапку и, громко отбивая поклоны, взмолился:

– Госпожа, пощадите! Больше не совру вам ни слова!

– Говори скорее! – прикрикнула на него Фын-цзе.

– Раньше мне и вправду ничего об этом не было известно, – начал Син-эр, неуклюже переминаясь на коленях. – Однажды, когда старший господин Цзя Чжэнь сопровождал в кумирню гроб своего батюшки, к нему приехал управляющий Юй Лу за деньгами. Оттуда второй господин Цзя Лянь вместе со своим племянником Цзя Жуном отправились во дворец Нинго. Дорогой между ними происходил разговор о двух младших сестрах супруги господина Цзя Чжэня, и наш второй господин принялся расхваливать вторую сестру Эр-цзе. Тогда Цзя Жун пообещал сосватать за него Эр-цзе...

– Тьфу! – не вытерпев, плюнула Фын-цзе. – Сволочь! Она госпожа из той же породы, что и ты!

– Виноват! – поспешно воскликнул Син-эр, снова отвешивая земной поклон. Он поднял глаза и молча поглядел на Фын-цзе.

– Все? – нетерпеливо спросила Фын-цзе. – Что ты замолчал?

– Если только вы меня простите, госпожа, я осмелюсь продолжать, – произнес Син-эр.

– Глупости! Какое может быть прощение? Рассказывай все, для тебя же будет лучше!

– Когда наш второй господин услышал слова Цзя Жуна, он очень обрадовался, – продолжал Син-эр. – Но как они все устроили, я не знаю...

– Само собой разумеется! – с иронией произнесла Фын-цзе. – Откуда тебе знать? Тебе достаются одни хлопоты да беспокойства!.. Ладно! Дальше!

– Затем брат Цзя Жун подыскал для второго господина дом... – снова начал Син-эр.

– Где? – перебила его Фын-цзе.

– Позади дворца.

– А-а! – Фын-цзе обернулась к Пин-эр. – Все мы оказались в дураках! Ты только послушай!

Пин-эр промолчала.

– Потом старший господин Цзя Чжэнь дал Чжану не знаю сколько денег, и Чжан не стал мешать, – продолжал Син-эр.

– Что ты приплетаешь какого-то Чжана? – вышла из себя Фын-цзе.

– Вы не знаете, госпожа, – сказал Син-эр. – Эта вторая госпожа...

Тут он спохватился и дал себе пощечину. Это рассмешило Фын-цзе и всех ее служанок.

– Младшая сестра супруги господина Цзя Чжэня... – подумав немного, поправился Син-эр.

– Ну, что дальше? – снова перебила его Фын-цзе. – Говори скорее!

– Младшая сестра супруги господина Цзя Чжэня с детства была помолвлена с Чжаном, – объяснил Син-эр. – Полностью его зовут вроде Чжан Хуа. Сейчас он обеднел настолько, что вынужден жить подаян timer. Старший господин Цзя Чжэнь дал ему денег, и он согласился расторгнуть брачный договор...

Фын-цзе кивнула головой и обернулась к служанкам:

– Слышали? Какой мерзавец! А еще говорил, будто ничего не знает!

– После этого наш второй господин велел обставить тот дом и привез жену!

– Откуда? – спросила Фын-цзе;

– Из дома ее матери.

– Так-так! – сказала Фын-цзе. – Кто-либо из родных провожал невесту в дом жениха?

– Почти никто, если не считать брата Цзя Жуна да нескольких старух, – ответил Син-эр.

– А вашей старшей госпожи Ю разве не было? – вновь спросила Фын-цзе.

– Она приезжала через два дня и привезла подарки, – ответил Син-эр.

– Так вот почему второй господин не закрывая рта хвалит ее! – усмехнулась Фын-цзе, глядя на Пин-эр, и затем снова спросила Син-эра: – Кто там прислуживает? Наверное, ты?

Син-эр поспешил отвесить поклон, но ничего не ответил.

– Когда второй господин говорил, что едет по делам во дворец Нинго, он ездил туда? – допытывалась Фын-цзе.

– Иногда у него и вправду бывали дела во дворце Нинго, – сказал Син-эр, – а иногда он просто ездил в новый дом.

– Кто там живет?

– Мать. Младшая сестра недавно покончила с собой.

– Почему? – заинтересовалась Фын-цзе.

Тогда Син-эр рассказал ей об истории с Лю Сян-лянем.

– Лю Сян-ляню повезло! – кивнула головой Фын-цзе. – А то прослыть бы ему рогоносцем!.. И больше ничего не было?

– Ни о чем другом я не знаю, – отвечал Син-эр. – Но в том, что я вам рассказал, каждое слово – правда. Если я хоть немного соврал, убейте меня – я безропотно приму смерть!

Фын-цзе на мгновение задумалась, но вдруг вскинула голову и, тыча пальцем в Син-эра, закричала:

– Такого мерзавца, как ты, на самом деле следовало бы убить! Почему ты до сих пор меня обманывал? Неужто думал, что, обманывая меня, приобретешь расположение своего глупого господина и благосклонность новой госпожи?! Я же знаю, что ты только из страха передо мной не осмеливаешься врать! Ноги тебе стоит переломать за это. Встань!

Син-эр поклонился еще раз, поднялся с колен и вышел в прихожую, но уйти не осмелился.

– Иди сюда! – вдруг позвала его Фын-цзе. – Я хочу еще кое-что тебе сказать!

Син-эр почтительно вытянулся, приготовившись слушать.

– Куда заторопился? – усмехнулась Фын-цзе. – Или новая госпожа тебя ждет, чтобы наградить?

Син-эр молча потупил голову.

– Отныне не смей туда ходить! – приказала Фын-цзе. – Как только я тебя позову, сейчас же будь на месте! Опоздаешь на секунду – берегись!.. Иди!

– Слушаюсь! – несколько раз ответил Син-эр и вышел.

– Син-эр! – снова крикнула вслед ему Фын-цзе.

Син-эр отозвался и бросился обратно в комнату.

– Ты собрался докладывать обо всем своему господину? – спросила Фын-цзе.

– Не посмею!

– Вот так лучше! Если обмолвишься хоть словом о том, что здесь говорилось, береги свою шкуру! – пригрозила Фын-цзе.

Син-эр поспешно поддакнул ей и вышел.

– Где Ван-эр? – спросила Фын-цзе.

Ван-эр тотчас откликнулся и подбежал к ней. Фын-цзе долго и пристально глядела на него и наконец произнесла:

– Ладно, Ван-эр, ладно! Можешь идти! Но смотри, если кому-нибудь проболтаешься, пеняй на себя!

Ван-эр закивал головой и осторожно вышел.

– Налейте мне чаю, – приказала Фын-цзе девочкам-служанкам. Девочки поняли, что Фын-цзе хочет, чтобы они удалились, и мгновенно исчезли. Тогда Фын-цзе спросила Пин-эр:

– Ты все слышала? Как тебе нравится?

Пин-эр не осмелилась ничего ответить и только улыбнулась.

Чем больше Фын-цзе думала о случившемся, тем больше выходила из себя. Она прилегла на кровать и задумалась, но вдруг в голове ее мелькнула мысль. Она нахмурила брови и позвала Пин-эр.

– Я кое-что придумала, – сообщила она Пин-эр. – Так и сделаем, незачем дожидаться возвращения второго господина...

Если вам любопытно узнать, как решила действовать Фын-цзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят восьмая, повествующая о том, как многострадальная Ю Эр-цзе была обманным путем перевезена в «сад Роскошных зрелищ» и как ревнивая Фын-цзе учинила великий скандал во дворце Нинго

Мы уже упоминали, что Цзя Лянь уехал в Пинъань. Когда он прибыл туда, генерал-губернатор был в отъезде. Около месяца Цзя Ляню пришлось в гостинице дожидаться его возвращения. Пока генерал-губернатор вернулся да пока Цзя Лянь выполнял данные поручения, прошло еще довольно много времени. Таким образом, вся поездка заняла почти два месяца.

Фын-цзе, не дожидаясь приезда мужа, приняла решение и начала действовать. Прежде всего она распорядилась убрать восточный флигель и обставить его точно так же, как господский дом. Четырнадцатого числа она сообщила матушке Цзя и госпоже Ван, что на следующее утро собирается поехать в «храм Монахинь» воскурить благовония. С собой она взяла только Пин-эр, Фын-эр, жену Чжоу Жуя и жену Ван-эра.

Она рассказала им, в чем дело, приказала слугам одеться попроще, и они отправились в путь в сопровождении Син-эра, который указывал дорогу. Добравшись до ворот дома, где жила Эр-цзе, постучались. Ворота открыла жена Бао Эра.

– Скорее доложи второй госпоже Эр-цзе, что приехала старшая госпожа! – с улыбкой сказал ей Син-эр.

Испуганная жена Бао Эра побежала докладывать. Ю Эр-цзе заволновалась, но пришлось принимать гостей со всеми положенными церемониями. Она быстро привела в порядок платье и поспешила навстречу. И только когда Эр-цзе подошла к воротам, Фын-цзе вышла из коляски.

Она была в черной кофточке, расшитой серебристыми нитками, поверх кофточки была надета белая атласная накидка, из-под которой виднелась белая шелковая юбка, а на голове красовался шитый серебром убор. Под изогнутыми, как ветви ивы, бровями застыли большие, как у феникса, глаза. Вся ее фигура дышала свежестью, словно цветок персика весной, а чистой своей она напоминала хризантему осенью. Жена Чжоу Жуя и жена Ван-эра под руки ввели ее во двор.

Эр-цзе с улыбкой бросилась ей навстречу и, называя ее «старшей сестрой», сказала:

– Я никак не ожидала, старшая сестра, что вы удостоите меня своим посещением, поэтому не успела вовремя встретить вас! Прошу вас, простите меня!

Она низко поклонилась. Фын-цзе отвечала ей с вежливой улыбкой, как требовал этикет, затем взяла ее под руку, и они вместе вошли в дом.

Фын-цзе села на возвышении. Эр-цзе крикнула служанке, чтобы та принесла матрац для сидения.

– Я очень молода и лишь недавно сюда попала, – как бы извиняясь, говорила она Фын-цзе, – поэтому я во всем слушаюсь советов матушки и своей старшей сестры. Я счастлива, что познакомилась с вами! Если вы не гнушаетесь мною, я готова вам во всем повиноваться и не пожалею сил, чтобы угождать вам, старшая сестра!

С этими словами она отвесила почтительный поклон. Фын-цзе в ответ поклонилась ей, а затем сказала:

– Я тоже молода и неопытна. Я давно уговаривала второго господина заботиться о своем здоровье, не ночевать где-то со всякими потаскушками, чтобы не доставлять лишнего беспокойства батюшке и матушке. Ведь это наше общее желание! Но кто бы мог подумать, что второй господин превратно истолкует мои слова! Потешился бы с кем-нибудь на стороне, и ладно! А он взял тебя, сестрица, в дом как вторую жену, устроил великую церемонию, а мне не ска-

зал ни слова! А ведь я говорила ему, что это нужно было сделать раньше – родился бы сын, и у меня под старость была бы опора. Я и не думала, что второй господин сочтет меня ревнивой и завистливой и предпочтет сделать все тайком, да так, что мне и жаловаться некому на несправедливо причиненную обиду. Лишь Небо и Земля могут понять, что я переживаю! Дней десять с лишним назад, еще перед отъездом второго господина, я узнала об этом, но не осмелилась сказать ему ни слова, ибо боялась, что он ложно истолкует мои слова. Только сейчас, когда второй господин уехал, я решила навестить тебя и принести свои поздравления. Прошу тебя, сестрица, переезжай к нам, будем жить вместе, удерживать второго господина от всяких опрометчивых поступков, заботиться о его здоровье, старательно заниматься хозяйственными делами и выполнять свой долг перед семьей. Если же ты, сестрица, останешься здесь, сама понимаешь, как я буду себя чувствовать, зная, что ты все время скучаешь по мне! Потом еще люди узнают, и это нанесет ущерб не только моему доброму имени, но и твоему. Впрочем, наша репутация – пустяки, самое главное – уберечь репутацию нашего господина! Что же касается слуг, которые болтают, будто я чересчур жестока, так это явление обычное – слуги всегда недовольны хозяевами. Вспомни, сестрица, ведь с древнейших времен говорят: «Хозяин дома – это кувшин с вонючей водой». Если б я действительно была жестока и не могла ужиться с людьми, как бы меня терпели старшие и младшие сестры, золовки и невестки?.. Пусть второй господин тайком женился на тебе, но, если бы я тебя ненавидела, разве я согласилась бы к тебе приехать?! Ведь это я уговорила второго господина взять в наложницы Пин-эр. Видно, Небо и Земля не захотели, чтобы подлые людишки погубили меня, и поэтому я узнала о тебе! Я хочу просить тебя переехать ко мне – будем с тобой жить, есть и одеваться наравне. Ты умна, и если искренне захочешь помочь мне, я обрету себе еще одну опору. Мы не только заткнем рты подлым людишкам, но и второй господин, вернувшись домой, станет раскаиваться в своей опрометчивости. Я человек независтливый и думаю, что втроем мы прекрасно поладим между собой и я стану считать тебя своей благодетельницей. Если ты не захочешь переехать ко мне, я останусь у тебя, но только прошу тебя замолвить словечко перед вторым господином, чтобы он не отвергал меня и предоставил мне приют. Я охотно буду исполнять все его приказания, даже если он заставит меня прислуживать тебе, помогать умываться и причесываться!

Фын-цзе зарыдала. Эр-цзе тоже расстроилась, и из глаз ее невольно покатались слезы.

Они сидели рядом, как полагалось по этикету. В это время вошла Пин-эр и отвесила поклон Эр-цзе. Эр-цзе не знала ее в лицо, но по одежде, которая отличалась от одеяний простых служанок, сразу поняла, что это и есть Пин-эр.

– Не нужно! – воскликнула она, вскакивая с места и поддерживая Пин-эр. – Ведь мы с тобой равны по положению!

– Пусть она соблюдает этикет, сестрица, – с улыбкой сказала Фын-цзе, вставая. – Ведь она наша служанка, нечего с ней церемониться!

Она сделала знак жене Чжоу Жуя. Та тут же вынула из свертка кусок дорогого шелка, четыре пары золотых шпилек и колец, украшенных жемчужинами, и все это с поклоном поднесла Эр-цзе. Эр-цзе приняла подарки и в свою очередь поклонилась ей. Потом они обе сели пить чай, рассказывая друг другу о том, что им пришлось пережить за последнее время.

Фын-цзе ругала себя, раскаивалась в своих ошибках и промахах и говорила:

– Я ни на кого не обижаюсь! Я лишь прошу тебя, сестрица, чтоб ты хоть немного меня любила!

Эр-цзе, добрая, неискушенная девушка, доверчиво отнеслась к словам Фын-цзе и только думала:

«Да, мелкие людишки ненавидят своих хозяев и клеветают на них».

Считая, что в лице Фын-цзе она обрела верную подругу, Эр-цзе, не таясь, рассказала ей все, что было у нее на душе. А жена Чжоу Жуя, находившаяся тут же, не жалея слов, восхваляла Фын-цзе за ее умение хозяйничать.

– Люди недовольны только тем, что вторая госпожа всегда старается вникнуть во все мелочи и не дает им покоя... Комнаты для вас, госпожа, уже приготовлены, как только приедете, сами убедитесь!

Ю Эр-цзе давно подумывала о том, что хорошо бы жить всем вместе, а сейчас, когда дело приняло такой оборот, она не могла отказаться.

– Собственно говоря, я охотно переехала бы к старшей сестре, – проговорила она, – только не знаю, что делать с этим домом.

– Это проще простого! – воскликнула Фын-цзе. – Сундуков и корзин у тебя, сестрица, не очень много, их легко перенесут к нам слуги. Остальные вещи тебе не понадобятся, за ними здесь пока присмотрят слуги. Ты можешь назвать слуг, которых тебе желательно оставить здесь.

– Поскольку я встретила с вами, старшая сестра, я во всем полагаюсь на вас, – ответила Эр-цзе. – Ведь я приехала сюда недавно, никогда не занималась хозяйственными делами, как же я осмелюсь отдавать распоряжения? Пусть забирают всё, у меня ничего нет, эти вещи принадлежат второму господину.

Как только Фын-цзе это услышала, она приказала жене Чжоу Жуя все тщательно переписать и перенести в восточный флигель. Затем попросила Эр-цзе одеться, и они под руку вышли из дому и сели в коляску.

– У нас порядки строгие, – шепнула она Эр-цзе. – Ни старая госпожа, ни госпожа Ван об этом деле не знают, а если до них дойдет, что второй господин женился во время траура, его могут убить. Так что пока тебе придется избегать встреч со старой госпожой и госпожой Ван. У нас есть сад, где живут сестры, никто из посторонних туда не ходит. Поживешь в саду, а я тем временем все устрою, доложу старой госпоже, и тогда ты увидишься с ними.

– Как вам будет угодно, старшая сестра, – покорно ответила Эр-цзе.

Слугам, сопровождавшим Фын-цзе, заранее были даны все указания, поэтому они не поехали к главным воротам, а направились в объезд.

Когда коляска остановилась, Фын-цзе отпустила слуг и вывела Ю Эр-цзе, затем через задние ворота они отправились в «сад Роскошных зрелищ», где Фын-цзе представила ее Ли Вань.

Об истории Эр-цзе уже давно знали девять человек из каждых десяти живущих в саду. И сейчас, когда Фын-цзе привезла девушку, все бросились к ней, чтобы поглядеть на нее, поговорить, расспросить. Все без исключения восхищались красотой и скромностью Эр-цзе.

Между тем Фын-цзе наказывала слугам и служанкам:

– Никому ни слова! Если что-нибудь станет известно старой госпоже или госпоже Ван, я вас со света сживу!

Старухи и девочки-служанки, живущие в саду, побаивались Фын-цзе, да к тому же они знали, что Цзя Лянь нарушил закон, женившись во время траура, поэтому старались держаться от этого дела подальше и делали вид, что им ничего не известно.

Потом Фын-цзе попросила Ли Вань несколько дней позаботиться о Эр-цзе.

– Как только я переговорю со старой госпожой, сразу ее заберу к себе, – пообещала она.

Ли Вань уже знала, что Фын-цзе приготовила для Эр-цзе отдельный флигель, да и во время траура о таких делах говорить было неудобно, поэтому она не стала протестовать и приняла Эр-цзе на свое попечение.

Фын-цзе постаралась удалить всех служанок, которые приехали вместе с Эр-цзе, приставила к ней одну из своих девушек, а остальным женщинам, живущим в саду, украдкой от всех наказывала:

– Хорошенько присматривайте за ней! Если сбежит, отвечать будете вы!

После этого она ушла, чтобы втайне осуществить свои замыслы. Но об этом мы пока умолчим.

Между тем в доме диву давались и говорили друг другу:

– Вы только посмотрите, какой доброй и мудрой стала наша госпожа Фын-цзе!

Что касается Эр-цзе, то, чувствуя доброжелательное отношение к себе со стороны девушек-сестер, она была очень довольна и считала, что наконец обрела надежное убежище. Но на третий день служанка Шань-цзе вдруг перестала ей повиноваться. Когда Эр-цзе сказала ей:

– У меня нет масла для волос, пойди к старшей госпоже Фын-цзе и попроси у нее...

Шань-цзе ответила:

– Неужели у вас нет глаз, госпожа, и вы ничего не видите? Ведь старшая госпожа Фын-цзе всегда занята, ей приходится прислуживать старой госпоже и госпоже Ван, получать от них указания, и, кроме того, все наши барышни, невестки и золовки ждут ее распоряжений, так что ей приходится каждый день решать по десятку-два крупных и по несколько десятков мелких дел. Ей также приходится вести дела со знакомыми и даже с ванами и гунами. Все доходы и расходы, суммой до десяти тысяч лян серебра, проходят через ее руки. Неужели удобно тревожить ее из-за такой мелочи, как масло для волос?! Потерпите немного! Ведь вас просватали незаконно и в дом взяли тайно. Наша госпожа Фын-цзе относится к вам со вниманием только потому, что она очень добра и милостива. Таких людей в древности не было и в наши дни не встретишь! Если б она была злой, стоило мне только передать вашу просьбу, как она ни с чем не посчиталась бы и выбросила вас на улицу! Где бы вы тогда нашли себе приют?!

Ю Эр-цзе молча опустила голову – она уступила. Шань-цзе распустилась еще больше, подавала к столу то рано, то с опозданием, да и то одни объедки. Эр-цзе раза два пыталась сделать ей замечание, но та лишь тарачила глаза и в ответ грубила. Боясь, как бы люди не стали порицать ее за то, что она недовольна своей судьбой, Эр-цзе терпела и молчала...

Прошло еще пять или восемь дней, и за это время Эр-цзе всего лишь раз встретилась с Фын-цзе: Фын-цзе была веселой и радушной, с уст ее не сходили слова «милая сестрица».

– Если служанки перед тобой провинились, – говорила она, – и ты не можешь с ними управиться, скажи мне, я их накажу!..

После этого она обрушивалась на девочек и на женщин-служанок с бранью:

– Я вас знаю! Сильных вы боитесь, а слабых всегда обижаете! Когда меня нет, вы никого не хотите признавать! Но погодите, если вторая госпожа будет чем-нибудь недовольна, я из вас душу вытряхну!

Эр-цзе думала, что она и в самом деле добрая, поэтому говорила самой себе:

«Зачем беспокоиться, если она заботится обо мне? Невежественные слуги – дело обычное. Если я стану на них жаловаться, они будут осуждать меня и скажут, будто я злая».

Такие мысли заставляли ее покрывать неблагоприятные проделки служанок.

Тем временем Фын-цзе приказала Ван-эру разузнать во всех подробностях историю Эр-цзе, и оказалось, что она на самом деле когда-то была помолвлена. Ее жениху минуло девятнадцать лет, он ничем не хотел заниматься и промотал все свое состояние, играя в азартные игры по кабакам. Родители выгнали его из дому, так что сейчас он нашел себе приют в одном из игорных домов. Отец его, получив от старухи Ю двадцать лян серебра, расторг брачный договор, даже не уведомив об этом сына. Самого сына звали действительно Чжан Хуа.

Когда Фын-цзе все разузнала, она дала Ван-эру двадцать лян серебра, приказала впутать Чжан Хуа в долги, а затем выманить у него расписку и потребовать, чтобы он подал в суд на Цзя Ляня, будто тот во время государственного и семейного траура, нарушив высочайший указ и обманув родных, благодаря своей силе и влиянию заставил его расторгнуть брачный договор, покинул свою законную жену и взял себе другую.

Чжан Хуа сразу понял, что, если он согласится на это, дело может закончиться плохо для него, поэтому он не решился поступать опрометчиво. Когда Ван-эр доложил об этом Фын-цзе, та вышла из себя.

– Вот дурак! – бранилась она. – Недаром пословица гласит: «Паршивая собака не перепрыгнет через стену»! Ты бы ему растолковал, что наша семья настолько могущественна, что нас можно обвинять даже в мятеже против государства, и все равно никто нас не накажет! Нам сейчас нужен скандал, который останется в пределах нашей семьи, а если пойдут всякие толки, я сумею их быстро прекратить.

Получив указания, Ван-эр снова отправился к Чжан Хуа и рассказал ему, что нужно делать.

Фын-цзе между тем снова наказывала Ван-эру:

– Если этот дурак вздумает жаловаться на тебя, пойдешь в суд и дай свои показания...

Поясняя, что она при этом имеет в виду, Фын-цзе добавила:

– Можешь ни о чем не беспокоиться, я знаю, что делаю...

Ван-эр понял, что она все берет на себя, поэтому, отправившись к Чжан Хуа, стал требовать, чтобы тот в своей жалобе указал и его имя, и научил его:

– Ты только утверждай, что все подстроил я и толкнул на это второго господина Цзя Ляня.

Чжан Хуа наконец решился и написал жалобу, а на следующий день отправился в судебное ведомство и заявил, что его обидели. Когда судья начал разбирать дело и обнаружил, что обвиняют Цзя Ляня, а в жалобе значится имя Лай Вана, он послал за Лай Ваном, который должен был быть ответчиком. Посыльный не осмелился войти прямо во дворец Жунго, а велел вызвать Лай Вана. Тот только этого и ждал. Он сейчас же вышел и с улыбкой сказал:

– Извините, что я причинил вам беспокойство! Я совершил преступление! Вяжите меня без всяких разговоров!

Посыльный оробел.

– Дорогой брат, не шумите, – попросил он, – лучше тихо-мирно пойдём в суд!

Ван-эр отправился с ним в суд и, придя туда, опустился на колени. Судья велел дать ему прочесть жалобу. Ван-эр сделал вид, будто внимательно читает, затем, отвесив низкий поклон, сказал:

– Все это мне известно, дело касается моего хозяина. Но только Чжан Хуа давно мне мстит, поэтому он нарочно вовлек меня в эту историю. Прошу вас, почтенный господин, допросите его еще раз!

– Сознаюсь, что виноват во всем сам господин, но я не посмел на него жаловаться и подал жалобу на его слугу! – вскричал Чжан Хуа, отвешивая низкий поклон судье.

– Что ты болтаешь, дурень! – закричал Ван-эр. – Неужели ты не знаешь, что в столичный суд полагается вызывать всех, независимо от того, господин это или слуга!

Тогда Чжан Хуа назвал Цзя Жуна. Судья ничего не мог поделать и распорядился вызвать его в суд.

Между тем Фын-цзе тайком послала Цин-эра за Ван Синем, а когда тот пришел, она рассказала ему, что велела затеять этот суд, чтобы поднять шум и припугнуть кое-кого, а затем дала Ван Синю триста лян серебра, чтобы он подкупил судью.

Вечером Ван Синь пробрался в дом судьи, отдал ему деньги и изложил суть дела. Судья принял взятку и на следующий день в зале суда заявил, что Чжан Хуа бродяга, выманил деньги у семьи Цзя, а затем вздумал оклеветать честного человека.

Надо сказать, что этот судья был другом Ван Цзы-тэна, и когда Ван Синь рассказал ему правду, он не осмелился вызвать никого из ответчиков, кроме Цзя Жуна, а потом решил и вовсе замять дело.

Когда Цзя Жун был занят делами Цзя Ляня, неожиданно вошел слуга и доложил ему:

– На вас кто-то пожаловался в суд.

Он рассказал Цзя Жуну, как обстоит дело, и посоветовал немедленно принять меры. Цзя Жун перепугался и поспешил доложить обо всем Цзя Чжэню, но тот только ответил:

– Я уже принял меры! Однако какой смельчак!

Он тотчас распорядился приготовить двести лян серебра и отослать их судье, а одному из слуг приказал выступить в качестве ответчика. Но когда они совещались, слуга доложил:

– Из западного дворца приехала госпожа Фын-цзе!..

Цзя Чжэнь и Цзя Жун хотели скрыться, однако не успели. Фын-цзе уже входила в комнату.

– Дорогой старший брат, – сказала она, – в хорошую же вы историю втянули младших братьев!

Цзя Жун хотел справиться о ее здоровье, но Фын-цзе перебила его:

– Не нужно!..

– Лучше приказал бы по случаю приезда своей тетушки зарезать курицу и приготовить угощение! – сказал сыну Цзя Чжэнь.

С этими словами он вышел из комнаты, вскочил на коня и ускакал.

Тогда Фын-цзе взяла Цзя Жун за руку и поднялась вместе с ним в верхнюю комнату. Навстречу им вышла госпожа Ю и, увидев Фын-цзе, удивилась:

– Что случилось? Почему ты так неожиданно приехала?

Фын-цзе вся вспыхнула и плюнула ей в лицо.

– Никому не нужны ваши девчонки, зачем вы их тайком посылаете к нам, в семью Цзя? Неужто только у нас в семье остались мужчины, а по всей Поднебесной вымерли? Если тебе так захотелось выдать ее замуж, нужно было сделать это открыто, чтобы все знали. Тебе наплевать на все приличия! Сейчас и государственный траур, и наш семейный траур, а ты выдаешь девчонку замуж! Люди на нас пожаловались, даже в суде все толкуют, будто я жестокая и ревнивая. Все тычут в меня пальцем, хотят меня выгнать! За что ты так обозлилась на меня? Что я тебе сделала? Может быть, старая госпожа или госпожа намекнули тебе, что нужно поставить мне ловушку и найти предлог выгнать меня из дому? Мы вместе пойдем в суд, выясним все, потом соберем всю семью и открыто об этом объявим – пусть мне дают развод, и я уйду!

Громко рыдая, Фын-цзе вцепилась в руку госпожи Ю и требовала, чтобы та вместе с нею шла в суд. Цзя Жун бросился перед Фын-цзе на колени и, земно кланяясь, умолял ее:

– Не сердитесь, тетушка, прошу вас!

Тогда весь гнев Фын-цзе обрушился на него.

– Чтоб тебя Небо поразило, чтоб тебя гром испепелил! – кричала она. – Бессовестный ты негодяй! Тебе море по колено, только и занимаешься бесстыжими делами. Нужно же совершить такую подлость! Позор для нашей семьи! Даже твоя мать не может тебя терпеть! И бабушка тебя не выносит! И ты еще осмеливаешься меня уговаривать!

Продолжая браниться, Фын-цзе изо всех сил дала ему пощечину. Перепуганный Цзя Жун отвесил еще один поклон.

– Не сердитесь, тетушка! Прошу вас, не презирайте меня – пусть я тысячу дней был плохим, но мог же я быть хоть один день хорошим! Зачем вы гневаетесь и бьете меня? Я сам себя готов поколотить, только бы вы не сердились!

Он с ожесточением стал хлестать себя по щекам.

– Будешь еще лезть не в свои дела? – приговаривал он при этом. – Будешь делать пакости тетушке? Как к тебе относилась тетушка? А каким ты оказался бессовестным!

Слуги и служанки старались утешить его, но сами еле сдерживали смех. Фын-цзе бросилась на грудь к госпоже Ю и запричитала:

– Я не сержусь, что вы для старшего брата Цзя Ляня нашли вторую жену! Но зачем вы подстрекнули его нарушить высочайший указ, а потом весь позор взвалили на меня? Пойдем к судье, чтобы ему не пришлось присылать за нами своих прислужников. Потом повидаемся со старой госпожой и госпожой, соберем всю семью и посоветуемся. Если уж я так плоха, что не разрешаю своему мужу брать себе наложниц, пусть мне дают развод, и я сейчас же уеду. Твою младшую сестру Эр-цзе я уже взяла к себе в дом, но только еще не докладывала об этом

старой госпоже из опасения, что она рассердится. Твоя сестра в радости и довольстве живет у нас в саду. Я приказала приготовить для нее отдельный дом и обставить его так же, как мой собственный, и только ждала, пока об этом станет известно старой госпоже. Я приказала всем молчать и сама об этом деле не заикалась, но кое-кто устроил мне неприятность! Я и не знала, что все это затеяли вы! Сейчас на меня подали в суд, и вчера мне весь день пришлось волноваться. Если я явлюсь в суд, этим самым будет причинен ущерб репутации всего рода Цзя. Пришлось потихоньку взять пятьсот лян серебра из денег госпожи, чтобы дать взятку судье! Еще сейчас мой человек сидит под стражей!

Она крепко прижималась к госпоже Ю, мяла ее, как лепешку, перемазала ей все платье слезами, то рыдала, то бранилась, поминала своих предков и грозила разбить себе голову о стену.

Госпожа Ю не знала, что делать, и только ругала Цзя Жуна:

– Негодяй! Хорошие вы дела делаете со своим отцом, нечего сказать! Я ведь вам говорила, что ваша затея никуда не годится!

Фын-цзе продолжала рыдать, но ей хотелось сильнее уколоть самолюбие госпожи Ю, поэтому она проговорила:

– Ты что, одурела? Неужели они тебе рот заткнули баклажаном? Или, может быть, взнуздали, как лошадь? Почему ты не пришла сразу и не рассказала мне, что они творят? Если б ты сообщила мне обо всем вовремя, разве тебе пришлось бы сейчас так беспокоиться?! Разве пришлось бы тревожить суд и устраивать скандал на весь дом?! А теперь ты еще ругаешь их! С древности говорят: «Если жена добродетельна, у мужа бед мало; надо быть истинно благородным человеком, а не казаться им только внешне». Если б ты действительно была добродетельной, разве они осмеливались бы устроить нечто подобное! Нет у тебя никаких способностей, голова пустая, как тыква, язык не поворачивается, чтобы вовремя сказать нужное слово. Ты ничтожество, добродетель у тебя только кажущаяся!

Фын-цзе с отвращением несколько раз плюнула.

– Зачем ты так говоришь? – заплакала госпожа Ю. – Если не веришь мне, можешь спросить у слуг – разве я не отговаривала своего мужа от такого дела? Но мне приходится его слушаться! Что я могла поделать?! Я не обижаюсь, сестрица, что ты рассердилась, – мне только и остается слушать твои упрёки!

Наложницы, девочки и женщины-служанки пали перед Фын-цзе на колени и, подобострастно улыбаясь, взмолились:

– Вторая госпожа, вы самая мудрая! Наша госпожа допустила ошибку, но вы простите ее, вы уже достаточно унизили ее в нашем присутствии. Разве вы с ней не дружили? Умоляем вас, пощадите хоть немного ее самолюбие!

Они хотели поднести Фын-цзе чай, но та отшвырнула чашку, вытерла слезы и, поправив волосы, крикнула Цзя Жуну:

– Позови сюда своего отца, я хочу поговорить с ним открыто! Я хочу знать, откуда он взял такое правило, которое разрешало бы племяннику жениться через пять недель после смерти дяди, когда еще не кончился траур! Может быть, я тоже от него чему-нибудь научусь, а потом буду учить вас!

Цзя Жун опустил на колени и, отвесив ей низкий поклон, пробормотал:

– Это дело, собственно, не имеет никакого отношения к отцу. Просто я однажды объелся какой-то дряни и начал подстрекать своего дядю. Моему отцу об этом ничего не известно! Если вы решили устроить скандал, тетушка, я готов умереть – можете наказать меня, я вам повинуюсь! Только умоляю вас, уладьте дело с судом! В таких больших делах я несведущ. Ну что вы за человек? Неужели вы не знаете пословицы: «Если у тебя сломана рука, прячь ее в рукав»? Моя же глупость подвела меня, я, как слепой котенок, совершил такой поступок. Теперь мне ничего не остается, как просить вас замять это дело! Я уверен, что, если бы у вас

был такой непочтительный сын, как я, и если б он совершил проступок и навлек на себя беду, вы не перестали бы любить его!

Цзя Жун снова начал без счета отбивать поклоны.

Покорность Цзя Жуна смягчила Фын-цзе, но присутствие слуг не позволяло ей изменить свой тон. Она сделала ему знак встать с колен и, вытирая слезы, сказала госпоже Ю:

– Не сердись на меня, сестра! Я неопытна, и когда мне стало известно, что кто-то подал на нас в суд, я обезумела от страха и потеряла голову. Цзя Жун напомнил мне, что, если сломана рука, надо прятать ее в рукав! Так что ты не должна сердиться на меня за то, что я сейчас сказала. Придется тебе замолвить словечко перед старшим братом, чтобы он постарался уладить дело.

– Не беспокойтесь! – в один голос воскликнули госпожа Ю и Цзя Жун. – Мы ни за что не впутаем в это дело Цзя Ляня. Вы говорили, что израсходовали пятьсот лян серебра на взятки – мы эти деньги сами соберем и пришлем вам, чтобы возместить убыток. Разве мы позволим вам залезать в долги? Ведь за это мы бы заслуживали смерти! Но только просим вас сделать так, чтобы госпожа и старая госпожа не сердились и ничего не знали о нашем разговоре.

– Вы взвалили все неприятности на меня, а теперь еще просите вас выгородить! – возмутилась Фын-цзе. – Я не так глупа! За кого меня принимает брат Цзя Чжэнь? Неужели ты больше меня боишься, что Цзя Лянь останется без прямых наследников?! Твоя младшая сестра стала для меня родной! Как только я услышала, что муж взял ее в наложницы, я распорядилась приготовить для нее отдельный дом и с радостью привезла ее к себе. Служанки мне говорили: «Вы слишком торопливы, госпожа! Вы бы сначала доложили обо всем старой госпоже и госпоже, послушали бы, что они скажут, а после этого можно было бы и распорядиться!» Мне захотелось побить их, когда я это услышала, но я сдержалась. Однако потом откуда-то появился этот Чжан Хуа и подал жалобу в суд. Когда мне стало об этом известно, я две ночи не могла сомкнуть глаз, но и говорить никому не осмеливалась и только все время поражалась, как этот Чжан Хуа осмеливается тягаться с нами. Потом я стала наводить справки, и выяснилось, что это бездомный нищий. Слуги мне говорили: «Вторая госпожа Эр-цзе когда-то была просватана за него. Сейчас Чжан Хуа оказался в такой нужде, что ему все равно придется умирать – не от холода, так от голода. Он уцепился за возможность заработать и не откажется от своего требования, если ему будет грозить даже смерть; такая смерть кажется ему почетнее, чем смерть от голода и холода. Ну как же после этого обижаться, что он подал в суд? Нужно признать, что второй господин Цзя Лянь поступил слишком опрометчиво. Он виноват вдвойне, он нарушил государственный траур и пренебрег семейным трауром. Кроме того, он взял себе тайком вторую жену и покинул законную супругу. Таким образом, за ним еще две провинности. Знаете пословицу: «Кто не боится быть четвертованным, может и самого государя стащить с коня». Что же говорить о человеке, от нужды впавшем в безумие? Ведь этот Чжан Хуа знает, что правда на его стороне. Разве его может что-нибудь остановить?.. Вот ты, сестра, обычно сравниваешь меня с Хань Синем и Чжан Лянем! Но поверь мне, когда я все это услышала, я едва не лишилась чувств! Цзя Ляня дома нет, посоветоваться не с кем, и мне пришлось дать деньги! Я даже не представляла себе, что, несмотря на то, что я дам денег, тот человек будет упорствовать, клеветать и точить на нас нож. А я не больше чем гнойничок на хвосте у крысы – сколько из меня можно вытянуть?! Вот почему я рассердилась, сестра, и побежала искать тебя!

Не дожидаясь, пока она окончит, госпожа Ю и Цзя Жун принялись успокаивать ее:

– Не волнуйтесь, все уладится!

– Чжан Хуа подал в суд только потому, что его к этому принудила бедность, – добавил Цзя Жун, – ему жизнь недорого. Но мы можем дать ему немного серебра, пусть он только признается, что обвинил нас ложно. Потом постараемся его выручить, и когда он выйдет из тюрьмы, еще раз хорошо заплатим ему.

– Спасибо за совет! – прищелкнула языком Фын-цзе. – Теперь понятно, почему ты решился на подобные дела, – ты только видишь начало, но не видишь конца! Зря я думала, что ты умен и находчив! Если мы сделаем так, как ты предлагаешь, Чжан Хуа, конечно, польстится на деньги и даст свое согласие, и, таким образом, на первый взгляд, дело можно будет считать оконченным. Но ты не знаешь, как ненадежен и ничтожен этот человек! Как только деньги попадут к нему в руки, он тут же их растратит, а потом опять начнет клеветать и заниматься вымогательством. Мы его не боимся, однако беспокойство причинить он может! Его не заставишь сказать на суде что-либо в нашу пользу! Он может заявить: если вы не совершали незаконий, зачем давали мне деньги?!

Цзя Жун был парень смекалистый и, услышав рассуждение Фын-цзе, сказал:

– Тогда у меня есть другой план. «Кто за глаза говорит плохое о другом, тот сам плохой». Поручите это дело мне, и все будет в порядке. Я разумею у Чжан Хуа о его намерениях – хочет он жениться именно на Эр-цзе или получить деньги и взять себе другую жену. Если он будет настаивать на женитьбе, придется уговорить вторую тетушку Эр-цзе выйти за него замуж; если он согласится на деньги, придется дать ему немного.

– Твою вторую тетушку Эр-цзе я не отпущу! – запротестовала Фын-цзе. – Если она уйдет от нас, разве это не подорвет репутацию нашей семьи?! По-моему, лучше всего дать ему побольше денег.

Несмотря на возражения Фын-цзе, Цзя Жуну было ясно, что она желает избавиться от Эр-цзе и только разыгрывает из себя добрячку.

– Предположим, с судом дело уладится. Но как все устроить дома? – продолжала Фын-цзе. – Пойдем вместе с тобой и доложим обо всем старой госпоже!

Госпожа Ю снова переполошилась и стала советоваться с Фын-цзе, как лучше соврать и избежать неприятностей.

– Не умеешь выкручиваться – не нужно было впутываться в такое дело! – усмехнулась Фын-цзе. – Мне тебя слушать противно! Ничего придумать не можешь, все надеешься на мою доброту и мягкосердечность. Только и ждешь, чтобы я приняла все на себя! Ладно, не вмешивайся! Я сама отведу Эр-цзе к старой госпоже и скажу, что это твоя младшая сестра, она мне понравилась, и так как у меня до сих пор нет сыновей, я хотела купить для мужа двух наложниц; но поскольку Эр-цзе очень красива, да еще приходится нам родственницей, я хочу, чтобы она была второй женой Цзя Ляня. Родители Эр-цзе, братья и сестры умерли, дома живет ей трудно, так что ждать сто дней, пока окончится государственный траур, ей невозможно, поэтому привезла ее сюда и временно поселила во флигеле, который для нее приготовила, с тем чтобы, когда кончится траур, можно было официально назвать ее второй женой Цзя Ляня. Пусть меня считают бесстыжей и обвиняют во всем – вас это не касается. Согласны?

Госпожа Ю и Цзя Жун необычайно обрадовались и воскликнули:

– Какая вы добрая! Как много в вас мудрости и находчивости! Как только вы все уладите, мы придем благодарить вас за милость!

– Ладно! – отмахнулась от них Фын-цзе. – Какая может быть благодарность! – И тут же, кивая в сторону Цзя Жуна, добавила: – Только сегодня я тебя по-настоящему узнала!

Глаза ее покраснели, все лицо залилось краской и снова приняло обиженное выражение.

– Не нужно, тетушка! – с улыбкой воскликнул Цзя Жун, поспешно опускаясь на колени. – Будьте великодушны!

Фын-цзе отвернулась, словно не замечая его, и только тогда Цзя Жун встал с колен.

Между тем госпожа Ю приказала девочкам-служанкам принести воды и туалетный ящик и сама принялась помогать Фын-цзе причесываться и умываться. Затем она распорядилась подать ужин. Фын-цзе уверяла, что ей сейчас же нужно уходить, но госпожа Ю ни за что не хотела ее отпускать.

– Если ты уйдешь от нас, не поужинав, с каким лицом мы будем приходить к тебе? – говорила она.

– Дорогая тетушка! – в тон матери вторил Цзя Жун. – Милая тетушка! Пусть меня поразит гром, если я отныне не буду вас слушаться!

Фын-цзе смерила его пристальным взглядом.

– Кто тебе поверит, тако... – цыкнула она на него, но тут же поперхнулась.

Старухи и девочки-служанки расставили на столе вино и закуски. Госпожа Ю собственноручно поднесла Фын-цзе кубок вина и подала закусить. Цзя Жун опустился на колени перед Фын-цзе и в знак уважения тоже преподнес ей кубок вина. После этого Фын-цзе не оставалось ничего иного, как поужинать с госпожой Ю.

Когда ужин кончился, девочки-служанки подали чай для полоскания рта, а затем принесли чай для питья. Фын-цзе выпила два глотка и встала, собираясь уходить. Цзя Жун вышел проводить ее. Когда они проходили через ворота, он потихоньку сказал ей несколько непристойностей, но Фын-цзе пропустила его слова мимо ушей и, недовольная, удалилась.

Возвратившись в «сад Роскошных зрелищ», Фын-цзе рассказала Эр-цзе, как обстоит дело, как ей пришлось эти дни хлопотать и беспокоиться, и наконец научила ее, как надо себя вести, чтобы никто не оказался в этом деле виноватым и не пострадал.

– Только так и придется действовать, – заключила она.

Если вы не знаете о том, что намеревалась предпринять Фын-цзе, прочтите следующую главу.

Глава шестьдесят девятая, прочитав которую можно узнать о том, как Фын-цзе задумала чужими руками убить человека и как Эр- цзе, почувствовав безвыходность своего положения, покончила с собой, проглотив золото

Сейчас речь пойдет об Эр-цзе, которая, выслушав Фын-цзе, принялась без конца благодарить ее и обещала в точности исполнить все, что от нее требовалось.

Госпоже Ю очень не хотелось идти докладывать о случившемся матушке Цзя, но отказаться она не могла.

– Когда придем, молчи, – предупреждала ее Фын-цзе, – я сама все расскажу!

– Разумеется, – согласилась госпожа Ю. – Но только тогда вся вина может пасть на вас.

Когда они предстали перед матушкой Цзя, она беседовала и шутила с внучками, пришедшими из сада. Вдруг она увидела Фын-цзе в сопровождении прелестной молоденькой девушки.

– Чье это дитя? – удивилась матушка Цзя, оглядывая девушку. – Какая миленькая!

– Посмотрите на нее внимательно, бабушка, – сказала Фын-цзе. – Хороша?

Она подвела Эр-цзе к матушке Цзя и шепнула ей:

– Это наша бабушка, кланяйся!

Эр-цзе поклонилась, как требовал этикет. Представляя ей девушек, Фын-цзе называла их по именам, а затем сказала:

– Теперь, когда ты с ними познакомилась и госпожа тебя видела, можешь совершить приветственную церемонию.

Смущенная Эр-цзе исполнила все, что полагалось, и, низко опустив голову, встала в сторонку. Матушка Цзя еще раз внимательно оглядела Эр-цзе и, подняв лицо кверху, словно что-то припоминая, проговорила:

– Как будто я где-то видела эту девочку! Она кажется мне знакомой!

– Не трудитесь вспоминать, бабушка, – прервала ее Фын-цзе, – только скажите, она красивее меня?

Матушка Цзя с важным видом надела очки и, обращаясь к Юань-ян и Ху-по, приказала:

– Подведите это дитя поближе, я хочу поглядеть, какая у нее кожа.

Едва сдерживаясь от смеха, служанки подтолкнули Эр-цзе к матушке Цзя. Матушка Цзя еще раз внимательно на нее посмотрела, затем приказала Ху-по:

– Ну-ка, обнажи ей руку!

Произведя осмотр, она сняла очки и с улыбкой заявила:

– Все в полном порядке. Мне кажется, она красивее тебя!

Тогда Фын-цзе улыбнулась, опустилась перед матушкой Цзя на колени и рассказала ей о том, что произошло во дворце Нинго.

– В таком случае, бабушка, вам придется проявить доброту и разрешить ей пожить у нас, а через год можно будет принять ее в нашу семью, – добавила Фын-цзе в заключение.

– А что тут плохого? – согласилась матушка Цзя. – Очень хорошо, что ты так добра! Но принять ее в дом раньше, чем через год, действительно нельзя.

Фын-цзе снова отвесила земной поклон матушке Цзя и попросила:

– Бабушка, прикажите двум женщинам, чтобы они проводили ее к господам и объявили ваше решение!

Матушка Цзя приказала женщинам проводить Эр-цзе к госпоже Син, а потом к госпоже Ван.

Госпожа Ван была обеспокоена всеми этими событиями, потому что слыхала, что об Эр-цзе ходит дурная молва. Но как только она увидела девушку и узнала суть дела, недовольство ее мгновенно исчезло.

Таким образом, все препятствия были устранены, и Эр-цзе открыто поселилась во флигеле.

Между тем Фын-цзе тайно подослала своего человека к Чжан Хуа; он убеждал Чжан Хуа настаивать на браке с Эр-цзе и обещал ему богатое приданое и деньги на обзаведение хозяйством.

Надо сказать, что у Чжан Хуа не было на это никакого желания и не хватало смелости подавать в суд на семью Цзя. Да и на первом же судебном разбирательстве человек, выступавший в качестве ответчика вместо Цзя Жуна, говорил:

– Чжан Хуа расторгнул брачный договор, а поскольку мы приходимся родственниками его будущей жене, мы взяли ее к себе, и ни о каком насилии не может быть и речи. Все дело в том, что Чжан Хуа просрочил нам уплату долга и, желая увильнуть от уплаты, возвел ложное обвинение на нашего младшего господина Цзя Жуна.

Судьи, разбиравшие дело, находились в родственных отношениях с семьями Ван и Цзя и, кроме того, получили взятку. Поэтому они обвинили Чжан Хуа в том, что он бродяга и занимается клеветой, и велели отколотить парня; Цин-эр дал стражникам за Чжан Хуа денег, и его поколотили не очень сильно. Затем Цин-эр снова стал подстрекать Чжан Хуа:

– Ведь этот брак заключили твои родители, вот и требуй, чтобы свадьба состоялась, и любой судья вынесет решение в твою пользу!

Чжан Хуа наконец решился и снова подал жалобу в суд. Ван Синь, разузнав об этом, объяснил судье, для чего это сделано, и тот вынес решение:

– Чжан Хуа, бравший в долг деньги у семьи Цзя, должен полностью их вернуть. Что же касается жены, то, если у Чжан Хуа есть средства, он может забрать ее!

Судья распорядился вызвать отца Чжан Хуа и объявить ему приговор. Отец Чжан Хуа, которому Цин-эр успел уже все рассказать, обрадовался, что наконец ему удастся женить сына и получить немало денег, поэтому прямо из суда отправился в дом Цзя с намерением забрать Эр-цзе.

Фын-цзе с перепуганным видом бросилась просить заступничества у матушки Цзя.

– Все это получилось потому, что супруга брата Цзя Чжэня не умеет устраивать подобные дела, – жаловалась она. – Оказывается, семья Чжан не расторгла брачный договор и решила подать на нас в суд. И вот теперь суд вынес такое решение.

Матушка Цзя приказала вызвать госпожу Ю и велела ей уладить дело по своему усмотрению.

– Поскольку твоя младшая сестра просватана с детства и договор о браке не был расторгнут, так поступать было нельзя, – заметила матушка Цзя. – Куда это годится, если люди подают на нас в суд?

– Как могло случиться, что брак оказался нерасторгнутым? – удивилась госпожа Ю. – Ведь этот Чжан Хуа даже деньги от нас получил...

– Если судить по словам Чжан Хуа, он денег и в глаза не видел, – вмешалась в разговор Фын-цзе, – он даже утверждает, что никто к нему не приходил. И отец его говорит: «Правда, был однажды об этом разговор, но мы так ничего и не решили». А сейчас, когда отец Эр-цзе умер, вы забрали девушку к себе, решив сделать наложницей. Если все это так, мы не можем привести никаких фактов в опровержение и нам приходится выслушивать всякие глупости. Правда, второй господин еще не женился на Эр-цзе и все могло бы сойти, однако Эр-цзе уже переехала к нам, как же можно отослать ее обратно? Разве это не причинит ущерб репутации нашей семьи?!

– Цзя Лянь еще не женился на ней, – возразила матушка Цзя, – и мы не можем оставлять у себя девушку, которая просватана за другого, – о нас пойдет дурная слава. Лучше отослать ее к Чжан Хуа. Неужели Цзя Лянь не найдет себе другую наложницу?!

– Моя матушка на самом деле когда-то дала Чжан Хуа двадцать лян серебра и расторгла брачный договор, – набравшись смелости, проговорила Ю Эр-цзе, обращаясь к матушке Цзя. – Только бедность заставила Чжан Хуа подать в суд и солгать. Моя старшая сестра все устроила как следует!

– Вот еще одно доказательство, что не следует задирать подлецов! – назидательно произнесла матушка Цзя. – Но раз уж так все случилось, пусть Фын-цзе подумает, как это дело уладить.

Фын-цзе не очень обрадовалась подобному поручению, но делать было нечего, и она приказала позвать Цзя Жуна.

Цзя Жун прекрасно понимал, что Фын-цзе в душе хочет, чтобы Чжан Хуа получил Эр-цзе. Но каково было бы ему самому, если бы это случилось?! Он доложил обо всем Цзя Чжэню, а сам послал человека к Чжан Хуа.

– Зачем ты требуешь девушку, если получил достаточно серебра? – сказал тот. – Разве, проявляя подобное упорство, ты не боишься, что у наших господ лопнет терпение и они постараются сжить тебя со света? Если так случится, у тебя не найдется даже места для погребения! Лучше уходи! Неужели, имея деньги, ты не найдешь себе другую жену? Послушай меня, покинь эти края! Если согласишься, получишь еще деньги на дорожные расходы!

«Так, пожалуй, будет лучше всего!» – подумал Чжан Хуа.

Он переговорил со своим отцом, получил сто лян серебра и на рассвете следующего дня потихоньку вместе с отцом отправился к себе на родину.

Между тем Цзя Жун явился к Фын-цзе и доложил ей:

– Чжан Хуа и его отец подали прошение в суд, не имея на то оснований, и сейчас, опасаясь наказания, бежали из города. Суд не стал производить никаких расследований и прекратил дело. Таким образом, все улажено!

Выслушав его, Фын-цзе про себя подумала: «Если продолжать добиваться, чтобы Чжан Хуа забрал Эр-цзе, может вернуться Цзя Лянь, а он не остановится ни перед какими расходами, чтобы взять ее обратно. Лучше пусть Эр-цзе остается здесь, а я уж придумаю, как с ней разделаться. Вот только неизвестно, куда скрылся Чжан Хуа. Если он расскажет кому-нибудь правду о том, что произошло, и снова затеет дело, то, выходит, я сама причиню себе вред! Эх, не следовало отдавать рукоять кинжала в руки врага!..»

Она стала раскаиваться, что поступила столь необдуманно, но тут в ее голове созрел новый план. Она вызвала к себе Ван-эра, приказала ему разыскать Чжан Хуа и обвинить его, будто он занимается разбоем, чтобы через суд добиться для него смертной казни или разделаться с ним при помощи наемных убийц!

– Только так! – говорила она сама себе. – Его нужно убрать! Лишь когда его не будет в живых, можно быть уверенной, что трава вырвана с корнем и моя репутация не пострадает!

Получив приказание, Ван-эр вернулся домой и стал размышлять:

«Человек убежал, и делу конец – к чему затевать новую историю?! Ведь жизнь человека не игрушка! Надо обмануть госпожу, а там придумаю, что делать дальше».

Несколько дней он где-то пропадал, а потом явился к Фын-цзе и доложил:

– Как я узнал, Чжан Хуа бежал из столицы с большими деньгами. На третье утро, когда он находился на границе столичного округа, на него напали грабители, убили и забрали деньги. Старик Чжан умер на постоялом дворе, его труп опознан и похоронен.

Фын-цзе не поверила и пригрозила:

– Если окажется, что ты соврал, я тебе все зубы повыбиваю!..

Но с этого момента она совершенно перестала думать о случившемся.

Следует добавить, что Фын-цзе и Эр-цзе внешне жили очень дружно, даже дружнее, чем родные сестры.

Но вот в один прекрасный день Цзя Лянь, покончив со всеми делами, возвратился в столицу и первым делом отправился в дом, где жила Эр-цзе. К его великому изумлению, там было пусто, ворота заперты на замок, и во всем доме он не встретил никого, кроме старика сторожа. Цзя Лянь стал расспрашивать его, что произошло, и старик рассказал ему обо всем до мельчайших подробностей.

Совершенно расстроенный, Цзя Лянь поехал к Цзя Шэ и госпоже Син и доложил им о выполненных поручениях.

Цзя Шэ был вполне доволен сыном, подарил ему сто лян серебра в награду и, кроме того, дал в наложницы семнадцатилетнюю девушку по имени Цю-тун. Обрадованный Цзя Лянь принял подарки и в знак благодарности без конца кланялся отцу. После этого он повидался с матушкой Цзя и остальными родственниками и отправился домой. При встрече с Фын-цзе он никак не мог скрыть своего смущения. Однако Фын-цзе вела себя не так, как в прежние дни. Она вышла к нему навстречу под руку с Эр-цзе и как ни в чем не бывало завязала беседу о всяких пустяках. Тогда Цзя Лянь сообщил ей о Цю-тун, при этом на лице его играла самодовольная улыбка.

Фын-цзе, выслушав его, тут же позвала двух женщин, приказала им взять коляску и привезти девушку.

Внутри у нее все клокотало от гнева – не успела она извлечь из сердца одну колючку, как прибавилась другая! Однако она сдержала негодование и старалась казаться очень доброй и милой. Потом она распорядилась накрыть стол в честь приезда мужа, а когда прибыла новая наложница, повела ее повидаться с матушкой Цзя и госпожой Ван.

Что касается Цзя Ляня, то он только диву давался.

Фын-цзе обращалась с Эр-цзе безупречно, но все время таила коварную мысль – отомстить сопернице. Когда никого поблизости не было, она говорила Эр-цзе:

– О тебе, сестрица, ходит дурная слава! Даже старая госпожа и госпожа поговаривают, что ты еще ребенком лишилась невинности и с мужем своей старшей сестры находилась в недозволенных отношениях. «Набросилась на первого попавшегося, но не удовлетворилась и стала искать себе лучшего!» – говорят о тебе. Я рассердилась и стала наводить справки, откуда идут подобные разговоры, но узнать ничего не удалось. Если и дальше будет так продолжаться, как же мне управляться со слугами? Только хлопот себе наживешь!

После подобных разговоров она притворялась расстроенной, сказывалась больной, переставала есть и пить; в присутствии Пин-эр и других служанок бранилась, делая вид, что сердится на сплетников, но на самом деле старалась уколоть Эр-цзе и побудить служанок к новым сплетням.

Цю-тун считала, что, поскольку ее подарил своему сыну Цзя Шэ, она может никого не признавать. Если она не ставила ни в грош Фын-цзе и Пин-эр, разве она могла согласиться терпеть возле себя женщину, о которой шли слухи, будто она с детства развратничала, а потом была взята в наложницы, и никто ей не покровительствует?! Фын-цзе, узнав об этом, только радовалась.

Притворившись больной, Фын-цзе перестала встречаться с Эр-цзе и только приказывала служанкам носить ей пищу. Но то, что она посылала, есть было невозможно. Пин-эр не могла этого терпеть и украдкой давала деньги, чтобы для Эр-цзе покупали что-нибудь повкуснее. Собираясь обычно в сад гулять, Пин-эр предварительно заказывала на кухне различные блюда и угощала ими Эр-цзе, и никто не осмеливался доложить об этом Фын-цзе.

Но однажды это заметила Цю-тун и стала нашептывать Фын-цзе:

– Госпожа, вашу репутацию подрывает Пин-эр. Она заказывает самые лучшие блюда, но не ест их, а относит в сад Эр-цзе.

Фын-цзе была возмущена и ругала Пин-эр:

– Люди держат кошек, чтобы они ловили мышей, а моя кошка вздумала душисть цыплят!

Пин-эр молча слушала упреки и с этих пор отдалилась от Эр-цзе, хотя в душе возненавидела Цю-тун.

Между тем девушки, жившие в саду, тайно заботились об Эр-цзе.

Они не осмеливались открыто выступить в ее защиту, но жалели ее и навешали, когда никого из посторонних не было. Во время таких встреч Эр-цзе не осмеливалась роптать на Фын-цзе, так как была порядочной девушкой. Она только плакала.

Когда Цзя Лянь возвратился домой и убедился в доброте Фын-цзе, он так обрадовался, что на все остальное перестал обращать внимание. К тому же он завидовал Цзя Шэ, у которого было много наложниц; он строил насчет них несбыточные планы и только не осмеливался приступить к действию. Но теперь, когда Цзя Шэ подарил ему одну из своих наложниц, он сильно привязался к ней. Обладая Цю-тун, Цзя Лянь чувствовал себя, как ласточка, обретшая супруга! И как ему было не радоваться? Таким образом, горячее чувство его к Эр-цзе постепенно угасло, и теперь только Цю-тун владела его мыслями.

Фын-цзе, хотя и ненавидела Цю-тун, все же испытывала удовлетворение при мысли, что ей удастся «чужими руками расправиться с врагом» или, как говорят, «наблюдать со стороны, как другие дерутся». Она думала: пусть Цю-тун убьет Эр-цзе, а она уж найдет средство, как разделаться с Цю-тун. Приняв такое решение, Фын-цзе постаралась улучшить момент и, когда никого поблизости не было, стала нашептывать Цю-тун:

– Ты молода и жизни не знаешь. Ведь Эр-цзе – вторая жена господина Цзя Ляня, он любит ее даже больше, чем меня, и если ты в открытую столкнешься с нею, это будет означать, что ты сама ищешь своей смерти!

Цю-тун рассвирепела и с тех пор при виде Эр-цзе все время бранилась:

– Наша госпожа как тряпка! Уж я не буду такой доброй! Как она позволяет, чтобы ее лишали могущества и влияния? Всему виной ее чрезмерная чувствительность! Я не стану терпеть песок в глазах! Эта потаскушка Эр-цзе еще меня узнает!

Фын-цзе в это время сидела дома и делала вид, что во всем соглашается с Цю-тун.

Эр-цзе только плакала у себя в комнате от обиды и совсем отказалась от еды. Но она не осмеливалась жаловаться Цзя Ляню. Даже на следующий день, когда матушка Цзя заметила, что глаза ее покраснели и припухли от слез, и спросила, в чем дело, Эр-цзе ни о чем ей не рассказала.

Цю-тун, заискивая перед матушкой Цзя, стала ей наговаривать:

– Эр-цзе коварна и заклипаниями старается накликасть смерть на вторую госпожу Фын-цзе и на меня, чтобы стать законной женой господина Цзя Ляня.

– Девушка очень красива, и вполне понятно, что ей свойственна ревность и зависть, – проговорила матушка Цзя. – Но ведь Фын-цзе хорошо обращается с нею. Если она так ведет себя, значит она неблагодарна.

Так постепенно даже у матушки Цзя зародилось недовольство против Эр-цзе. А когда все это заметили, то, естественно, стали еще больше третировать девушку и довели ее до такого состояния, что ей оставалось одно – умереть, хотя жить очень хотелось. Счастье еще, что Пин-эр тайком от Фын-цзе вступалась за нее!

Эр-цзе была «нежной, как цветок, и мягкой, как снежок» – разве она могла выдержать такие мучения? Она молча переносила обиды в течение месяца, но потом лишилась аппетита,

заболела и начала худеть. А однажды ночью ей приснилось, будто младшая сестра Сань-цзе подает ей «меч утки и селезня» и говорит:

– Сестра! Ты еще в детстве была слабохарактерной и глупой, и от этого тебе приходится страдать! Не верь медовым речам этой завистливой женщины, которая старается казаться доброй и милой, а в душе вероломна и коварна! Она жестока, как волк, и жаждет твоей смерти! Она успокоится только тогда, когда ты умрешь! Если б я была жива, я не позволила бы тебе войти в их дом, но даже если б ты вступила туда, я не разрешила бы ей так издеваться над тобой. Беда в том, что в прежней своей жизни ты была развратницей, причиняла людям зло, поэтому сейчас пришло возмездие. Послушайся меня, возьми этот меч и отруби голову той ревнивой женщине, а затем мы с тобой вместе явимся на суд феи Цзин-хуань и смиренно выслушаем ее приговор. Если ты не слушаешь меня, ты напрасно погубишь свою жизнь и никто о тебе не пожалеет!

– Сестрица! – с рыданиями отвечала Эр-цзе. – Если я была грешницей, я заслужила возмездие. Зачем же мне убивать человека и совершать новый грех?!

Сань-цзе ничего не ответила, тяжело вздохнула и исчезла.

Испуганная Эр-цзе проснулась и поняла, что это был всего лишь сон.

Дождавшись, когда пришел Цзя Лянь и поблизости никого не было, Эр-цзе зарыдала:

– Я больна. Мне больше не поправиться! Почти полгода, как я беременна, но не знаю, кого придется родить: сына или дочь. Только бы Небо сжалилось надо мной и дало мне возможность родить! Иначе не представляю, как сохранить свою жизнь, не говоря уж о младенце!

– Не расстраивайся, – сказал Цзя Лянь, глаза которого тоже увлажнились слезами. – Я приглашу хорошего врача...

И он тут же вышел распорядиться.

Но случилось так, что в это время доктор Ван тоже был болен и, кроме того, собирался сразу по выздоровлении отправиться служить в войско. Таким образом, слуги Цзя Ляня вернулись ни с чем и вынуждены были пригласить того самого Ху Цзюнь-Жуна, который в прошлом году лечил Цин-вэнь. Осмотрев больную, он заявил, что у нее нарушены сроки месячных, поэтому нужно принимать общее укрепляющее лекарство.

– У нее в течение трех месяцев не было месячных и часто случается рвота, – возразил Цзя Лянь. – Мне кажется, она беременна.

Ху Цзюнь-Жун приказал служанкам обнажить руку больной, долго смотрел ее и наконец произнес:

– Если она беременна, то пульс под воздействием печени должен быть более сильным. Ведь когда процветает стихия дерева, в сферу действия которой входит печень, рождается огонь и месячные проходят нерегулярно. Всему причиной печень. Осмелюсь попросить госпожу открыть лицо – я не решаюсь прописывать лекарство, не зная, как выглядит больная.

Цзя Лянь приказал убрать полог, и Ю Эр-цзе показала врачу лицо. Красота Эр-цзе так поразила Ху Цзюнь-Жуна, что у него, как говорится, душа улетела на небеса. Где уж тут было думать о лечении?!

Цзя Лянь опустил полог, вышел вместе с врачом из комнаты и спросил его мнение о болезни.

– Это не беременность, просто застой крови, – ответил Ху Цзюнь-Жун. – Прежде всего необходимо усилить кровообращение!

Он прописал лекарство, попрощался и ушел.

Цзя Лянь велел послать за лекарством, приготовить его и дать больной. К полночи состояние больной ухудшилось, усилились боли в животе, и она выкинула уже вполне сформированного мальчика. Открылось сильное кровотечение, и Эр-цзе лишилась сознания.

Цзя Лянь на чем свет стоит проклинал Ху Цзюнь-Жуна. Он немедленно приказал слугам пригласить другого врача, а первого разыскать и доставить к нему. Однако Ху Цзюнь-Жун уже

прослышал, что дело принимает серьезный оборот, собрал свои пожитки и скрылся в неизвестном направлении.

Осмотрев больную, врач заявил:

– Мне думается, у больной было слишком слабое кровообращение, а когда она забеременела, ей пришлось много волноваться и расстраиваться, и в результате получился застой крови. Сильнодействующее лекарство, которое прописал прежний врач, почти полностью подорвало первородный дух, так что быстро вылечить больную теперь трудно. Пусть она принимает пилюли, но нужно оберегать ее покой, стараться, чтобы ничто ее не волновало, тогда можно будет надеяться на поправку.

Он вышел из комнаты больной, прописал укрепляющее средство и удалился. Взволнованный Цзя Лянь стал допытываться, кто из слуг вздумал пригласить этого лекаря Ху Цзюнь-Жуна, и приказал избить виновного до полусмерти.

Фын-цзе волновалась в десять раз больше самого Цзя Ляня и только говорила:

– Судьба не послала нам сыновей! Насилу удалось обрести одного, как тут же появился никудышный лекарь и погубил его!

Она стала сжигать жертвенные деньги и молиться:

– Я готова принять болезнь на себя, пусть только Эр-цзе поправится, забеременеет еще раз и родит сына. Ради этого я буду все время поститься и молиться Будде!

Цзя Лянь и другие домашние, глядя на нее, не скупались на похвалы.

В это время Цзя Лянь жил вместе с Цю-тун. Фын-цзе сама приказывала готовить отвары, кипятить воду и все это относить Эр-цзе. Кроме того, она послала человека погадать о судьбе девушки. Тот вскоре возвратился и доложил:

– Ее сглазил человек, родившийся в год зайца.

Стали выяснять, кто родился в год зайца, – оказалось, только одна Цю-тун. Тогда все поняли, что это она нарушает покой больной.

Что же касается Цю-тун, то, видя, как Цзя Лянь приглашает к Эр-цзе врачей, избивает из-за нее слуг и ругает всех на свете, она преисполнилась злобой и ревностью. А когда стали еще говорить, что она виновата в болезни Эр-цзе, терпение ее лопнуло. Фын-цзе пыталась ее уговаривать:

– Скройся на несколько дней куда-нибудь, потом вернешься!

Однако Цю-тун расплакалась от злости и принялась громко браниться:

– Нужна мне эта дрянь, не успевшая подохнуть с голоду! Я с ней не соприкасаюсь, как «вода из колодца с водой из реки»! Как же я могла нарушить ее покой? Потаскушка! С кем она только не путалась! А стоило явиться к нам, так ее сразу и сглазили! Надо еще узнать, от кого этот ребенок – от Чжана или от Вана! Она опутала нашего слабохарактерного господина! Может быть, вам, госпожа, нравятся такие потаскушки, а я терпеть ее не могу! Все мы можем рожать! Но кто поверит, что тут дело чисто, если она будет рожать через каждые полгода?

Служанки, слушая эти слова, еле сдерживались от смеха.

В это время пришла госпожа Син справиться о здоровье, и Цю-тун принялась жаловаться ей:

– Второй господин и вторая госпожа хотят меня выгнать, а мне негде приютиться! Сжальтесь надо мною, почтенная госпожа!

Госпожа Син обругала Фын-цзе, затем обрушилась на Цзя Ляня:

– Неблагодарная тварь! Какой бы ни была Цю-тун, помни, что тебе подарил ее отец, и если вздумаешь ее выгнать ради девчонки, взятой где-то на стороне, значит ты ни в грош не ставишь родного отца!

Рассерженная госпожа Син ушла. Цю-тун, почувствовав поддержку, совершенно распоясалась, стала часто подходить под окно комнаты, где лежала Эр-цзе, и браниться. Эр-цзе, слушая ее ругательства, еще больше волновалась и расстраивалась.

Однажды вечером, когда Цзя Лянь отдыхал в комнате Цю-тун, а Фын-цзе легла спать, Пин-эр пробралась к Эр-цзе, чтобы немного ее утешить. Выслушав жалобы, которые ей излила Эр-цзе, Пин-эр дала ей несколько советов, как держать себя, затем удалилась, поскольку было уже поздно.

Оставшись в одиночестве, Эр-цзе подумала:

«Я тяжело больна, а здесь все целыми днями стараются причинить мне боль, вместо того чтобы дать возможность полечиться! В таких условиях не поправиться никогда! Теперь, после выкидыша, мне больше не о чем заботиться! Чем волноваться по всякому поводу, не лучше ли умереть? Говорят: „Золото может погубить человека“. Разве умереть от золота не благороднее, чем повеситься или зарезаться?»

Собравшись с силами, она встала, открыла ящик и вынула из него кусочек золота, не обратив даже внимания на его величину. Потом заплакала. Когда наступило время пятой стражи, Эр-цзе с отчаянной решимостью сунула кусочек золота в рот, несколько раз вытянула шею и с усилием протолкнула его в горло. После этого она привела в порядок платье, надела головные украшения и легла на кан. Сознание тут же покинуло ее, теперь она была безучастна ко всему.

На следующее утро Эр-цзе не позвала никого, и служанки, довольные этим, занялись собственным туалетом.

Фын-цзе и Цю-тун куда-то ушли. Возмущенная безразличием служанок, Пин-эр обрушилась на них:

– Как вы бесчеловечны! Бить вас мало! Не чувствуете никакой жалости к больному человеку! Пусть у нее очень мягкий характер, но надо же знать границы! Поистине, «когда стена падает, ее еще подталкивают»!

Девочки-служанки поспешили в комнату Эр-цзе. Открыв дверь, они увидели Эр-цзе, в полном одеянии возлежавшую на кане. Поднялся переполох, послышались крики. Пин-эр вбежала в комнату и, поняв все, разразилась рыданиями.

Хотя служанки боялись Фын-цзе, но, помня, как ласкова была с ними Эр-цзе и как сочувствовала им, они сожалели о ней и плакали горькими слезами. Только делали они это украдкой от Фын-цзе.

Вскоре весь дом узнал о случившемся. Цзя Лянь вбежал в комнату, обнял тело умершей и разразился горестными воплями. Фын-цзе тоже делала вид, что безутешно рыдает.

– Жестокая сестрица! – приговаривала она. – Зачем ты покинула нас? Ты обманула надежды, которые я на тебя возлагала!

Пришли госпожа Ю и Цзя Жун. Они сами не могли сдержать слез, но все же утешали Цзя Ляня. Наконец Цзя Лянь справился со своим горем и доложил о случившемся госпоже Ван. Он попросил у нее разрешения поставить на время гроб во «дворе Душистой груши», а затем перенести его в «кумирню Железного порога». Госпожа Ван разрешила.

Цзя Лянь распорядился соответствующим образом убрать «двор Душистой груши», перенести туда тело Эр-цзе, положить в гроб и покрыть саваном. Восемь слуг и восемь служанок должны были неотлучно находиться возле гроба. Потом Цзя Лянь пригласил гадателя, чтобы узнать, когда приступить к похоронной церемонии. Гадатель определил, что на следующий день на рассвете можно устроить церемонию положения покойной в гроб, но пятый день месяца не благоприятствует для похорон, поэтому сама погребальная церемония может состояться лишь в седьмой день.

– Ничего не поделаешь, – сказал Цзя Лянь. – Моих дядюшек и братьев сейчас нет дома, так что похоронную церемонию нельзя надолго затягивать.

Гадатель не стал возражать, написал свидетельство о смерти и удалился.

Потом пришел Бао-юй и тоже поплакал над покойной. За ним стали являться другие родственники.

Цзя Лянь отправился к Фын-цзе, чтобы взять у нее денег на похороны. Но когда Фын-цзе увидела, что гроб уже унесли из дома, она сказалась больной и ответила ему:

– Старая госпожа и госпожа запретили мне на время болезни выходить из дому, поэтому я лежу в постели и не оделась в траур.

Но не успел Цзя Лянь уйти, как она побежала в «сад Роскошных зрелищ», украдкой добралась до стены «двора Душистой груши» и, подслушав, о чем там говорят, поспешила к матушке Цзя.

– Ты его не слушай! – сказала ей матушка Цзя. – Где это видано, чтобы не сжигать тело человека, умершего от чахотки? Неужели устраивать настоящие похороны и освящать место для могилы? Раз уж она была второй женой, пусть ее гроб простоит пять дней, а потом велите отнести его на кладбище и зарыть или просто сжечь. Надо поскорее с этим делом кончать.

– Бабушка, я не посмею говорить об этом со своим супругом, – улыбаясь, сказала Фын-цзе.

В это время появилась служанка, которую Цзя Лянь послал за Фын-цзе, и сказала:

– Госпожа, второй господин ждет денег!

Фын-цзе пришлось идти домой. Увидев Цзя Ляня, она недовольно сказала:

– Какие деньги? Неужели ты не знаешь, что в последнее время мы испытываем затруднения? С каждым месяцем нам выдают денег меньше и меньше. Вчера я вынуждена была за триста лян заложить два золотых ожерелья, и от этих денег осталось только двадцать с лишним лян. Если тебе нужно, можешь взять!

Она приказала Пин-эр принести деньги и отдать их Цзя Ляню, а затем снова ушла, сославшись на то, что ей нужно кое о чем поговорить с матушкой Цзя.

Цзя Лянь задыхался от негодования, но не мог ничего возразить. Он приказал открыть сундуки Эр-цзе, чтобы взять ее личные сбережения, но там не оказалось ничего ценного: только сломанные шпильки для волос да поношенная одежда. Цзя Лянь был подавлен и возмущен, но, так как смерть Эр-цзе казалась загадочной, он не осмелился поднимать шум. Собрав все вещи Эр-цзе в узел, он отнес их в укромный уголок и сжег, не прибегая к помощи слуг и служанок.

Пин-эр, искренне убитая горем, потихоньку достала где-то двести лян серебра в мелких слитках и, передавая их Цзя Ляню, попросила:

– Только ничего не говорите жене! Разве нельзя поплакать украдкой? Зачем обращать на себя внимание?

– Ты права, – согласился с ней Цзя Лянь.

Приняв серебро, он протянул Пин-эр полотенце для вытирания пота и сказал:

– Этим полотенцем она обычно подпоясывалась дома. Сохрани его мне на память!

Пин-эр взяла полотенце и спрятала.

Получив деньги, Цзя Лянь немедленно распорядился заказать приличный гроб, затем распределил обязанности между слугами и служанками, которые должны были находиться возле покойной. Ночью он не вернулся домой, а остался ночевать возле гроба.

Гроб стоял семь дней. Цзя Лянь не осмеливался устраивать пышных церемоний, но в память о своей любви к Эр-цзе пригласил буддийских и даосских монахов, и они служили молебны о спасении души умершей.

Неожиданно Цзя Ляня вызвала к себе матушка Цзя.

Если вы не знаете, зачем он ей понадобился, прочтите следующую главу.

Глава семидесятая, в которой речь пойдет о том, как Линь Дай-юй возродила общество под названием «Цветок персика» и как Ши Сян-юнь случайно написала стихи об ивовых пушинках

Итак, Цзя Лянь семь дней и семь ночей провел во «дворе Душистой груши», где все это время буддийские и даосские монахи читали молитвы по усопшей.

Матушка Цзя предупредила Цзя Ляня, что не разрешает ставить гроб в родовом храме, и Цзя Ляню не оставалось ничего иного, как переговорить с Ши Цзяо и выбрать место для могилы там же, где была похоронена Ю Сань-цзе.

В день выноса гроба на церемонии присутствовали лишь родные, принадлежащие к семье Ван, да госпожа Ю с невестками. Фын-цзе ни во что не вмешивалась, предоставив Цзя Ляню делать все по своему усмотрению.

Год близился к концу, и ко всем делам прибавились еще новые хлопоты – Линь Чжи-сяо представил список восьми слуг, которые достигли двадцатипятилетнего возраста, но не были женаты и ожидали, пока отпустят девушек-служанок, отслуживших в доме положенный срок, чтобы жениться на них.

Фын-цзе просмотрела список, посоветовалась с матушкой Цзя и госпожой Ван. В доме имелось несколько служанок, которых уже следовало бы отпустить или выдать замуж, но у каждой были свои причины, которые мешали осуществлению этого намерения. Первой была Юань-ян, поклявшаяся никогда не покидать матушку Цзя. С того самого памятного дня она ни разу не разговаривала с Бао-юем, перестала пудриться и румяниться. Все видели, что решение ее твердо, и считали неудобным прибегать к принуждению. Вторая, Ху-по, болела, и выдавать ее сейчас замуж было невозможно. Цай-юнь вследствие недавно нанесенной ей Цзя Хуанем обиды, тоже тяжело заболела. Таким образом, замуж было выдано лишь несколько служанок, которые обычно использовались на черных работах в домах Фын-цзе и Ли Вань. Другие служанки еще не достигли нужного возраста, поэтому остальным слугам было приказано искать себе невест на стороне.

Все это время Ли Вань и Тань-чунь, занятые хозяйственными делами вследствие болезни Фын-цзе, почти не имели свободного времени. А тут еще приближались новогодние праздники, дел прибавилось, поэтому о поэтическом обществе все позабыли.

С приближением весны у Бао-юя появилось больше свободного времени, но настроение не изменилось. Уход Лю Сян-ляня в монахи, самоубийство Ю Сань-цзе, потом смерть Эр-цзе, которую Фын-цзе довела до отчаяния, и, наконец, усилившаяся болезнь У-эр после той ночи, когда она просидела под стражей, – все это произвело на Бао-юя тяжелое впечатление. Он словно помешался, стал заговариваться; казалось, у него началось нервное расстройство. Си-жэнь все время волновалась, но докладывать матушке Цзя не осмеливалась. Она прилагала все усилия, чтобы как-нибудь развлечь Бао-юя.

Проснувшись однажды ранним утром, Бао-юй услышал доносившиеся из передней оживленный говор, шутки, смех.

– Скорее иди сюда! – с улыбкой позвала его Си-жэнь. – Цин-вэнь и Шэ-юэ поймали Фан-гуань и щекочут ее.

Бао-юй поспешно надел подбитую беличьим мехом куртку и выбежал в переднюю. Он увидел девушек, еще не убравших постели и не одетых. На Цин-вэнь была только короткая салатного цвета кофточка из ханчжоуского шелка да длинная красная рубашка. Волосы ее

растрепались. Она сидела верхом на Фан-гуань, а Шэ-юэ в красной сатиновой безрукавке и старом халате, накинутом поверх нее, держала Фан-гуань за бока и щекотала ее. Фан-гуань в пестрой кофте, красных штанах и зеленых чулках лежала на кане лицом кверху, дрыгала ногами и давилась от смеха.

– Ай-я-я! Две больших обижают маленькую! – со смехом воскликнул Бао-юй. – Вот я сейчас вас поцарапаю!

С этими словами он прыгнул на кровать и принялся щекотать Цин-вэнь. Девушка взвизгнула, соскочила с Фан-гуань, собираясь сцепиться с Бао-юем, но Фан-гуань, воспользовавшись удобным моментом, вскочила и навалилась на нее. Глядя на то, как они все вчетвером катаются по кану, Си-жэнь засмеялась:

– Смотрите не простудитесь! Это вам не шутки! Одевайтесь скорее!

Вдруг на пороге появилась Би-юэ.

– Вчера вечером моя госпожа Ли Вань потеряла здесь платок, – сказала она. – Вы его не видели?

– Он здесь, – отозвалась Чунь-янь. – Я подняла его на полу, но не знала, чей он, поэтому выстирала и повесила сушить. Он еще мокрый.

– А у вас здесь весело, – заметила Би-юэ, глядя на Бао-юя, забавлявшегося со служанками. – С самого утра возню затеяли...

– А почему вы не играете? – засмеялся Бао-юй. – У вас людей тоже немало!

– Наша госпожа сама не играет, а это связывает тетушек и барышень, – ответила Би-юэ. – А ныне, когда барышня Бао-цинь перешла жить к старой госпоже, стало еще тише. Потом две тетушки уехали домой до зимы, и у нас совсем опустело. Вы только подумайте, когда барышня Бао-чай отпустила Сян-лин, у нее в доме стало так скучно, словно ее покинула целая толпа людей. Барышня Ши Сян-юнь чувствует себя очень одинокой.

Разговор этот был прерван появлением Цуй-люй, которую Сян-юнь прислала передать:

– Прошу второго господина Бао-юя прийти прочесть замечательные стихи.

Бао-юй поспешно оделся и убежал к Сян-юнь. Там он увидел Дай-юй, Бао-чай, Сян-юнь, Бао-цинь и Тань-чунь, которые сидели рядышком и читали какие-то стихи, написанные на листах бумаги.

– Как поздно ты встаешь! – воскликнули девушки, завидев Бао-юя. – Наше общество не собиралось уже, пожалуй, целый год, и за это время ни на кого не снизошло вдохновение! Скоро праздник начала весны, все обновляется, нам тоже следовало бы как-то встряхнуться!

– Наше общество было создано осенью, потому деятельность его быстро замерла, – подтвердила Сян-юнь. – Ныне, когда все встречают весну, нам следует оживиться, тогда расцветет и наше общество. К тому же у нас есть чудесное стихотворение «Песнь о цветах персика», и я предлагаю переименовать наше общество из «Бегонии» в общество «Цветка персика». Как твое мнение?

– Очень хорошо, – одобрительно кивнул головой Бао-юй и протянул руку за стихотворением.

– А сейчас мы навестим «крестьянку из деревушки Благоухающего риса» и посоветуемся с ней, как возродить наше общество, – решили девушки.

Все встали и направились в «деревушку Благоухающего риса». Бао-юй последовал за ними, на ходу читая стихотворение:

ПЕСНЯ О ЦВЕТАХ ПЕРСИКА

Ласковый ветер восточный у полога,
полог, как персика цвет.

Утром за пологом, красным, как персики,
лень совершать туалет.
Персика цвет расцветает у полога,
девушку полог закрыл.
С девушкой рядом цветущие персики,
полог же их разделил.
Ветер восточный как будто бы с умыслом
полог желает поднять:
Полог цветам не откинуть, чтоб девушку
хоть бы на миг увидеть.
Персик, как в прошлые годы, у полога,
вновь расцветает весной,
Девушка будто бы персик у полога,
стала прозрачной такой.
Эти цветы, видя грустную девушку,
тоже объаты тоской.
Ветер за полог, чтоб новости выведать,
тихо влетает порой.
Ветер кружится у алого полога,
дворик цветами покрыт,
Дворик весеннею яркой картиною
душу все больше томит.
Мох бесполезный во дворике стелется
возле закрытых дверей,
Девушка там под лучами вечерними
возле ограды стоит.
Девушка плачет, к ограде склоняется,
ветер восточный подул,
Рядом цветы свои к юбке сиреневой
персик тайком протянул.
Персика цвет вместе с листьями персика
в пестром смешении тут;
Пурпуром свежим цветы раскрываются,
стынет листвы изумруд.
Дымной завесой туман опускается
между бессчетных стволов.
Ярким огнем запылали строения,
пурпуром алых цветов.
Пламенем их, как парчою узорною,
жарко горит небосвод;
Трезвой подняться с подушки коралловой
хмель вешних дней не дает.
Воду служанка приносит холодную,
таз для воды золотой.
Холод румяна таят, охлажденные
благоуханной водой.
Этих румян красоту освеженную —
с чем ее можно сравнить?
С яркостью вешних цветов – освежаются

девы слезами они.
Рядом струиться с цветами на персике
девушки слезы должны,
Этим цветам придают обаяние
долгие слезы одни.
Очи в слезах на цветах останятся —
высохнут слезы легко,
Высохнут слезы, цветы опечалятся,
кончатся вешние дни.
Тут уж, печалью цветов заслоненная,
девы печаль не видна.
Дева устала, цветы осыпаются,
ночь наступает, темна.
Только кукушки послышится пение,
кончится сразу весна,
Полога нити повиснут в безмолвии,
в небе померкнет луна.

Прочитав стихотворение, Бао-юй не стал громко выражать восхищение, а в задумчивости устремил взгляд в пространство. Ему захотелось плакать, но он спохватился, что другие могут заметить, и сдержал слезы.

– Откуда у вас эти стихи? – спросил он.

– А ты догадайся, кто мог их сочинить! – ответила улыбающаяся Бао-цинь.

– Конечно, это стихи «феи реки Сяоян», – сказал Бао-юй.

– Вот и не угадал, – засмеялась Бао-цинь. – Эти стихи сочинила я.

– Не верю, – засмеялся Бао-юй. – Интонация и обороты не твои.

– Это только доказывает, что ты не разбираешься в поэзии, – заметила Бао-цинь. – Разве Ду Фу каждое свое стихотворение пишет на манер «Когда хризантема опять расцветает, я плачу, как в прежние дни»? У него можно найти и такие выражения, как «Пурпуром пышным слива цветет под дождем» или «Кувшинок зеленая длинная нить под ветром в воде поплыла»!

– Насчет этого ты права, – ответил Бао-юй. – Я уверен, что старшая сестра не позволит тебе писать такие скорбные строки. Да и ты сама, хоть обладаешь незаурядным талантом, не захочешь сочинять подобные стихи. Я уверен, что это сестрица Линь Дай-юй сочинила в минуту скорби и грусти.

Все засмеялись. Между тем все добрались до «деревушки Благоухающего риса» и показали стихи Ли Вань. Она, разумеется, отозвалась о них весьма похвально.

Затем речь зашла о поэтическом обществе, и все уговорились на следующий день, во второй день третьего месяца, собрать общество и изменить его название с «Бегонии» на «Цветок персика». Главой общества было решено назначить Дай-юй.

На следующий день после завтрака все собрались в «павильоне реки Сяоян». Первым делом решили определить темы для стихов.

– Все должны написать по стихотворению из ста строк о цветах персика, – предложила Дай-юй.

– Не годится, – возразила Бао-чай. – Еще в древности было создано множество стихов, посвященных цветку персика, и, если мы станем писать на эту тему, у нас не получится ничего, кроме подражания, да притом еще худшего, чем у тебя. Лучше придумаем другую тему!

– Приехала тетушка, барышень приглашают выйти и справиться о здоровье, – возвестила служанка.

Все вышли, по очереди поклонились супруге Ван Цзы-тэна, поговорили с нею, потом поели, погуляли в саду и, лишь когда настало время зажигать лампы, разошлись.

Следующий день был днем рождения Тань-чунь. Юань-чунь прислала двух евнухов с подарками. Но о том, как праздновался день рождения Тань-чунь, мы рассказывать не будем.

После обеда Тань-чунь оделась в парадное платье и отправилась поклониться старшим.

– Мы не вовремя задумали вновь открывать наше общество! – говорила Дай-юй сестрам. – Я совершенно забыла, что у сестры Тань-чунь день рождения. Вина, угощений и спектаклей не будет, но все равно придется пойти вместе с нею к старой госпоже и целый день посвящать разговорам и шуткам. Разве у нас останется время на стихи?! Вследствие этого собрание общества было решено перенести на пятый день месяца.

В этот день после завтрака от Цзя Чжэна было получено письмо. И когда Бао-юй справился о здоровье матушки Цзя, та попросила его прочесть вслух письмо отца.

В начале письма Цзя Чжэн справлялся о здоровье матушки, а затем сообщал, что в шестом месяце вернется в столицу. Вместе с тем были получены письма лично для Цзя Ляня и для госпожи Ван, которые те прочли сами.

Услышав о скором возвращении Цзя Чжэна домой, все были бесконечно рады.

Ван Цзы-тэн в это время просватал свою племянницу за сына Баонинского хоу, и она должна была в пятом месяце переехать в дом мужа, вследствие чего Фын-цзе занималась подготовкой к свадьбе и по несколько дней не бывала дома.

Как-то раз жена Ван Цзы-тэна приехала к ним и пригласила Фын-цзе, а заодно племянников и племянниц, провести день у нее. Матушка Цзя и госпожа Ван велели Бао-юю, Тань-чунь, Дай-юй и Бао-чай вместе с Фын-цзе поехать к жене Ван Цзы-тэна. Никто не осмелился отказываться, все нарядились и отправились в гости. Там они провели весь день и вернулись лишь к вечеру.

Возвратившись во «двор Наслаждения розами», Бао-юй прилег отдохнуть. Воспользовавшись этим, Си-жэнь подседа к нему и принялась уговаривать, чтобы он собрался с мыслями, привел в порядок книги и приготовился к приезду отца.

– Еще рано, – отмахнулся от нее Бао-юй, на пальцах подсчитав, когда может приехать отец.

– Ну ладно, книги дело второстепенное, – уступила Си-жэнь, – но, если батюшка спросит, что ты за это время писал, как ты отговоришься?

– Но ведь я все время пишу, – возразил Бао-юй. – Неужели ты ничего не собрала?

– Как не собрала? – вскричала Си-жэнь. – Вчера, когда тебя не было дома, я все вынула и пересчитала; оказалось, всего пятьсот шестьдесят листов. Неужели так мало ты написал за эти годы? Я считаю, что с завтрашнего дня тебе нужно отказаться от всех шалостей и усиленно приняться за писание. Хотя ты не успеешь написать все, что полагается на каждый день, но во всяком случае посмотреть будет на что.

Вняв ее совету, Бао-юй проверил сделанные им немногочисленные записи и обещал:

– Начиная с нынешнего дня я ежедневно буду писать по сто иероглифов.

Они поговорили еще немного и легли спать.

На следующее утро Бао-юй умылся, сел возле окна и принялся уставным почерком писать прописи по трафарету.

Матушка Цзя, долгое время не видя Бао-юя, решила, что он заболел, и прислала служанку узнать о его здоровье. Только после этого Бао-юй отправился поклониться матушке Цзя и рассказал ей, что явился так поздно потому, что все это время усердно занимался каллиграфией. Матушка Цзя очень этому обрадовалась и наказала ему:

– Можешь не приходить ко мне каждый день, лучше побольше читай и пиши. Пойди и предупреди об этом свою мать!

Бао-юй с радостью поспешил в комнаты госпожи Ван и передал ей слова бабушки.

– Точить копье перед боем бесполезно! – заметила госпожа Ван. – Если ты даже будешь торопиться, заниматься дни и ночи, все равно не сможешь выполнить все, что нужно. От такой спешки можно только заболеть.

– Ничего, все обойдется благополучно, – ответил Бао-юй.

– Не волнуйтесь, госпожа, – успокаивали ее Бао-чай и Тань-чунь. – Читать он, правда, должен сам, но в письме мы можем ему помочь. Отныне каждая из нас будет ежедневно писать для него по одному разделу, и благодаря этому он сумеет выполнить все, что от него требуется. Тогда его батюшка не будет сердиться, да и Бао-юй не заболеет от чрезмерного напряжения и спешки.

Госпожа Ван улыbnулась:

– Вот и хорошо!

Когда Дай-юй услышала, что возвращается Цзя Чжэн, она поняла, что он непременно станет спрашивать Бао-юя, чему тот научился за время его отсутствия. Зная, что Бао-юй запустил занятия и может заболеть от переутомления, если начнет усиленно наверстывать упущенное, Дай-юй перестала напоминать о поэтическом обществе и, сказываясь больной, сидела дома. Что же касается Тань-чунь и Бао-чай, то они ежедневно переписывали для Бао-юя по одному разделу уставным почерком. Сам Бао-юй тоже старался и в отдельные дни переписывал по двести—триста иероглифов.

Когда наступила третья декада третьего месяца, накопилось уже достаточное количество листов, исписанных иероглифами.

Принявшись подсчитывать листы, Бао-юй обнаружил, что если ему удастся переписать еще несколько разделов, он оправдается перед отцом. И тут как раз Цзы-цзюань принесла свиток. Развернув его, Бао-юй на плотной глянцевитой бумаге увидел мелким почерком скопированные каллиграфические образцы Чжун Яо и Ван Си-чжи, причем почерк точь-в-точь совпал с почерком Бао-юя.

Обрадованный Бао-юй поклонился Цзы-цзюань, затем побежал благодарить Дай-юй. А после этого ему по нескольку разделов переписанных иероглифов прислали Сян-юнь и Бао-цинь. Хотя выполнены были не все уроки, но этого было достаточно, чтобы Бао-юй не беспокоился. Он собрал все необходимые книги и стал их повторять.

Но в те дни, когда Бао-юй столь ревностно занимался, в местностях, прилегающих к морю, пронесся ураган, и было разорено несколько селений, о чем местные чиновники представили доклад государю. В ответ на это государь повелел Цзя Чжэну провести расследование и оказать помощь пострадавшим... Таким образом, его возвращение затягивалось до конца седьмого месяца.

Как только Бао-юй узнал об этом, он снова забросил учение и стал по-прежнему предаваться развлечениям.

В это время была пора поздней весны. Ши Сян-юнь сделалась печальной и задумчивой и однажды, глядя, как на ветру кружатся ивовые пушинки, сочинила стихотворение на мотив «Мне словно снится».

Лишь только пушинок,
как шелковых нитей, появится стая,
Уж дымкой душистой
приподнятый полог они наполняют.
Я хрупкой рукою
все время стараюсь поймать их.
Но тщетно! Лишь ревность
кукушек и ласточек я вызываю.
Не мчитесь, пушинки! Не мчитесь, пушинки!

Зачем вы спешите —
ведь с вами умчится весна молодая!

Стихотворение ей понравилось, она переписала его начисто, дала прочесть Бао-чай, а затем пришла с ним к Дай-юй.

– Замечательно! – прочитав стихотворение, одобрила Дай-юй. – И оригинально, и интересно!

– Ни на одном собрании нашего общества не писали стихов в жанре «цы», – заметила Сян-юнь. – Почему бы на завтрашнем собрании не предложить всем написать по стихотворению в этом жанре? Разве это не будет ново и необычно?!

– Ты права, – с воодушевлением произнесла Дай-юй.

– А может быть, воспользоваться хорошей погодой и созвать общество сейчас же? – высказала пожелание Сян-юнь.

– Тоже можно, – согласилась Дай-юй.

Они распорядились приготовить фруктов и через служанок разослали приглашения барышням.

Оставшись одни, девушки договорились, что предложат в качестве темы для стихов «Пушинки ивы», наметили мотивы, все это записали на листке бумаги и наклеили на стену.

Собравшись, все прочли задание, сравнили его со стихами, написанными Сян-юнь, и выразили восхищение.

– Я плохо пишу стансы. Наверное, у меня опять получится какая-нибудь ерунда, – заранее предупредил Бао-юй.

Затем вытянули жребий. Бао-чай зажгла благовонную свечу, и все погрузились в задумчивость.

Первой закончила стихотворение Дай-юй и переписала его. За нею записала свое стихотворение Бао-цинъ.

– Я тоже кончила, – заметила Бао-чай, – но лучше сначала прочтем, что написали вы, а потом просмотрим мое стихотворение.

– Как быстро тает свеча! – воскликнула Тань-чунь. – Она почти сгорела, а у меня готова только половина стихотворения... – И затем спросила у Бао-юя: – Как у тебя?

Собственно говоря, Бао-юй уже сочинил стихотворение, но ему показалось, что получилось плохо, поэтому он принялся сочинять снова. Однако свеча догорела.

– Бао-юй снова проиграл, – с улыбкой заявила Ли Вань. – А как дела у «гостыи из-под Банана»?

Тань-чунь торопливо записала все, что успела сочинить. Это была лишь половина стихотворения на мотив «Правитель Нанькэ».

Напрасно пушинки
висят, как тончайшие сети,
Свисают напрасно,
как ниток тончайших моток.
Никто бы не мог их сплести воедино,
никто удержать их не мог.
И все они в разные стороны мчатся:
на север, на запад, на юг, на восток.

Ли Вань сказала:

– Неплохо! Почему ж ты не закончила?

Так как Бао-юй проиграл и ему не хотелось писать как попало, он бросил кисть и подошел к остальным, чтобы принять участие в чтении стихотворений, которые написали сестры. Прочитав половину стихотворения Тань-чунь, он вдруг воодушевился, схватил кисть и продолжил:

Мы все улетаем —
    пусть грусть не владеет сердцами.
Куда мы стремимся —
    лишь мы это ведаем сами.
Печалятся иволги, бабочкам трудно
    под вечер гоняться за нами;
Мы с вами сегодня прощаемся на год,
    мы к вам возвратимся с весенними днями.

Все засмеялись.

– Сочинить стихотворение не сумел, а тут быстро нашелся. И все же засчитать тебе его нельзя.

Затем стали читать стихотворение Дай-юй. Оно было написано на мотив «Тан-до-лин»:

Как пудра упала
    на острове Байхуачжоу —
Цветы опадают
    повсюду вокруг Яньцзылоу.
Вы стая за стаей кружитесь,
    в клубок сочитаетесь мягкий, пуховый, —
Нигде вам, пушинки, не будет приюта,
    вы так же, как люди, несчастны,
Напрасно сплетаетесь вместе
И ищите нежное слово.

Деревья и травы
    ведь тоже тоскуют, страдают,
И пух сединою
    цветение их прикрывает.
Печальная участь пушинок!
Кто выпустил их? Кто их после поймает?

Вы свадьбу справляете с ветром восточным,
    и вас забывает весна.
Уж вы далеко улетели,
    и вас удержать не могла я.

Прочитав стихотворение, все одобрительно закивали и растроганно вздохнули:

– Что хорошо, то хорошо! Только слишком грустно!

Затем перешли к стихотворению Бао-цинь, написанному на мотив «Луна над Сицзяном»:

Вас встретишь немного
    в местах, где раскинулись Ханьские парки,
Вы Суйские дамбы
    покрыли густой бесконечной тенью.

Пушинки свои вы вверяете ветру с востока,
трех месяцев вешних творенье;
Всего через месяц
как сон пролетает и груши цветенье.

В каком это месте
краснеют дворы от цветов облетевших?
В каком это доме
весь полог в снежке ароматных пушинок? —
На север от Цзяна и к югу от Цзяна
увидишь ты эти картины.
От них еще горше
тоска по родной стороне на чужбине.

– Чувствуется печаль, но звучит проникновенно, – окончив читать, заметили девушки. – Особенно хороши фразы, начинающиеся со слов «В каком это месте» и «В каком это доме».

– Чувствуются упадочнические настроения, – с улыбкой заметила Бао-чай. – Мне кажется, ивовый пух – самое что ни есть легкое на свете, и, чтобы стихотворение не было слишком подражательным, пух так и надо воспевать. Мое стихотворение по духу, может быть, не согласуется с вашими.

Она стала читать стихотворение, написанное на мотив «Бессмертный из Линьцзяна»:

Возле нефритовых белых покоев
пляшут снежинки весной;
Ветер восточный
веет повсюду, пушинки взметая.

– Замечательная фраза: «Ветер восточный веет повсюду»! – перебила Сян-юнь. – Больше того, гениальная!

Бао-чай продолжала:

Носятся пчелы меж ними роями,
бабочек кружатся стаи.
Скоро ль пушинки
вслед за водою умчатся?
Что их спускаться
в душистую пыль заставляет?
Тысячи тонких, как шелк, паутинок
с ив неизменно летят,
То рассыпаясь,
то собираясь, проносятся роем.
«Мы рождены без корней, но цветы
пусть не смеются весною:
Ветер веселый
силы своей не жалеет,
В синие тучи
нас поднимает с собою».

Раздались одобрительные восклицания, все захлопали в ладоши.

– В самом деле, как все замечательно переосмыслено! Это лучшее из всех наших стихотворений! От него не веет такой грустью, как от стихотворения «феи реки Сяоян», и оно привлекательнее стихотворения «подруги Утренней зари». Бао-цин и «гостя из-под Банана» на сей раз проиграли и должны быть оштрафованы!

– Разумеется, оштрафовать их следует, – согласилась Бао-цин. – Но как оштрафуют того, кто сдал чистый лист?

– Не волнуйтесь, – успокоила ее Ли Вань, – мы его в назидание оштрафуем особо!

Не успела она окончить фразу, как во дворе в ветвях бамбука послышалось шуршание, словно что-то упало. Все испуганно вздрогнули и решили выйти посмотреть, что произошло. Но тут девочки-служанки доложили:

– В ветвях бамбука запутался большой бумажный змей.

– Самый настоящий змей! – подтвердили другие служанки. – Его кто-то запустил, но нитка оборвалась. Мы сейчас его снимем.

– Я знаю, чей это змей, – заметил Бао-юй, вышедший во двор вслед за сестрами. – Его запустила барышня Янь-хун, которая живет во дворе старшего господина Цзя Шэ. Снимите его и отнесите ей!

– Неужели во всей Поднебесной только у нее такой змей? – улыбнулась Цзы-цзюань. – Вы всегда, второй господин, слишком самоуверенны! Но мне все равно, могу и отнести.

– Цзы-цзюань очень жадная! – заметила Тань-чунь. – Разве справедливо забирать чужой змей, который случайно упал к нам? Об этом и думать нельзя!

– В самом деле! – воскликнула Дай-юй. – Пусть принесут наши змеи, и мы запустим их в воздух, чтобы отогнать от себя несчастья.

Как только служанки услышали, что барышни собираются запускать змеи, они не могли удержаться от радостных восклицаний и со всех ног бросились выполнять приказание. Вскоре они вернулись, неся змеи самой причудливой формы. Одни были похожи на гусей, другие – на человеческие фигуры. Принесли также все необходимые приспособления для запуска змеев: высокие скамейки, крестовины, моталки для наматывания ниток.

Бао-чай и другие девушки стояли у ворот, а служанкам велели выйти на открытое место и запускать змеи.

– Твой змей некрасивый, – сказала Бао-цин старшей сестре. – Лучше бы запустить того большого, с крыльями, похожего на феникса, который принадлежит третьей сестре Тань-чунь.

Тогда Бао-чай повернулась к Цуй-мо и попросила ее:

– Принеси вашего змея, мы и его запустим!

Бао-юй, придя в восторг, тоже попросил одну из служанок пойти к нему домой за змеем.

– Принеси тот, что похож на большую рыбу, – наказывал он, – его вчера прислала мне тетушка Лай.

Через некоторое время девочка вернулась со словами:

– Того змея вчера запускала барышня Цин-вэнь, – он улетел.

– Но ведь я его ни разу не запускал! – вскричал Бао-юй.

– Это все равно, – заметила Тань-чунь, – они запустили его, чтобы отогнать от тебя все несчастья.

– Тогда принеси того, который похож на краба, – приказал девочке Бао-юй.

Девочка снова ушла, а через некоторое время явилась в сопровождении других служанок, которые несли «красавицу» и моталку с нитками.

– Барышня Си-жэнь велела передать вам, что «краба» вчера отдали третьему господину Цзя Хуаню, – сказала она Бао-юю. – А этого только что прислала старшая тетушка Линь, так что можете запустить его.

Бао-юй внимательно осмотрел «красавицу» – змей был сделан довольно искусно. Очень довольный, Бао-юй велел запустить его.

Между тем принесли змея Тань-чунь, и девочки-служанки запустили его со склона горки. Тогда Бао-цинъ распорядилась запустить «летучую мышь», а Бао-чай – «цепочку из семи диких гусей». Только «красавицу» Бао-юя никак запустить не удавалось. Бао-юй злился, ругал служанок, что они не умеют запускать змеев, пытался запускать сам, но змей, поднявшись лишь на высоту дома, бессильно падал на землю. От волнения Бао-юй даже вспотел. Все над ним смеялись.

Наконец, выйдя из себя, он швырнул злополучный змей на землю и крикнул:

– Если б это не была «красавица», я растоптал бы его ногами!

– Змей не подымается потому, что верхняя нитка плохо завязана, – сказала ему Дай-юй. – Прикажи служанкам завязать ее как следует, и змей сразу взлетит. А пока можешь запустить какой-нибудь другой!

Запрокинув головы, все следили за змеями. От ветра змеи рвались вверх, и служанки, обмотав руки платками, чтобы не врезалась нитка, постепенно отпускали их дальше и дальше.

Заметив, что ветер постепенно усиливается, Дай-юй отпустила моталку, которая свободно завертелась; однако вскоре нитка оборвалась, и змей улетел.

– Ну вот, источник всех зол и болезней Дай-юй улетел, – обрадовались девушки. – Теперь будем запускать мы!

Девочки-служанки ножницами разрезали нитки у других змеев, и змеи понеслись по ветру, быстро удаляясь. Вскоре они были величиною с куриное яйцо, затем превратились в еле заметные точки и наконец вовсе исчезли из виду.

– Ах как интересно! Как чудесно! – восклицали девушки, глядя в небо.

Вскоре пришли служанки звать всех к обеду – пришлось разойтись. Отныне Бао-юй уже не осмеливался, как в прежние дни, забрасывать занятия. Он все время писал и читал, а когда ему становилось скучно, он играл с сестрами либо отправлялся в «павильон реки Сяосян» поболтать с Дай-юй. Сестры знали, что он запустил занятия и ему нужно заниматься, поэтому старались не тревожить его. Дай-юй больше всех опасалась, что вот-вот вернется Цзя Чжэн и разгневется на Бао-юя, поэтому всякий раз, когда Бао-юй появлялся у нее, она старалась поскорее спровадить его под предлогом, что ей хочется спать. Таким образом, Бао-юю приходилось большую часть времени проводить в одиночестве за занятиями.

Не успели оглянуться, как пролетело лето и подошла осень. И вот в один прекрасный день от матушки Цзя прибежали две служанки звать Бао-юя.

Если вы хотите узнать, что произошло, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят первая, которая повествует о том, как обиженные и недовольные старались породить недовольство и вражду и как влюбленные неожиданно повстречались с Юань-ян

Итак, служанки матушки Цзя разыскали Бао-юя и сказали ему:

– Второй господин, скорее следуйте за нами – отец вернулся!

Выслушав такое известие, Бао-юй обрадовался и вместе с тем опечалился, но ему осталось лишь поскорее переодеться и бежать справляться о здоровье отца.

Цзя Чжэн находился в это время в комнате матушки Цзя. Он явился туда сразу, как только приехал, даже не успев переодеться. При виде Бао-юя на его лице появилось радостное выражение, но вскоре оно сменилось беспокойством.

Поговорили немного о служебных делах Цзя Чжэна, затем матушка Цзя сказала:

– Ты устал, отдохни!

Цзя Чжэн поддакнул, встал и, произнеся еще несколько ничего не значащих фраз, вышел.

Бао-юй последовал за отцом. Когда они вышли, Цзя Чжэн осведомился, как идут у него занятия, и после этого они расстались.

Надо сказать, что, вернувшись в столицу, Цзя Чжэн не осмелился явиться прямо домой, пока не доложил о выполнении высочайшего повеления.

Цзя Чжэнь и Цзя Лянь выехали встречать Цзя Чжэна на ближайшую станцию. Однако Цзя Чжэн, первым делом справившись, как себя чувствует матушка Цзя, велел им возвратиться домой и ждать его там. На следующий день, представ перед лицом государя и покончив со всеми делами, он наконец отправился домой. Государь милостиво разрешил ему месяц отдохнуть.

Цзя Чжэн был уже в преклонном возрасте, от усталости, чрезмерного напряжения и длительного пребывания на чужбине он чувствовал себя неважно, поэтому несказанно обрадовался, что снова встретился с родными. Он не вмешивался ни в какие домашние дела, все время читал, а когда ему становилось скучно, играл с друзьями в шахматы, пил вино или же беседовал с женой и с сыном, наслаждаясь пребыванием в семейном кругу.

В третий день восьмого месяца, когда матушке Цзя исполнилось восемьдесят лет, должны были собраться все родные и друзья. Цзя Шэ и Цзя Лянь, опасаясь, что не хватит мест для приема многочисленных гостей, решили, что лучше одновременно устроить празднество во дворцах Жунго и Нинго, начиная с двадцать восьмого числа седьмого месяца до пятого числа восьмого месяца.

Когда наступили празднества, во дворец Нинго пригласили мужчин, а во дворец Жунго – женщин. В «саду Роскошных зрелищ» для отдыха гостей убрали «покои Узорчатой парчи», «зал Счастливой тени» и несколько других наиболее просторных помещений.

Когда настал двадцать восьмой день седьмого месяца, пригласили в гости родных и близких императора, ванов и гунов из императорской фамилии, их жен и наложниц. Двадцать девятого числа на пиру побывали губернаторы провинций и другие высшие сановники с женами. Тридцатого числа в дом Цзя съехались со своими женами высокопоставленные чиновники, родственники и близкие друзья как по мужской, так и по женской линии. Первого числа состоялся семейный пир у Цзя Шэ, второго числа – у Цзя Чжэна, третьего числа – у Цзя Чжэня и Цзя Ляня, четвертого числа остальные члены семьи Цзя устроили общий пир. Пятого числа пир устроили Лай Да, Линь Чжи-сяо, а также другие управляющие и слуги.

Что же касается подношения подарков, то оно началось с первой декады седьмого месяца и тянулось непрерывно, до самого окончания праздников.

Из ведомства церемоний по повелению императора прислали жезл «жуи» из золота и яшмы, четыре куска цветного шелка, четыре золотых и яшмовых кубка и пятьсот лян серебра. Юань-чунь через евнуха прислала золотую статуэтку бога долголетия, посох из благовонного дерева, четки из келантанского жемчуга, коробочку благовоний, слиток золота, четыре пары слитков серебра, двенадцать кусков узорчатого шелка и четыре яшмовых кубка... Что же касается подарков от императорских родственников, а также гражданских и военных сановников различных рангов, то их и счесть невозможно.

На женской половине дворца расставили большие столы, застланные красным шерстяным войлоком. На столах были выставлены самые редкостные подарки. Матушку Цзя пригласили посмотреть их. В первые два дня она осматривала подарки с удовольствием, но затем устала и только говорила:

– Пусть все принимает Фын-цзе, а я посмотрю, когда будет время.

Двадцать восьмого числа во дворцах Нинго и Жунго развесили фонари, дома украсили полотнищами и флагами, расставили ширмы с изображением луаней и фениксов и расстелили матрацы, на которых были вышиты лотосы. Отовсюду слышались звуки флейт, свирелей, барабанов.

В этот день во дворце Нинго пировали только Бэйцзинский ван, Наньаньский цзюнь-ван, императорский зять Юань-чан, Юэшаньский цзюнь-ван и несколько других знатнейших наследственных гунов и хоу. Во дворце Жунго пир возглавляли супруга Наньаньского вана и супруга Бэйцзинского вана, а также жены отличившихся гунов и хоу, которые уже в течение нескольких поколений находились в дружеских отношениях с семьей Цзя.

Матушка Цзя и другие принимали гостей, одетые в одежды, соответствующие их званию. Сначала гостям предлагали пройти в «зал Счастливой тени». Там они переодевались, пили чай и лишь после этого следовали в «зал Процветания и счастья», чтобы пожелать долголетия матушке Цзя.

После всех церемоний гости сели за стол. Циновку, лежавшую на почетном месте, заняли жены Бэйцзинского и Наньаньского ванов. Ниже их поместились жены гунов и хоу. На циновке с левой стороны уселись жены Цзиньсянского хоу и Линьчанского бо, а с правой стороны восседала матушка Цзя.

Госпожа Син, госпожа Ван, госпожа Ю, Фын-цзе и остальные невестки рядами стояли по обе стороны от матушки Цзя. Жена Линь Чжи-сяо, жена Лай Да и другие служанки стояли за дверью, готовые в любую минуту внести закуски. Жена Чжоу Жуя с девочками-служанками стояла за ширмой в ожидании приказаний.

Слугам гостей тоже оказали радушный прием.

Двенадцать девочек, наряженных слугами, со сцены поздравили матушку Цзя и ожидали распоряжения начинать спектакль. Принесли программу спектакля. Ее перехватила служанка и передала жене Линь Чжи-сяо.

Жена Линь Чжи-сяо положила программу на небольшой чайный поднос, внесла ее в дом и передала Пэй-фын. Та вручила программу госпоже Ю, которая поднесла ее к циновке, где сидели жены Наньаньского и Бэйцзинского ванов. Те выбрали по одному акту, а затем передали программу остальным, чтобы и они выбрали по акту на свой вкус.

Вскоре в четвертый раз переменили блюда, затем последовал рисовый отвар. Потом слугам гостей были розданы подарки, и наконец все вышли из-за стола, переоделись и отправились в сад, куда был подан чай.

Жена Наньаньского вана поинтересовалась, где Бао-юй.

– Нынче в нескольких храмах читают «Канон о сохранении спокойствия и долголетия», – ответила ей матушка Цзя, – Бао-юй тоже молится.

Тогда гостя спросила о барышнях. Матушка Цзя объяснила:

– Одни из них болеют, другие застенчивы, боятся появляться на людях, поэтому я поручила им присматривать за комнатами. Так как актеров у нас много, я послала им другую труппу, и они вместе с тетушками смотрят спектакль.

– Если можно, пусть их пригласят сюда, – попросила жена Наньаньского вана.

Матушка Цзя приказала Фын-цзе привести Сян-юнь, Бао-чай, Бао-цин и Дай-юй и добавила:

– Пусть с ними придет Тань-чунь!

Фын-цзе кивнула и направилась в комнаты матушки Цзя, где увидела сестер, которые ели фрукты и смотрели спектакль. Здесь находился и Бао-юй, только что возвратившийся из храма. Фын-цзе передала им приказание матушки Цзя. Бао-чай с младшей сестрой, Сян-юнь, Дай-юй и Тань-чунь вместе с нею отправились в сад, поклонились гостям и справились об их здоровье. Некоторые гости уже не раз видели девушек, иные встречались с ними впервые, но все в один голос хвалили их. Жене Наньаньского вана более всех была знакома Сян-юнь, поэтому, подозвав девушку, она ласково упрекнула ее:

– Ты знала, что я приехала, – почему не вышла ко мне? Или дожидалась особого приглашения? Вот я завтра поговорю с твоим дядей!

Затем она привлекла к себе Тань-чунь, другой рукой обняла Бао-чай и спросила их:

– Сколько вам лет?

Не дожидаясь ответа, она принялась восхищаться ими и рассыпаться в похвалах. Затем она отпустила девушек, подозвала Дай-юй и Бао-цин, внимательно оглядела их и похвалила:

– Все как одна очень хорошенькие! Не знаю, кого предпочесть!

По ее приказанию для каждой девушки принесли подарки: по пять колец из золота и яшмы и пять связок с четками из ароматного дерева.

– Вы только не смейтесь над моими ничтожными подарками, – попросила девушек жена Наньаньского вана. – Пока оставьте их себе, а потом, если хотите, можете отдать служанкам!

Девушки почтительно поклонились и поблагодарили ее. Жена Бэйцзинского вана тоже одарила девушек, а за нею поднесли подарки им и другие гости. Но об этом рассказывать незачем.

После чаепития гости совершили прогулку по саду, и матушка Цзя снова пригласила всех к столу. Однако жена Наньаньского вана стала отказываться:

– Я чувствую себя не совсем здоровой и приехала только ради того, чтобы вас не обидеть. Простите, что я так рано покидаю вас.

Матушка Цзя сочла неприличным удерживать гостью и проводила ее до ворот, где та села в свой паланкин. Жена Бэйцзинского вана посидела еще немного и тоже стала прощаться. Потом еще кое-кто откланялся. Другие гости досидели за столом до окончания пиршества.

Матушка Цзя очень устала, поэтому на следующий день никого не принимала. Вместо нее гостей встречала и угощала госпожа Син. Если же с поздравлениями и пожеланиями счастья приезжали мужчины из наиболее знатных семей, их провожали в гостиную, где Цзя Шэ, Цзя Чжэн и Цзя Чжэнь принимали поздравления, а затем приглашали гостей к столу во дворец Нинго. Но это уже не столь важно.

В последние дни госпожа Ю была очень занята. Она даже на ночь не возвращалась во дворец Нинго. Днем она принимала гостей, вечером развлекала матушку Цзя, помогала Фын-цзе принимать и выдавать посуду, получать и прибирать подарки, а затем, когда уже было совсем поздно, она отправлялась ночевать к Ли Вань.

В этот вечер после ужина матушка Цзя сказала ей:

– Ты переутомилась, да и я устала. Пойди пораньше поужинай и отдыхай! Завтра придется рано встать.

Госпожа Ю кивнула, попрощалась и отправилась ужинать к Фын-цзе.

Фын-цзе была наверху во флигеле, где присматривала за слугами, которые убрали ширму, подаренную матушке Цзя. В комнате находилась только Пин-эр, которая разбирала и раскладывала одежду. При виде ее госпожа Ю сразу вспомнила, как Пин-эр заботилась о покойной Эр-цзе, и, кивая головой, сказала:

– Милая девочка! Ты так добра, а сколько тебе приходится здесь терпеть!

Пин-эр расстроилась, глаза ее покраснели, и она поспешно перевела разговор на другую тему.

– Твоя госпожа уже ужинала? – спросила ее госпожа Ю.

– Нет. Она собиралась пригласить вас, – ответила Пин-эр.

– Тогда пойду к кому-нибудь другому, – проговорила госпожа Ю. – Я сильно проголодалась и больше ждать не могу.

С этими словами она повернулась и собралась уходить.

– Погодите, госпожа, – остановила ее Пин-эр. – У меня есть пирожки, – пока перекусите, а когда моя госпожа вернется, будем ужинать.

– Ты очень занята, – ответила госпожа Ю. – Я пойду в сад, поболтаю с девушками.

Она направилась к выходу, и Пин-эр не удерживала ее.

Подойдя к саду, госпожа Ю обнаружила, что главные и боковые ворота еще не заперты. Повсюду горели разноцветные фонарики. Госпожа Ю обернулась к своей девочке-служанке и приказала ей позвать женщину, которая должна была здесь дежурить. Девочка побежала в домик для привратников, но там не оказалось ни души. Она вернулась и рассказала об этом госпоже Ю. Та распорядилась немедленно позвать экономок. Девочка побежала к кладовым, где обычно экономки советовались по разным делам и получали все необходимое. Здесь она застала двух женщин, деливших доставшиеся им фрукты и кушанья.

– Где экономки? – спросила девочка. – Госпожа из восточного двorca хочет с ними поговорить!

Но женщины были так поглощены дележкой, что не придали значения словам девочки.

– Экономки только что разошлись, – небрежно ответили они.

– Позовите их! – настаивала девочка.

– Мы присматриваем за комнатами, а вызывать людей не наше дело, – ответили те. – Если тебе кто-то нужен, пошли посыльного!

– Ай-я-я! Вздумали бунтовать! – вскричала девочка. – Значит, не хотите их вызывать? Можете обманывать новеньких служанок, но не меня. Если б дело касалось вас лично или вам обещали бы хорошую награду, вы бросились бы искать кого угодно, даже не зная, кто вам приказывает! Если бы вторая госпожа Фын-цзе велела кого-нибудь вызвать, вы не посмели бы так отвечать!

Женщины смутились, но лишь на момент. Дело в том, что до прихода девочки они хлебнули немного вина, да и девочка задела их за больное место; поэтому их смущение быстро перешло в гнев.

– Ах, чтоб ты лопнула! – закричали они. – Наше дело – вызывать или не вызывать! Тебя это не касается! Чего нас задираешь? Лучше погляди на своих родителей – они, наверное, больше лебезят перед господами, чем мы! В каждом доме свой хозяин; если у тебя есть право, командуй своими людьми! А теперь катись отсюда!

– Ладно! – промолвила девочка, бледнея от негодования. – Еще попомните меня!

Она повернулась и побежала к госпоже Ю.

Госпожа Ю уже успела войти в сад, где встретила Си-жэнь, Бао-цинь и Сян-юнь; они шутили с двумя монашками из «монастыря Ди-цзан-вана».

– Я очень проголодалась, – сказала им госпожа Ю.

Си-жэнь повела ее во «двор Наслаждения розами» и угостила мясными блюдами и сладостями. Здесь ее и нашла девочка-служанка. Она была рассержена и передала госпоже Ю содержание только что происшедшего разговора.

– Что это за женщины? – выслушав ее, с возмущением спросила госпожа Ю.

– Ты, барышня, тоже вспылчива, – засмеялись монашки, подталкивая девочку под бок. – Эти старухи глупы, и не следовало пересказывать госпоже их болтовню. Госпожа за эти дни и так утомилась, даже поесть не успевает. Мы должны стараться оберегать ее покой, а ты ее расстраиваешь!

Си-жэнь тоже засмеялась, подхватила девочку под руку и потащила прочь, говоря при этом:

– Милая сестрица, иди к себе, а я велю позвать экономок!

– Не нужно никого за ними посылать, лучше позови тех двух женщин, – приказала госпожа Ю, – а потом попроси сюда госпожу Фын-цзе.

– Я пойду за ними, – отозвалась Си-жэнь.

– Самой тебе незачем ходить, – возразила госпожа Ю.

– Вы всегда так добры и милосердны, госпожа! – вскричали монашки, приближаясь к госпоже Ю. – Нынче день рождения старой госпожи – неудобно в такой день сердиться!

Бао-цинь и Сян-юнь тоже принялись уговаривать госпожу Ю забыть о происшедшем.

– Ладно! – уступила наконец госпожа Ю. – Если б это произошло в другой день, я ни за что бы не простила!

Тем временем Си-жэнь успела послать служанку к воротам сада за людьми. Служанке навстречу попала жена Чжоу Жуя, и девочка передала ей все, о чем только что говорилось.

Жена Чжоу Жуя не ведала хозяйственными делами, но она приехала во дворец вместе с госпожой Ван, поэтому пользовалась уважением. Она была ловка и хитра, умела льстить кому нужно и снискать расположение, благодаря чему хозяева любили ее. И вот сейчас, услышав рассказ девочки, она взволновалась и, словно на крыльях, полетела во «двор Наслаждения розами», приговаривая:

– Вот беда-то! Рассердили госпожу! И как назло меня там не было! Надо было на первый случай дать им по щекам, а через несколько дней наказать как следует!

Увидев ее, госпожа Ю улыбнулась и поманила к себе:

– Иди сюда, сестра Чжоу, я хочу кое-что тебе сказать. Разве годится, что в такое позднее время ворота сада открыты, повсюду горят фонари и люди ходят туда-сюда без надзора? А если случится что-нибудь... Я хотела приказать, чтобы заперли ворота и погасили фонари, но представь себе – поблизости не оказалось ни души!

– Вот как! – воскликнула жена Чжоу Жуя. – Недавно то же самое приказывала вторая госпожа Фын-цзе, а сегодня опять непорядок! Придется высечь нерадивых служанок!

Госпожа Ю рассказала ей все, что слышала от своей служанки.

– Не сердитесь, госпожа, – стала успокаивать ее жена Чжоу Жуя. – Как только кончится праздник, я доложу обо всем управительнице и попрошу ее побить ту негодницу. Погасить фонари и запереть ворота я уже распорядилась. Успокойтесь, пожалуйста, госпожа!

Пока шла вся эта суматоха, от Фын-цзе прибежала служанка звать госпожу Ю ужинать.

– Я не голодна – съела несколько пирожков, – ответила госпожа Ю. – Передай своей госпоже, чтоб она ужинала без меня.

Вскоре жена Чжоу Жуя ушла и доложила Фын-цзе обо всем случившемся. Та распорядилась:

– Запишите имена этих женщин, а через несколько дней пусть их свяжут и отправят во дворец Нинго, чтобы госпожа Ю наказала их по своему усмотрению. Велит она их побить или простит – дело ее. Подумаешь, важное происшествие!

Жена Чжоу Жуя нетерпеливо хмыкнула – она давно была не в ладах с этими женщинами. Подозвав мальчика-слугу, она велела ему пойти к жене Линь Чжи-сяо, передать ей приказание Фын-цзе и велеть немедленно явиться к госпоже Ю. Вместе с тем она отдала распоряжение связать двух провинившихся женщин, отвести на конюшню и сторожить.

Когда жене Линь Чжи-сяо передали распоряжение, она, не зная, в чем дело, вскочила в свою коляску и поехала к Фын-цзе. Выйдя у ворот, она велела девочке-служанке доложить Фын-цзе о своем приезде. Вскоре служанка вернулась со словами:

– Вторая госпожа легла отдыхать, а старшая госпожа сейчас в саду, так что пойдите к ней!

Жене Линь Чжи-сяо ничего не оставалось, как пройти в «деревушку Благоухающего риса». Девочки-служанки доложили о ней.

Когда госпожа Ю узнала о ее приезде, ей стало неудобно, она поспешила позвать женщину и сказала:

– Все это произошло потому, что я не могла найти служанок и спросила о вас. Ничего особенного не случилось, кто велел вам приехать? Только понапрасну вас беспокоили! Все уже улажено.

– Вторая госпожа прислала ко мне свою служанку передать, что вы хотите дать мне какие-то указания, – улыбаясь, сказала жена Линь Чжи-сяо.

– Наверное, все это устроила сестра Чжоу! – воскликнула госпожа Ю. – Ничего не случилось, можете возвращаться домой!

Ли Вань хотела рассказать, что произошло, но госпожа Ю сделала ей знак молчать.

Жена Линь Чжи-сяо вынуждена была удалиться. По пути домой ей повстречалась наложница Чжао.

– Ах, сестра моя! – вскричала та. – До сих пор все бегаешь?

– Думаешь, я еще не была дома? – с улыбкой сказала жена Линь Чжи-сяо.

Разговаривая, они подошли к дому, где жила наложница Чжао.

– Все это дело выеденного яйца не стоит! – заметила наложница Чжао. – Если она милосердна, она простит этих женщин, а если мелочна – их поколотят. И стоило тебя из-за этого беспокоить! Я даже не приглашаю тебя выпить чаю – иди скорее отдыхать!

Жена Линь Чжи-сяо направилась к боковым воротам. Здесь навстречу ей со слезами выбежали дочери провинившихся женщин и стали просить ее сжалиться над их матерями.

– Глупышки вы! – улыбнулась жена Линь Чжи-сяо. – Кто заставлял их пить вино, а потом плести всякую чушь?! Я даже не знала, что они устроили такую историю. Вторая госпожа Фын-цзе велела людям связать их, а меня еще обвинила в недосмотре. За кого же я должна просить?!

Девочкам было лет по десяти, они не знали, к кому обратиться, поэтому продолжали плакать и умолять. Жена Линь Чжи-сяо, желая отвязаться от них, сказала:

– Дурочки! Не просите там, где следует, а пристали ко мне! Сестра одной из вас замужем за сыном матушки Фэй, которая служит у старшей госпожи. Лучше бы рассказала обо всем сестре и попросила б ее, чтобы ее свекровь поговорила со своей госпожой. Она сумеет все уладить!

Этими словами она обнадежила одну девочку, но другая не переставала плакать.

– Тьфу! – выругалась наконец жена Линь Чжи-сяо. – Ведь ее сестра будет просить сразу за обеих. Не может быть, чтобы ее мать отпустили, а твою наказали!

С этими словами она села в коляску и уехала.

Девочка действительно рассказала обо всем своей старшей сестре, а та поговорила со свекровью Фэй. Свекровь ее была не из робкого десятка, она расшумелась и тут же побежала к госпоже Син.

– Моя родственница поругалась со служанкой старшей госпожи Ю, – говорила она госпоже Син, – а жена Чжоу Жуя подстрекнула вторую госпожу Фын-цзе наказать мою родствен-

ницу. Ее связали и держат на конюшне, чтобы через два дня выпороть. Госпожа моя, поговорите об этом со второй госпожой, пусть она простит мою родственницу!

Надо сказать, что после того, как госпожа Син попала в неудобное положение со сватовством Юань-ян, матушка Цзя заметно к ней охладела. А недавно, когда приезжала жена Наньаньского вана, матушка Цзя пригласила к ней только одну Тань-чунь, что вызвало недовольство госпожи Син. Кроме того, некоторые служанки, обиженные на Фын-цзе, всячески настраивали против нее госпожу Син, и та в конце концов возненавидела свою невестку. И вот сейчас, услышав рассказ матушки Фэй, она даже не стала задумываться над тем, кто прав.

На следующее утро она явилась к матушке Цзя, у которой в это время собралась почти вся семья.

Матушка Цзя пребывала в веселом настроении, и, поскольку у нее собрались только свои, она вышла к ним одетая в простую одежду, чтобы принять поздравления.

Посреди зала помещалась тахта, на ней лежали две подушки: одна для сидения, другая – под спину; перед тахтой, а также по бокам и позади нее стояли низенькие скамеечки для ног. Вокруг матушки Цзя стояли Бао-чай, Бао-цин, Дай-юй, Сян-юнь, Ин-чунь, Тань-чунь и Си-чунь.

В этот день мать Цзя Пяня привела с собой дочь Си-луань, мать Цзя Цюна привела дочь Сы-цзе, да, кроме них, собралось еще около двадцати старших и младших внучек и племянниц. Матушка Цзя сразу обратила внимание, что Си-луань и Сы-цзе довольно красивы, манеры и речь их отличаются изяществом, поэтому она велела им сесть перед тахтой.

Бао-юй сидел на тахте и растирал матушке Цзя ноги. На главной циновке расположилась тетушка Сюэ, а немного пониже двумя рядами заняли места остальные родственницы. За дверями зала на двух террасах расположились мужчины, занявшие места в порядке старшинства. Сначала матушку Цзя поздравляли женщины, затем в зал с поздравлениями вошли мужчины.

– Не нужно церемоний, – махнула рукой матушка Цзя.

После этого Лай Да привел слуг. От самых ритуальных ворот они ползли на коленях и непрерывно земно кланялись. За ними следовали их жены, старшие и младшие служанки из обоих дворцов. Вся эта церемония продолжалась столько времени, что можно было бы с успехом несколько раз пообедать. Затем были принесены клетки с птицами, и во дворе всех птиц торжественно выпустили на волю.

Мужчины во главе с Цзя Шэ сожгли в жертву Земле и Небу и богу долголетия Шоусину бумажные фигурки коней, и лишь после этого начались пир и спектакль. В середине пира матушка Цзя удалилась отдохнуть, предоставив всем возможность развлекаться и поручив Фын-цзе оставить Си-луань и Сы-цзе дня на два погостить. Фын-цзе незамедлительно сообщила об этом матери девочек. Те, давно уже пользуясь благосклонностью Фын-цзе, сразу же согласились, и вечером не поехали домой, а остались в саду.

Когда наступили сумерки и все собрались расходиться, госпожа Син в присутствии гостей вдруг стала просить Фын-цзе сжалиться на нею.

– Вчера вечером я узнала, – жалобно говорила она, – что вы, вторая госпожа, рассердились и приказали жене Чжоу Жуя связать двух женщин. В чем они провинились? Конечно, мне не следовало бы просить за них, но, помня, что у нашей почтенной госпожи нынче радостный день, я все же решила прийти. Разве хорошо в такое время, когда мы раздаем деньги и рис бедным и старым, наказывать своих преданных служанок?! Не ради меня, но хотя бы ради старой госпожи прикажите их отпустить!

Она вышла, села в свою коляску и уехала.

Слова, произнесенные ею, да еще в присутствии множества людей, ошеломили Фын-цзе. Сначала она смутилась, потом рассердилась, лицо ее побагровело, но она сразу не могла собраться с мыслями, и, обратившись к жене Лай Да, только сказала:

– Гм! Что же это такое говорят! Вчера мои служанки обидели старшую госпожу из дворца Нинго, и я, опасаясь, что она подумает, будто я потакаю своим людям, хотела предоставить ей самой разделаться со своими обидчицами. Но я не хочу, чтобы обижали меня! И кто только успел насплетничать!

– А в чем дело? – поинтересовалась госпожа Ван.

Фын-цзе рассказала ей, что произошло накануне вечером.

– Мне об этом ничего не известно, – с улыбкой возразила госпожа Ю. – Видимо, вы переусердствовали!

– Я заботилась о вашей же репутации, поэтому, как требуют правила приличия, распорядилась выдать виновных вам, – проговорила Фын-цзе. – Я уверена, что, если бы в вашем доме кто-нибудь оскорбил меня, вы поступили бы так же! Какой бы хорошей ни была служанка, а правила приличия ей никто не позволит нарушать. Не знаю, кто это вздумал выслужиться и из такого пустяка раздуть целое дело!

– Твоя свекровь права, – сказала госпожа Ван. – Но и жена брата Цзя Чжэня нам не чужая, поэтому никаких лишних церемоний разводить не нужно. Сейчас самое главное – хорошо провести праздник долголетия старой госпожи. Пусть этих женщин отпустят!

Она подозвала служанку и велела ей пойти освободить провинившихся.

Что же касается Фын-цзе, то чем больше думала она о случившемся, тем большее возмущение и вместе с тем смущение охватывали ее. Она невольно опечалилась, и глаза ее увлажнились слезами. Совершенно расстроенная, она тайком ушла домой и там разразилась безудержными рыданиями. Но в это время матушка Цзя прислала за нею Ху-по.

– Что случилось? – вскричала Ху-по, увидев Фын-цзе в таком состоянии. – Старая госпожа вас ждет!

Фын-цзе мгновенно вытерла слезы и умылась. Затем припудрилась, нарумянилась и отправилась к матушке Цзя.

Когда Фын-цзе предстала перед матушкой Цзя, та спросила:

– Сколько ширм среди подарков, которые мне прислали?

– Шестнадцать, – ответила Фын-цзе. – Из них двенадцать больших и четыре маленьких, какие ставят на кане. Самая большая ширма двенадцатистворчатая из темно-красного атласа, прислана из семьи Чжэнь. На ней вышита сцена из пьесы «Полна кровать бамбуковых пластинок». Эта ширма самая лучшая. Неплохую стеклянную ширму прислали также от Юэхайского полковника У.

– В таком случае эти ширмы оставь, – сказала матушка Цзя, – я pošлю их в подарок кому-нибудь.

Фын-цзе кивнула. В этот момент вошла Юань-ян и пристально стала смотреть в лицо Фын-цзе.

– Ты что, не узнаешь ее? – засмеялась матушка Цзя. – Чего уставилась?

– Меня удивляет, почему у нее так припухли глаза, – проговорила Юань-ян.

Матушка Цзя подозвала Фын-цзе поближе и тоже внимательно присмотрелась.

– Я только что растерла их, вот они и припухли, – улыбнулась Фын-цзе.

– А может быть, кто-либо вздумал срывать на тебе свой гнев? – усмехнулась Юань-ян.

– Кто осмелится! – возразила Фын-цзе. – Даже если б это было так, в такой счастливый день я не посмела бы плакать!

– Совершенно верно, – согласилась с ней матушка Цзя. – Я ужасно хочу есть, так что распорядись, чтобы мне подали сюда! Все, что останется, можете съесть вместе с женой Цзя Чжэня. Потом помогите наставницам выбрать для меня «бобы Будды». Это и вам принесет долголетие. Твои сестры и Бао-юй уже выбирали бобы, выберите и вы немного, чтобы не было разговоров, будто я благоволю только им.

В это время служанки расставили закуски из овощей для матушки Цзя и двух монашек, затем подали мясные блюда. Матушка Цзя немного поела и приказала все вынести в переднюю.

Когда госпожа Ю и Фын-цзе ели, матушка Цзя велела позвать Си-луань и Сы-цзе. Покончив с едой, все вымыли руки и воскурили благовония. Тут принесли один шэн бобов, над которыми монашки прочли молитвы, а затем стали перебирать их и раскладывать по корзинкам, чтобы на следующий день сварить и на перекрестках улиц раздавать бедным.

После этого матушка Цзя прилегла и стала слушать рассуждения монашек о причинах и следствиях.

Юань-ян уже знала со слов Ху-по, что Фын-цзе плакала. Она разузнала у Пин-эр, что случилось, и вечером, когда все разошлись, сказала матушке Цзя:

– А все же вторая госпожа плакала! И это потому, что старшая госпожа Син при людях опозорила ее.

– Как? – удивилась матушка Цзя.

Юань-ян рассказала ей.

– Это случилось только потому, что Фын-цзе чересчур строго придерживается этикета, – пришла к убеждению матушка Цзя. – Неужели эти рабыни думают, что в день моего рождения они могут оскорблять хозяев и им все сойдет? Старшая госпожа Син раздражительна, хотя обычно сдерживается; но сегодня ей представился удобный случай, и она не преминула опорочить Фын-цзе.

В этот момент в комнату вошла Бао-цин, и разговор прекратился. К тому же матушка Цзя вдруг вспомнила о Си-луань и Сы-цзе и приказала передать служанкам из сада:

– Пусть заботятся о них так же, как о наших барышнях. Если я услышу, что кто-нибудь их обижает, накажу!

Женщины поддакнули ей и собрались идти, но Юань-ян окликнула их:

– Погодите, я сама пойду с вами. Разве вас послушают другие служанки?!

Она отправилась в сад и первым долгом пришла в «деревушку Благоухающего риса», но ни Ли Вань, ни госпожи Ю там не оказалось.

– Они у третьей барышни, – ответили на ее расспросы служанки.

Юань-ян отправилась в «зал Светлой бирюзы» и застала всех там. При виде Юань-ян девушки воскликнули:

– Ты зачем здесь в такое время?!

– А разве мне не разрешается погулять?! – возразила Юань-ян и передала им только что состоявшийся разговор с матушкой Цзя. Внимательно выслушав ее, Ли Вань приказала позвать старших служанок и, когда они собрались, велела передать распоряжение матушки Цзя служанкам в саду. Но это уже не столь существенно.

Между тем госпожа Ю с улыбкой говорила:

– Старая госпожа очень заботлива. В этом отношении никто из нас с ней не сравнится!

– Даже эта хитрая, как дьявол, Фын-цзе, которая все время вьется возле бабушки, не отличается такой заботливостью, – заметила Ли Вань. – Что уж говорить о нас!

– Чего упоминать о «фениксах» и «тиграх»? – прервала их Юань-ян. – Мне очень жалко Фын-цзе. За последние годы она восстановила против себя почти всех в доме, зато умеет угождать старой госпоже и госпоже. Трудно ей приходится! Если б она отличалась скромностью и не была слишком изворотливой, свекровь первая сказала бы, что она очень робка, и в доме никто не стал бы ее бояться. Но когда она начинает проявлять изворотливость, то, помогая одному, невольно вредит другому. Сейчас у нас положение осложнилось; все эти новоявленные «госпожи» из низов слишком честолюбивы, сами не знают, чего хотят, и если им что-нибудь не нравится, начинают за глаза чесать языки и молоть всякий вздор. Я никогда не передаю их разговоры старой госпоже, чтобы не сердить ее. Если б я от нее ничего не утаивала, всем при-

шлось бы пережить немало беспокойных дней! Но, несмотря на присутствие третьей барышни, я скажу вот что: когда они выражают за спиной недовольство тем, что старая госпожа любит Бао-юя, это еще ничего; но когда старая госпожа стала оказывать знаки внимания и тебе, они опять недовольны! Не смешно ли это?!

– Стоит ли обращать на них внимание! – сказала в ответ Тань-чунь. – Лучше жить в простой семье, где все счастливы и довольны, хотя подчас приходится терпеть голод и лишения. Что касается таких семей, как наша, то люди только болтают, будто мы без счета тратим деньги на всякие удовольствия; им и в голову не приходит, что мы испытываем более тяжелые лишения, чем они, но только никогда не жалуемся!

– Ну кто еще так подозрителен и лезет не в свои дела, как третья сестра? – воскликнул Бао-юй. – Я всегда тебя убеждал: не слушай этих толков, не думай обо всех будничных делах, наслаждайся богатством и почестями! Нам нечего сравнивать себя с ничтожными людьми. Им не дано счастья, поэтому остается лишь шуметь и устраивать беспорядки.

– А скажи мне, кто, кроме тебя, может исполнять все свои прихоти и желания и целыми днями предаваться забавам с сестрами? – спросила госпожа Ю. – Проголодался – ешь, утомила – спишь. Ты ничуть не изменишься и через несколько лет и по-прежнему не будешь беспокоиться о будущем.

– Что рассуждать о будущем! – воскликнул Бао-юй. – Буду жить, пока со мной рядом сестры, а потом умру, и всему конец!

– Ну, опять пошли глупости! – засмеялась Ли Вань. – Предположим, ты до самой старости будешь жить здесь – но неужели ты думаешь, что твои сестры не выйдут замуж?

– Глупый ты! – с улыбкой добавила госпожа Ю. – Неудивительно, что тебя называют пустоцветом!

– Наши судьбы предопределить трудно, – заметил на это Бао-юй. – Неизвестно еще, кто останется в живых! Если я умру сегодня, завтра или в будущем году, можно считать, что жизнь моя прошла так, как мне хотелось!

– А это еще более глупо! – перебили его девушки. – С ним нельзя заводить подобных разговоров. Стоит только заговорить, как он начинает болтать вздор либо бредить – совсем как сумасшедший.

– Второй старший брат, – обратилась к нему Си-луань, – не говори о смерти! Когда сестры выйдут замуж, бабушке и матушке твоим станет скучно, они возьмут меня сюда, и я буду возле тебя!

– Что ты болтаешь, девочка! – засмеялись Ли Вань и госпожа Ю. – Неужели ты сама не выйдешь замуж?

Си-луань смутилась и опустила голову.

В это время наступила первая стража, и все разошлись по своим комнатам отдыхать. Но об этом рассказывать не стоит.

Сейчас речь пойдет о Юань-ян, которая, возвращаясь домой, заметила, что калитка прикрыта, но не заперта на засов. В такое позднее время в саду никто не ходил. Вокруг было пустынно, едва светила луна, только в домике для привратников виднелся огонек. Юань-ян никто не сопровождал, фонарь она с собой не взяла и шла так тихо, что служанки, дежурившие у ворот, не заметили ее. Вдруг ей захотелось сходить по малой нужде. Она свернула с мощеной дорожки на лужайку, зашла за большой камень, лежавший на берегу искусственного озера, и присела под развесистым коричневым деревом. В это мгновение неподалеку послышался шорох одежды. Юань-ян не на шутку перепугалась. Приглядевшись внимательно, она заметила две фигуры, которые тут же скрылись в чаще деревьев.

Обладая необычайно острым зрением, Юань-ян при слабом свете луны заметила рослую девушку в красной кофточке, с гладко причесанными волосами и догадалась, что это Сы-ци, служанка Ин-чунь.

Сперва Юань-ян подумала, что Сы-ци со служанкой пришли сюда за тем же, что и она, и нарочно решили спрятаться, чтобы ее напугать. Поэтому она засмеялась и окликнула:

– Сы-ци! Если ты сейчас же не выйдешь и вздумаешь меня пугать, я закричу, что здесь разбойники, и тебя схватят. Ты уже не маленькая, и так целые дни только и знаешь играть! Неужели еще не наигралась?

Собственно говоря, Юань-ян сказала все это в шутку. Но как известно, провинившийся обычно труслив. Сы-ци была уверена, что Юань-ян видела все; боясь, как бы она не закричала и не поднялся переполох, девушка выбежала из-за дерева. Хотя Сы-ци, не в пример другим служанкам, была в хороших отношениях с Юань-ян, она бросилась перед Юань-ян на колени и, обнимая ее за ноги, взмолилась:

– Дорогая сестра! Не поднимай шума!

Не понимая, что произошло, Юань-ян удивилась:

– О чем ты говоришь?

Сы-ци ничего не отвечала, только дрожала всем телом. Юань-ян охватило недоумение, она внимательно осмотрелась кругом и в тени деревьев заметила силуэт мужчины. Теперь она почти обо всем догадалась, сердце ее тревожно забилося, и все лицо до самых ушей залилось краской стыда.

– Кто это? – спросила она, наконец, овладев собой.

– Это брат моего дяди по материнской линии, – ответила Сы-ци, снова бросаясь перед ней на колени.

Юань-ян даже плюнула с досады, но от смущения не могла произнести ни слова.

– Иди сюда, поклонись сестре, – позвала юношу Сы-ци. – Все равно она тебя видела.

Скрываться было бесполезно, поэтому юноша выбежал из-за дерева и, как заводной, стал кланяться Юань-ян.

Юань-ян повернулась и хотела уйти, но Сы-ци, плача, схватила ее за руку и снова стала умолять:

– Спаси нас, сестра! Наша жизнь в твоих руках!

– Брось болтать, – оборвала ее Юань-ян, – пусть он скорее уходит! Я никому не расскажу. Зачем ты просишь?

В это время со стороны калитки послышался голос:

– Барышня Юань-ян уже ушла, можно запереть калитку!

Юань-ян никак не могла отвязаться от Сы-ци и, услышав эти слова, поспешила откликнуться:

– Погодите, не запирайте! Сейчас иду!

Сы-ци ничего не оставалось, как выпустить руку Юань-ян.

Если вы не знаете, что произошло впоследствии, прочтите семьдесят вторую главу.

Глава семьдесят вторая, в которой говорится о том, как самонадеянная Ван Си-фын стыдилась говорить о своей болезни и как жена Лай Вана, пользуясь своим положением в доме, сватала собственного сына

Когда Юань-ян вышла из сада, все лицо ее горело, а сердце учащенно билось – неожиданное открытие произвело на нее потрясающее впечатление.

«Если кому-нибудь рассказать, – думала она, – припишут и разврат и грабеж, а это может стоить жизни не только самим виновным, но и людям к делу непричастным. В конце концов, это меня не касается, и рассказывать я никому не стану».

Вернувшись домой, она доложила матушке Цзя о выполнении ее поручения, а затем все улеглись спать.

Следует сказать, что Сы-ци росла вместе с братом своего дяди. В детстве они в шутку пообещали друг другу в будущем стать мужем и женой. С тех пор прошли годы, они превратились в красивых молодых людей, и однажды, когда Сы-ци побывала дома, они перекинулись многозначительными взглядами, и любовь их вспыхнула с прежней силой. Но они опасались, как бы родители не воспротивились их браку, поэтому решили встречаться тайно: они подкупили служанок из сада, и сегодня, пользуясь суматохой в доме, служанки открыли ворота, и они встретились. Так впервые они соединились. Они еще не были мужем и женой, но поклялись друг другу в верности, скрепив свой союз подарками, и предавались бесконечным ласкам. Однако Юань-ян вспугнула их, и юноша, скользя меж цветов и деревьев, поспешил убежать через калитку.

Сы-ци всю ночь не спала, но она не раскаивалась в своем поступке. Встретившись на следующий день с Юань-ян, она то краснела, то бледнела, не зная, куда деваться от стыда. Она лишилась аппетита и все время была подавлена и рассеянна. Лишь через два дня, убедившись, что никто ничего не знает, она понемногу успокоилась.

Как-то вечером старуха служанка потихоньку сообщила Сы-ци:

– Твой двоюродный брат уже несколько дней не является домой. Послали людей на его розыски.

Сы-ци разволновалась, рассердилась, а потом расстроилась.

«Лучше бы все раскрылось, тогда мы могли бы хоть умереть вместе. Эти мужчины не умеют любить по-настоящему! Разве он сбежал бы, если бы любил меня?!»

Она так опечалилась, что на следующий день почувствовала недомогание и слегла в постель.

Что же касается Юань-ян, то, когда она узнала, что сбежал слуга без всякой к тому причины, а Сы-ци заболела, ей стало неудобно, и она подумала:

«Наверное, они решили, что я все рассказала».

Она отправилась в сад навестить Сы-ци. Отослав всех из комнаты и оставшись наедине с девушкой, она принялась клясться:

– Пусть меня постигнет кара, если я кому-нибудь что-либо рассказала! Не беспокойся и поправляйся скорее!

Держа ее за руку, Сы-ци молвила со слезами на глазах:

– Сестра моя! Мы с тобой с самого детства были неразлучны, ты относилась ко мне как к родной, я тоже была внимательна к тебе! Я совершила оплошность, и если ты об этом никому не рассказала, я буду почитать тебя, как родную мать! Каждый прожитый день я буду считать, что

этот день жизни дала мне ты! Если мне удастся выздороветь, я поставлю в твою честь табличку, каждый день буду воскуривать перед ней благовония и молиться о том, чтобы Небо даровало тебе счастье и долголетие! А если я умру, моя душа будет служить тебе так же преданно, как служат человеку собака и конь! Если нам придется расстаться в этой жизни, мы встретимся в будущей, и я найду, как тебя отблагодарить!

Слезы ручьем катились из ее глаз. Юань-ян тоже разжалобилась и заплакала.

– Ты что, хочешь покончить с собой? – воскликнула она. – Какое мне дело до тебя! Зачем я стану портить твою репутацию?! Мне самой стыдно рассказывать такие истории! Успокойся! Выздоровливай и не делай больше глупостей.

Запрокинув голову на подушке, Сы-ци кивнула ей. Тогда Юань-ян вышла.

Зная, что Цзя Ляня нет дома и Фын-цзе чувствует себя неважно, она решила зайти к Фын-цзе и справиться о ее здоровье. Заметив Юань-ян, служанки, стоявшие у ворот двора Фын-цзе, встали навытяжку в ожидании, пока она пройдет.

Когда же Юань-ян достигла входа в зал, навстречу ей вышла Пин-эр и потихоньку шепнула:

– Моя госпожа только что поела и легла спать. Посиди немного!

Юань-ян и Пин-эр прошли в восточную комнату. Служанки подали чай.

– Что случилось с твоей госпожой? Я замечаю, что она стала какой-то вялой.

– Эта вялость у нее давнишняя! – оглядевшись вокруг, со вздохом ответила Пин-эр. – Она такая уже целый месяц. В последнее время она была слишком занята хозяйством, потом ее еще незаслуженно обидели, она переволновалась – вот болезнь ее и обострилась.

– Почему же вы сразу не пригласили врача? – спросила Юань-ян.

– Эх, сестрица! – снова вздохнула Пин-эр. – Да разве ты не знаешь ее характера? При ней нельзя даже упоминать о врачах и лекарствах! Однажды сердце мое преисполнилось жалостью к ней, и я спросила: «Как вы себя чувствуете?» Тут она вспыхнула, напустилась на меня и стала кричать, что я накликаю на нее болезнь... Она по-прежнему хлопочет по дому. Какой толк от лечения, если она сама не бережет здоровья!

– И все же врача следует пригласить! – возразила Юань-ян. – Пусть бы он определил, какая у нее болезнь, – по крайней мере, все бы успокоилось.

– Если говорить о болезни, то мне кажется, у нее не просто легкое недомогание! – проговорила Пин-эр.

– А что именно? – спросила Юань-ян.

Пин-эр наклонилась к ее уху и прошептала:

– В прошлом месяце у нее начались месячные, и до сих пор кровотечение не прекращается. Вот и скажи, опасная ли у нее болезнь?

– Ай-я-я! – произнесла Юань-ян. – Не от выкидыша ли все это у нее получилось?

Пин-эр даже плюнула с досады:

– Тьфу! Что ты говоришь? А еще девушка! Своими словами только накличешь несчастье!

– Я толком не знаю, что такое выкидыш, – невольно краснея от смущения, призналась Юань-ян. – Но неужели ты забыла, что моя старшая сестра умерла от такой же болезни? Я не имела представления, что это за болезнь, однако как-то случайно услышала разговор матери с теткой и задумалась. Потом я узнала о причине болезни и только тогда немного поняла, в чем дело.

Разговор их прервала девочка-служанка, которая вошла в комнату и доложила Пин-эр:

– Только что опять приходила тетушка Чжу. Мы ей сказали, что наша госпожа легла отдыхать, тогда она пошла к госпоже Ван.

Пин-эр кивнула головой.

– Кто эта тетушка Чжу? – поинтересовалась Юань-ян.

– Да та самая Чжу гуань-мэй, как ее называют, – пояснила Пин-эр. – Некий господин Сунь выразил желание породниться с нами, и она теперь каждый день является к нам с письмами и не дает покоя...

Не успела она произнести эту фразу, как снова вбежала девочка-служанка:

– Пришел второй господин...

И в тот же момент появился Цзя Лянь. Пин-эр поспешила ему навстречу. Зная, что Пин-эр в восточной комнате, Цзя-лянь направился туда, но, увидев сидящую на кане Юань-ян, остановился у порога и улыбнулся:

– Оказывается, барышня Юань-ян своими драгоценными стопами осчастливила наш презренный дом!

– Пришла справиться о здоровье вашей супруги, – не вставая, отвечала Юань-ян, – но оказалось, что она спит, а вас нет дома.

– Тебе целый год приходится тяжело трудиться, прислуживая старой госпоже, сестра, – продолжал улыбающийся Цзя Лянь. – А я ни разу не удосужился навестить тебя! Чем мы заслужили такое внимание с твоей стороны?! Впрочем, ты пришла кстати. Я хотел пойти к тебе, но в этом халате жарко, и я решил сначала зайти переодеться. Однако Небесный владыка сжалился надо мной и избавил от лишнего хождения!

С этими словами он опустил на стул.

– О чем же вы хотели говорить со мной? – спросила Юань-ян.

– Понимаешь, я позабыл об одном деле, – начал Цзя Лянь, – но ты, пожалуй, о нем помнишь. В прошлом году, в день рождения старой госпожи, к нам забрел случайно какой-то монах, который тоже пожелал принести свои поздравления, и преподнес в подарок облитый воском цитрус «рука Будды». Старой госпоже этот цитрус понравился, и она приказала положить его у себя в комнате. Позавчера, по случаю дня рождения старой госпожи, я принялся просматривать описи редких вещей и обнаружил, что цитрус там значится, но сам он пропал куда-то. Об этом же мне докладывали люди, которые присматривают за старинными безделушками, и просили меня разузнать, где он. Вот я и хочу спросить: этот цитрус сейчас у старой госпожи или его кому-нибудь отдали?

– Он пролежал в комнате старой госпожи всего несколько дней, а потом надоел ей, и она отдала его вашей супруге, – ответила Юань-ян. – Почему вам вздумалось меня об этом спрашивать? Я даже день запомнила, когда приказала служанке отнести его к вам. Если вы забыли, можете спросить у своей супруги или у Пин-эр.

В это время Пин-эр доставала халат Цзя Ляню. Услышав слова Юань-ян, она сразу отозвалась:

– Да, да, цитрус нам принесли, и он лежит в верхней комнате. Наша госпожа послала служанку предупредить об этом, но служанки старой госпожи, видно, позабыли, а теперь подняли шум из-за такого пустяка.

– Если цитрус отдали твоей госпоже, почему я об этом ничего не знаю? – удивился Цзя Лянь. – Наверное, вы его припрятали!

– Ведь вам о нем говорила моя госпожа. Вы еще хотели его кому-то отослать, – напомнила ему Пин-эр, – но госпожа оставила его у себя. Сами забыли, а теперь уверяете, будто мы припрятали! Подумаешь, какая драгоценность! Мы не прячем вещи, которые стоят даже в десять раз дороже этой! Неужто нам могла понравиться вещица, за которую не дадут и гроша?!

Цзя Лянь опустил голову и немного подумал, затем, сдерживая улыбку, воскликнул:

– До чего ж я поглупел! Одно теряю, другое забываю, вызываю нарекания! Нет, видать, я сильно изменился!

– Неудивительно, – заметила Юань-ян. – Дел у вас много; приходится слушать разные сплетни, потом вы нет-нет да и выпьете... Одним словом, где вам все запомнить?

Она поднялась, намереваясь уйти.

– Дорогая сестра, посиди немного! – поспешно вставая, взмолился Цзя Лянь. – Я хочу попросить тебя еще об одном деле... Почему ты не заварила хорошего чаю? – обрушился он вдруг на служанку. – Сейчас же возьми чашечку с крышкой и завари того самого нового чаю, что вчера привезли!

Затем он снова обратился к Юань-ян:

– Во время празднования дня рождения старой госпожи несколько тысяч лян серебра, которыми мы располагали, были полностью израсходованы. Плата за дома и за землю, которую мы сдаем в аренду, поступит лишь в девятом месяце, а до тех пор не знаю, как свести концы с концами. Завтра необходимо послать подарки во дворец Наньаньского вана, устроить для женщин праздник середины осени, а также послать подарки в другие семьи по случаю похорон и свадеб. На это потребуется по меньшей мере две-три тысячи лян серебра, а такие деньги сразу не соберешь. Говорят: «Лучше попросить у своего, чем у чужого». Ведь ты ни за что отвечать не будешь, но, чтобы помочь нам выйти из затруднения, ты можешь незаметно собрать у старой госпожи золотую и серебряную утварь примерно на тысячу лян. Ты потихоньку принесешь ее в ящике к нам, мы ее заложим и как-нибудь выкрутимся. А через полмесяца я получу деньги, выкуплю вещи и верну их. Не беспокойся, я тебя не подведу!

– Ловко же вы изворачиваетесь! – засмеялась Юань-ян, выслушав его. – И как вам такое могло в голову прийти?!

– Не буду врать тебе, – принялся уверять ее Цзя Лянь, – помимо тебя, есть и другие люди, через руки которых проходят тысячи лян серебра, но только они не такие смелые и умные, как ты. Если бы я обратился к ним, они перепугались бы до смерти. Поэтому я решил: «Лучше один раз ударить в золотой колокол, чем три тысячи раз бить в медную тарелку».

Вбежала девочка-служанка матушки Цзя и обратилась к Юань-ян:

– Сестра, старая госпожа зовет вас! Где только я вас не искала! А оказывается, вы здесь! Юань-ян торопливо поднялась и поспешила к матушке Цзя.

Когда она ушла, Цзя Ляню ничего не оставалось, как пойти к Фын-цзе.

Кто бы мог представить себе, что Фын-цзе уже проснулась и слышала весь разговор Цзя Ляня с Юань-ян! Но вмешиваться было неудобно, и она молча продолжала лежать на тахте. Когда же Цзя Лянь вошел в комнату, Фын-цзе спросила:

– Она согласилась?

– Почти, – ответил Цзя Лянь. – Нужно еще раз с ней поговорить.

– Я не стану вмешиваться в это дело, – предупредила его Фын-цзе. – Сейчас ты меня начнешь уговаривать, только и слушай, а когда получишь деньги, обо всем забудешь! Очень надо потом выманить у тебя эти деньги?! Ведь если об этом узнает старая госпожа, пострадает моя репутация, которой я добивалась в течение стольких лет!

– Дорогая моя! – воскликнул Цзя Лянь. – Уговори ее, я отблагодарю тебя за это!

– Чем же? – усмехнулась Фын-цзе.

– Я сделаю все, что ты потребуешь! – воскликнул Цзя Лянь.

– А госпоже ничего особенного не нужно, – заметила стоявшая рядом Пин-эр. – Ей нужно только сто—двести лян серебра на одно дело, и если вы дадите ей эти деньги, и волки будут сыты, и овцы целы.

– Как хорошо, что ты меня надоумила! – воскликнула Фын-цзе. – Пусть так и будет!

– Вы слишком жестоки! – с улыбкой сказал Цзя Лянь. – Вы могли бы дать мне не только вещи на сумму в тысячу лян, но и несколько тысяч лян наличными. Однако я не стану брать у вас займы. Я слова не успел произнести, а вы уже требуете проценты! Разве вы и я...

– Сколько бы у меня ни было денег, все равно не ты их мне дал! – перебила его Фын-цзе. – И так у нас за спиной болтают всякую чушь, не хватало еще, чтобы ты поддерживал эти сплетни! Известно, что, «когда вмешиваются родственники, добра не жди». Думаешь, все у

нас в семье Ши Чуны и Дэн Туны!⁸ Скажешь еще, что в доме Ванов стоит подмести закоулки, и наберешь столько денег, что сможешь прожить всю жизнь? Как тебе не совестно! Мое приданое и приданое, которое привезла госпожа Ван, не меньше, чем все ваше состояние!

– Я пошутил, а ты рассердилась! – улыбнулся Цзя Лянь. – Ну что здесь такого? Неужели я не дам тебе сто или двести лян серебра, если это тебе необходимо? Большую сумму собрать трудно, а такую мелочь можно. Я принесу тебе деньги, и можешь их тратить. Как только израсходуешь, постараюсь достать еще.

– Не торопись! Я еще не умираю! – возразила Фын-цзе.

– Зачем ты злишься? – сказал Цзя Лянь.

– Я и не думаю сердиться, но твои слова колют меня в самое сердце! – усмехнулась Фын-цзе. – Я вспомнила, что послезавтра исполняется год со дня смерти Эр-цзе. Мы с ней дружили, и хотя ничего особенного я для нее сделать не могу, но долг сестры обязывает меня съездить на ее могилу и принести в жертву бумажные деньги. Пусть она не оставила детей, все же нельзя так быстро забывать о ней!

– Спасибо, что ты о ней помнишь, – после длительного раздумья произнес Цзя Лянь.

Понимая, что Цзя Ляню больше возразить нечего, Фын-цзе немного подумала и сказала:

– Мне деньги нужны послезавтра, и если я получу их завтра, то все остальное я для тебя устрою, так что можешь не стесняться в расходах!

В этот момент вошла жена Ван-эра, и Фын-цзе спросила ее:

– Ты все сделала?

– Ничего не получилось, – ответила та. – По-моему, госпожа все это дело должна взять на себя...

– Что случилось? – спросил удивленный Цзя Лянь.

– Ничего особенного, – ответила Фын-цзе. – Сыну Ван-эра исполнилось семнадцать лет; он просит себе в жены Цай-ся, служанку госпожи Ван, но пока неизвестно, как к этому госпожа отнесется. Позавчера госпожа заметила, что Цай-ся стала уже взрослой, но много болеет, поэтому она проявила милость и отослала ее к отцу, чтобы тот выбрал ей мужа по своему усмотрению. Вот жена Ван-эра и пришла просить моей помощи. Я думала, что их семьи вполне подходят друг другу и все может устроиться. Однако ничего из этого не вышло!

– Что за важность! – воскликнул Цзя Лянь. – Есть девушки получше Цай-ся!

– Возможно, господин, – согласилась с ним жена Ван-эра, – но, если их семья пренебрегает нами, другие тоже станут нас презирать! Мы насилу подыскали невесту нашему сыну, и я думала, что теперь достаточно лишь поговорить с родителями Цай-ся. Ваша супруга считала так же. Я попросила знакомого поговорить с ними, но дело окончилось неприятностью для меня. А девушка эта очень хорошая и давно мне нравится! Да и сама она не против, только родители ее больно возгордились!

Ее слова укололи как Фын-цзе, так и Цзя Ляня. Фын-цзе делала вид, что ей все безразлично, а сама украдкой наблюдала за Цзя Лянем. Цзя Лянь был слишком занят своими делами, чтобы задумываться над этим. И все же он вынужден был вмешаться, так как жена Ван-эра давно служила у Фын-цзе и очень много для них сделала.

– Ну что за серьезное дело! – сказал он. – Не беспокойся! Я буду сватом; завтра же пошлю двух людей поприветнее к родителям Цай-ся, они отнесут подарки и объявят им мое желание. Если родители девушки не согласятся, я вызову их к себе и поговорю.

Жена Ван-эра взглянула на Фын-цзе, но та незаметно сделала ей знак удалиться. Женщина сразу поняла, что та имеет в виду, поспешно поклонилась и, поблагодарив Цзя Ляня, направилась к выходу.

⁸ Ши Чуны (династия Цзинь) и Дэн Туны (династия Хань) – известные богачи.

– Все же попроси об этом и госпожу Ван! – крикнул ей вслед Цзя Лянь. – Я и сам об этом поговорю, но все равно нужно получить ее одобрение – так будет лучше; если действовать принуждением, между вашими семьями нарушится дружба.

– Ты так стараешься оказать им милость, – с улыбкой прервала его Фын-цзе, – неужели я буду стоять в стороне?! Ты слышала, жена Ван-эра? Я все для тебя устрою, но скажи своему мужу, чтобы к концу года отдал долг; если он не соберет всего до копейки, не прощу! Меня и так упрекают, будто я занимаюсь ростовщицеством, и если я еще буду давать поблажки, меня живьем съедят!

– Вы чересчур скромничаете, госпожа! – заметила жена Ван-эра. – Ну кто осмелится вас упрекать?! Извините за смелость, но я уверена, что если эти деньги попадут к вам, вы растратите их по мелочам!

– Для чего мне деньги? – стала рассуждать Фын-цзе. – Исключительно для повседневных расходов, ибо получаем мы мало, а тратим много. Деньги, предназначенные нам с мужем, а также нашим служанкам на месяц, составляют до двадцати лян серебра, и мы расходует эту сумму за четыре-пять дней. Если б я не пыталась найти дополнительный источник дохода, нам, как говорится, оставалось бы положить зубы на полку! И за все свои старания я нажила себе славу ростовщика! Но раз уж на то пошло, лучше поскорее собрать долги. Я не хуже других знаю, что делать с деньгами! Разве плохо сидеть ничего не делая и тратить деньги, пока они есть? Госпоже Ван целых два месяца пришлось волноваться, прежде чем она придумала, как устроить день рождения старой госпожи. А я напонила ей, что в кладовых есть много бронзовой и оловянной посуды. Из кладовых вытащили четыре или пять сундуков с посудой, заложили ее за триста лян, и на эти деньги удалось сделать вполне приличные подарки. Я продала часы с боем за пятьсот шестьдесят лян серебра, но через две недели эти деньги пришлось израсходовать на всякие нужды. Сейчас у нас даже появились долги, и не знаю, кому пришлось в голову впутать в денежные дела старую госпожу. А через год, наверное, придется закладывать и головные украшения! Этого еще недоставало!

– Какая госпожа, продав украшения и одежду, не смогла бы прожить всю жизнь на вырученные деньги?! – улыбнулась жена Ван-эра. – Только никто не хочет продавать.

– Речь не о том, хочет или нет, – возразила Фын-цзе. – Просто я не могу этого допустить... Вчера вечером я видела сон. Смешно даже рассказывать. Мне приснился человек, лицо которого было мне знакомо, но его фамилию я не могла вспомнить. Он подошел ко мне и говорит: «Меня послала к вам матушка и требует, чтобы вы прислали ей сто кусков парчи!» Я спросила, какая матушка. Оказалось, матушка-государыня. Я, конечно, побоялась дать парчу, но он стал силой отбирать ее. В этот момент я проснулась.

– Все это случилось потому, что вы весь день провели в хлопотах, – заметила жена Ван-эра, – вы же связаны с императорским дворцом.

Тут вошла служанка и доложила Фын-цзе:

– От старшего придворного евнуха Ся прибыл младший евнух с каким-то поручением.

– Что там еще? – нахмурился Цзя Лянь. – И так уже достаточно из нас вытянули!

– Ты спрячься, а я поговорю с ним, – предложила Фын-цзе. – Возможно, какой-нибудь пустяк, а если дело важное, я найду что сказать.

Цзя Лянь удалился во внутренние комнаты. Фын-цзе приказала пригласить евнуха, предложила ему сесть, выпить чаю и наконец осведомилась, по какому поводу он приехал.

– Господину Ся недавно приглянулся дом, но, чтобы его купить, у него не хватает двухсот лян серебра, – принялся объяснять евнух. – Вот он и послал меня к вам с просьбой: не можете ли вы одолжить ему двести лян. Через два дня он непременно их вернет!

– Конечно! Какие могут быть разговоры! – расплылась в улыбке Фын-цзе. – Серебра у меня сколько угодно, надо только отвесить. Может быть, и нам когда-нибудь придется обратиться к вашему господину!

– И потом еще господин Ся велел передать, что пока не может прислать вам те тысячу двести лян серебра, которые взял в прошлый раз, – проговорил евнух, – но в конце года он отдаст все!

– Разумеется! – снова улыбнулась Фын-цзе. – Стоит ли беспокоиться! Слишком он шепетил! Скажу прямо: если бы все помнили о своих долгах и возвращали их, как господин Ся, даже трудно сказать, сколько нам прибавилось бы денег! Иное дело, если бы у нас их не было! Но раз есть, пусть берет!

Фын-цзе позвала жену Ван-эра и приказала ей:

– Раздобудь где угодно двести лян серебра, да только поскорее!

Та сразу смекнула, в чем дело, и смущенно улыбнулась:

– Я и сама только что искала деньги, но нигде достать не могла и пришла просить у вас, госпожа!

– Вы только и умеете одалживать у своих! – недовольным тоном буркнула Фын-цзе. – Но стоит послать вас достать денег на стороне – вы сразу оказываетесь беспомощными!.. Пин-эр! – позвала она. – Возьми два моих золотых ожерелья и заложу за четыреста лян серебра!

Пин-эр почтительно кивнула, принесла большой, обтянутый парчой короб и вытащила из него два парчовых сверточка с ожерельями. Одно ожерелье представляло собой крученую золотую нитку с нанизанными на ней жемчужинами величиной с семя лотоса, а второе состояло из драгоценных камней, украшенных перьями зимородка. Обе вещи были дорогими и почти ничем не отличались от тех, какие носили при императорском дворе.

Пин-эр взяла ожерелья и ушла. Вскоре она возвратилась с четырьмястами лянми серебра. Фын-цзе распорядилась отвесить половину и отдать евнуху, а другую половину отдать жене Ван-эра на устройство праздника середины осени. После этого евнух стал прощаться. Фын-цзе велела людям помочь ему донести серебро до главных ворот.

Как только евнух удалился, в комнату вошел Цзя Лянь.

– И когда кончится это наваждение? – с горькой усмешкой произнес он.

– Надо же было ему явиться так некстати! – воскликнула Фын-цзе.

– Вчера приезжал старший евнух Чжоу, тот сразу замахнулся на тысячу лян, – возмущался Цзя Лянь. – Когда я стал колебаться, он выразил недовольство. А ведь дальше дела пойдут хуже, тогда им еще чаще придется обижаться! Вот бы разбогатеть миллиона на три, на пять!

Между тем Фын-цзе с помощью Пин-эр умылась, переделась и отправилась к матушке Цзя прислуживать за ужином.

Цзя Лянь тоже вышел из дому и направился в свой внешний кабинет, где, к великому удивлению, застал Линь Чжи-сяо.

– Что случилось? – спросил он.

– Я только что узнал, будто Цзя Юй-цунь снят с должности, – ответил Линь Чжи-сяо, – но неизвестно за что, и я не убежден, что сведения достоверны.

– Это не имеет значения – такой чиновник, как он, долго не может удержаться на одном месте, – произнес Цзя Лянь. – Пожалуй, сейчас начнутся всякие неприятности, так что нам нужно держаться от него в стороне.

– Совершенно верно! – согласился Линь Чжи-сяо. – Но только трудно сразу уйти в сторону. В последнее время старший господин Цзя Чжэнь из восточного дворца Нинго еще крепче с ним подружился, да и наш господин Цзя Чжэн любит его и поддерживает с ним дружеские отношения. Кому же это неизвестно?!

– Так или иначе, никаких дел мы с ним не имели, – возразил Цзя Лянь, – а значит, ко всей этой истории мы непричастны. Постарайся разузнать, за что его сняли!

Линь Чжи-сяо кивнул, но уходить не торопился. Он присел на стул, завел речь о всяких пустяках, упомянул, как бы между прочим, о денежных затруднениях и наконец сказал:

– Слишком много у нас стало народу. Нужно бы как-нибудь попросить старую госпожу, чтобы она проявила милость и велела распустить по домам стариков, которые отслужили свое и сейчас не нужны; они сами устроят свою жизнь, а мы значительно сэкономим за счет этого. Кроме того, и служанок развелось чересчур много. «Время времени рознь!» – гласит пословица. О порядках и обычаях, существовавших в доме прежде, говорить не приходится, необходимо кое в чем себя урезать. Пусть те, у кого по восемь служанок, обходятся шестью, а те, кто имеет четырех, довольствуются двумя. Благодаря этому за год тоже можно будет сберечь немало денег и риса. Ведь многие служанки стали уже взрослыми, скоро выйдут замуж, нарожают детей, и количество людей в доме еще больше возрастет...

– Я сам об этом думаю, – прервал его Цзя Лянь. – Старый господин недавно вернулся домой, я еще не докладывал ему о более важных делах, – куда уж лезть с такими мелочами?! Недавно приходила сваха, но госпожа сказала, что старый господин так рад, что наконец вернулся домой, что только и приговаривает: «Вот теперь все родные в сборе». Опасаясь, как бы старый господин не опечалился, услышав о сватовстве, она не велела пока ни о чем ему докладывать.

– Это тоже верно, – согласился Линь Чжи-сяо, – госпожа очень предусмотрительна.

– Да, да! – закивал Цзя Лянь. – Кстати, я вспомнил об одном деле. Сын нашего Ван-эра собирается свататься за Цай-ся, служанку из комнат госпожи. Он еще вчера просил меня помочь ему в этом, но я подумал: «Что за важное дело?» Пусть кто угодно устроит сговор и сошлется на меня.

– По-моему, вам не следует вмешиваться в это дело, второй господин, – произнес после некоторого раздумья Линь Чжи-сяо. – Сын Ван-эра хотя и молод, но частенько выпивает, играет на деньги и занимается всякими пакостями. Правда, речь идет о слугах; но и для них брак – серьезное дело! Я уже несколько лет не видел Цай-ся, но слышал, что за последнее время она еще больше похорошела – к чему губить ей жизнь?!

– А! Значит, он пьяница и негодяй?! – воскликнул Цзя Лянь. – Зачем тогда ему жениться? Не лучше ли дать ему палок да посадить под замок, а затем спросить с родителей?

– Зачем делать это именно теперь? – улыбнулся Линь Чжи-сяо. – Если он учинит какой-нибудь скандал, мы, разумеется, доложим вам, и вы распорядитесь наказать его. А пока незачем его судить.

Цзя Лянь не стал возражать. Вскоре Линь Чжи-сяо попрощался и вышел.

Вечером Фын-цзе распорядилась вызвать мать Цай-ся и устроить сговор. Мать Цай-ся в душе не хотела отдавать свою дочь за пьяницу, но Фын-цзе оказывала ей честь, выступая в качестве свахи, поэтому она скрепя сердце дала согласие.

Вскоре вернулся Цзя Лянь.

– Ты уже разговаривал насчет сватовства? – спросила его Фын-цзе.

– Сначала я хотел было поговорить, но потом узнал, что этот парень – порядочный негодяй, и передумал, – ответил Цзя Лянь. – Если он действительно такой, как о нем говорят, его следует сначала хорошенько проучить, а потом подумать, стоит ли вообще его женить.

– Тебе никто из нашей семьи не нравится, в том числе и я! – съязвила Фын-цзе. – Что уж говорить о слугах! С матерью Цай-ся обо всем договорено, и она на седьмом небе от счастья. Неужто позвать ее обратно и объявить, что сговор отменяется?

– Если сговор был, зачем его отменять? – проговорил Цзя Лянь. – Только предупреди Ван-эра, чтобы впредь он хорошенько присматривал за сыном!

О чем еще разговаривали Цзя Лянь и Фын-цзе, мы рассказывать не будем.

Сейчас речь пойдет о Цай-ся. После того как госпожа отпустила ее домой, она стала ожидать, когда родители выдадут ее замуж. Она давно любила Цзя Хуаня, но насчет брака с ним ничего не было решено. Цай-ся замечала, что к ним зачастила жена Ван-эра, и знала,

что старуха предлагает матери просватать ее за своего сына. Так как парень был грубияном, пьяницей и обладал отвратительной внешностью, Цай-ся не хотелось выходить за него. Но она опасалась, что Ван-эр, пользуясь влиянием в доме, добьется своего и разрушит мечту всей ее жизни, и беспокойство не покидало ее. Однажды вечером она попросила свою младшую сестренку Сяо-ся потихоньку пробраться к наложнице Чжао и передать ей обо всем.

Надо сказать, что наложница Чжао очень любила Цай-ся и давно лелеяла мечту взять ее в жены Цзя Хуаню, надеясь в лице девушки найти и себе опору, но неожиданно госпожа Ван отпустила Цай-ся домой. Чжао несколько раз пыталась уговорить Цзя Хуаня поговорить с госпожой Ван, но Цзя Хуань стыдился говорить об этом, и, кроме того, Цай-ся не очень ему нравилась. Он считал, что она девчонка простая и что можно найти девушку красивее ее, поэтому он оттягивал время, под всякими предлогами избегая решительного разговора. Зато наложница Чжао не хотела отказываться от своего намерения, и после того, как Сяо-ся уведомила ее о происходящем, она, уловив момент, рассказала обо всем Цзя Чжэну.

– Не будем торопиться! – ответил ей Цзя Чжэн. – Подождем годик-два, пусть твой сын поучится, а потом и женить его будет не поздно. Я уже присмотрел двух девушек: одну для него, другую для Бао-юя. Но жениться им пока рано – это может повредить ученью, так что года через два снова поговорим!

Чжао собиралась еще кое-что сказать, но неожиданно раздался грохот, словно упало что-то тяжелое. Цзя Чжэн и наложница Чжао испуганно вздрогнули.

Если вы не знаете, что произошло, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят третья, в которой рассказывается о том, как глупая девчонка случайно подобрала вышитый мешочек с любовным зельем и как робкая барышня не осмеливалась потребовать возвращения своего золотого феникса

Мы уже рассказывали, что во время разговора наложницы Чжао с Цзя Чжэном раздался грохот. Когда они спросили прислугу, в чем дело, оказалось, что в передней была плохо закреплена оконная щеколда, она выскользнула из гнезда, и рама упала. Наложница Чжао обругала служанок и вместе с ними стала прилаживать раму. Покончив с этим делом, она проводила Цзя Чжэна отдыхать и уже не возобновляла начатый разговор.

Бао-юй во «дворе Наслаждения розами» только что улегся спать и девочки-служанки собрались расходиться, как вдруг раздался стук в ворота. Старухи поспешили отпереть ворота и увидели перед собой Сяо-цяо, которая прислуживала в комнатах наложницы Чжао. Не отвечая на вопросы служанок, девочка направилась прямо к Бао-юю.

Бао-юй лежал в постели; Цин-вэнь и другие старшие служанки сидели возле него и шутили с ним.

– Что случилось? – удивленно спросили девушки, заметив Сяо-цяо.

– Я пришла сообщить вам одну новость, – зашептала торопливо Сяо-цяо, наклоняясь к Бао-юю. – Только что моя госпожа о чем-то разговаривала с вашим батюшкой, и речь шла о вас, потому что в их разговоре я слышала слово «Бао-юй». Я прибежала предупредить вас, чтобы вы были поосторожнее, если ваш батюшка захочет завтра с вами говорить.

Сообщив все, что ей было известно, Сяо-цяо собралась уходить. Си-жэнь хотела угостить ее чаем, но девочка отказалась, опасаясь, что, если она задержится, могут запереть ворота сада.

Бао-юй знал, что наложница Чжао необычайно коварна и относится к нему как к заклятому врагу. Но ему не было известно, о чем она разговаривала с его отцом, поэтому слова Сяо-цяо произвели на него такое же впечатление, как заклинание «обруч, сожмись» подействовало на Сунь Да-шэна. Бао-юй задрожал всем телом. Поразмыслив немного, он решил, что отец собирается устроить ему экзамен и выяснить, как он усвоил книги. «Самое главное – не засыпать, – думал Бао-юй. – Если отец вызовет меня по другому делу, я сумею как-нибудь вывернуться!» Он быстро накинул на себя халат и уселся за книги. «Эти дни отец не вспоминал обо мне, и я опять забросил учение, – укорял он себя. – Если бы я знал, что так получится, я ежедневно повторял бы пройденное».

Он стал в уме перебирать все, что читал. Оказалось, что сейчас он может повторить наизусть только «Великое учение», «Учение о середине», «Великие и малые оды» и «Изречения». Что касается первой части «Мын-цзы», то она была усвоена лишь наполовину, и если бы Бао-юй услышал из текста какую-нибудь фразу, он вряд ли мог бы припомнить, что следует за нею. Вторая часть «Мын-цзы» не была усвоена совсем. В «Пятикнижие» Бао-юй частенько заглядывал, когда сочинял стихи, и хотя знал его не совсем хорошо, но все же достаточно, чтобы кое-как ответить. Из других книг он не помнил ничего, да и отец, к счастью, не заставлял его читать их, так что не беда, если он не будет знать их. Из неканонических литературных произведений он когда-то читал «Мемуары Цзо Цю-мина», «Книгу Борющихся царств», «Мемуары Гунъян Гао», «Мемуары Гулян Чи», а также произведения времен династий Хань и Тан. Однако за последнее время он эти книги почти не открывал. Иногда он брался за них, но тут же забывал прочитанное. Восьмичленные сочинения он терпеть не мог, уверяя, что стиль этих книг создан не древними мудрецами, а их потомками, которые лишь стремились снискать

себе славу и добиться высоких чинов, поэтому с помощью такого стиля нельзя было в достаточной степени раскрыть глубочайшие мысли мудрых и мудрейших! Цзя Чжэн перед отъездом выбрал для Бао-юя сто десять таких сочинений и велел ознакомиться с ними. Это были более или менее новые сочинения, и лишь отдельные отрывки из них были написаны в совершенстве. Эти отрывки, повествовавшие о странствиях, забавах либо о тоске, пришлись по вкусу Бао-юю и тронули его душу. Бао-юй читал их, чтобы получить мимолетное удовольствие, но в конце концов ни одного сочинения полностью не прочел. Сейчас заниматься ими не стоило – отец мог спросить совсем другое; повторять же другое опять-таки было рискованно – вдруг отец придерется именно к этому. Даже занимаясь всю ночь напролет, он не смог бы повторить всего.

Беспокойство Бао-юя нарастало. То, что он занимался всю ночь, еще куда ни шло, но он не давал спать уставшим за день служанкам.

Си-жэнь сидела рядом с Бао-юем, снимала нагар со свечи, наливала ему чай. Младшие служанки, совершенно обессилив, клевали носом.

– Ну и дряни! – бранилась Цин-вэнь. – Целыми днями валяетесь в постели и все не можете выспаться! Один раз приходится лечь попозже, и вы уже раскисли! Смотрите, кто задремлет, буду колоть иголкой!

Не успела она произнести эти слова, как из передней послышался какой-то стук. Оказалось, одна девочка-служанка задремала сидя и ударилась головой о стену. Ничего не соображая и находясь в полудремотном состоянии, она услышала последние слова Цин-вэнь и решила, что та ее ударила.

– Милая сестрица! – громко заплакала она и принялась умолять Цин-вэнь пощадить ее. – Я больше не буду!..

Все покатались со смеху.

– Прости ее, – попросил Бао-юй. – Собственно говоря, нужно отпустить их спать. И вы можете спать по очереди!

– Занимайся-ка лучше своими делами, – прервала его Си-жэнь. – В твоем распоряжении одна ночь, ты должен думать только о книгах, а когда опасность минует, займешься чем захочешь.

Доводы Си-жэнь показались Бао-юю убедительными, и он опять углубился в книги.

Шэ-юэ налила ему чашку чаю, чтобы промочить горло, и Бао-юй выпил. Заметив, что на Шэ-юэ только одна тонкая кофточка, он сказал ей:

– Холодно, надела бы длинный халат!

– Не лучше ли будет, если ты на время о нас позабудешь? – возразила Шэ-юэ. – Думай только об этом! – и она ткнула пальцем в книгу.

В это время в комнату с криком вбежали Чунь-янь и Цю-вэнь:

– Беда! Кто-то перелез через ограду!

– Где? – раздались тревожные возгласы.

В доме поднялся переполох, стали созывать сторожей, бросились искать.

Цин-вэнь, крайне обеспокоенная тем, что Бао-юй всю ночь занимается и неизвестно, даст ли это результат, решила воспользоваться переполохом, чтобы выручить его из затруднительного положения.

– Притворись больным, – посоветовала она Бао-юю. – Говори, что перепугался!

Слова Цин-вэнь пришлись Бао-юю по душе.

Вскоре собрались ночные сторожа, они с фонарями обыскали весь сад, но никого не обнаружили.

– Может быть, маленькие барышни спросонья приняли раскачивающуюся по ветру ветку дерева за человека? – говорили они.

– Глупости! – прервала их Цин-вэнь. – Вы плохо искали, а теперь оправдываетесь, чтобы увильнуть от ответа! Не только я, все наши девушки видели человека. Бао-юй тоже видел его,

когда выбежал из дому вместе с нами. Бао-юй лежит бледный от испуга, у него появился жар, и мне придется бежать к госпоже за успокаивающим лекарством. Если госпожа спросит, что случилось, неужели мне докладывать, как вы сказали?

Сторожа онемели от страха и, не осмеливаясь возражать, вновь отправились на розыски. Цин-вэнь и Цю-вэнь действительно побежали за лекарством, рассказывая доброй всем встречным, что Бао-юй от испуга заболел.

Когда это известие дошло до госпожи Ван, она тотчас приказала дать Бао-юю лекарство, а сторожам строго наказала еще раз самым тщательным образом обыскать весь сад и, кроме того, велела хорошенько проверить сторожей, дежуривших за вторыми воротами у стены, отделяющей дворец Жунго от соседнего дома.

Всю ночь в «саду Роскошных зрелищ» продолжалась суматоха, мелькали фонари и факелы. А когда наступило время пятой стражи, управляющие получили приказ расследовать это происшествие.

Узнав, что Бао-юй заболел от испуга, матушка Цзя захотела узнать о причине. От нее не посмели ничего скрывать и рассказали все, что было известно.

– Не ожидала я, что такое может случиться, – произнесла матушка Цзя. – Не важно, что ночные сторожа невнимательны, – как бы они сами не оказались грабителями!

В этот момент в комнату вошли госпожа Син и госпожа Ю, чтобы справиться о здоровье матушки Цзя. Здесь же находились Ли Вань, Фын-цзе и барышни. Все молчали, не зная, что отвечать. Одна Тань-чунь встала и сказала:

– Сестра Фын-цзе болеет, поэтому все слуги распустились. Раньше по ночам или в свободное время они лишь украдкой собирались по трое, по четверо и ради забавы играли в кости или в карты, а сейчас совсем распоясались и открыли чуть ли не игорный дом. У них даже свои главари есть, и играют они со ставками в тридцать—пятьдесят связок монет. Полмесяца назад они даже драку затеяли.

– Если тебе об этом было известно, почему раньше не доложила? – спросила ее матушка Цзя.

– Потому что я знала, что у госпожи много дел и ей нездоровится, – ответила Тань-чунь. – Я сообщила об этом старшей сестре Ли Вань и управительницам, они предупредили нарушителей, и сейчас стало тише.

– Ты молода и не представляешь себе, какое зло таится в этих играх! – проговорила матушка Цзя. – Ты считаешь игру на деньги безобидным занятием и боишься только, как бы не было раздоров, но ты не думаешь о том, что раз они играют ночью, то неизбежно пьют, а это значит, они отпирают ворота и ходят покупать вино. В саду ночью людей мало, и этим могут воспользоваться воры! Да и среди женщин, живущих в саду, не все порядочные! Они будут безобразничать и развратничать, а вы, чего доброго, еще у них научитесь! Разве можно прощать подобные дела?!

Тань-чунь молча опустила на место. Услышав слова матушки Цзя, Фын-цзе с досадой воскликнула:

– И как назло, я болею!

Но она не пала духом, даже будучи больной. Она приказала вызвать жену Линь Чжи-сяо и трех других управительниц и в присутствии матушки Цзя сделала им строгое внушение. Матушка Цзя приказала немедленно выявить наиболее азартных игроков, наградить тех, кто назовет их имена, и наказать каждого, кто посмеет их скрывать.

Опасаясь гнева матушки Цзя, жена Линь Чжи-сяо и остальные управительницы не осмеливались выгораживать виновных. Они тотчас же отправились в сад, созвали всех и стали допрашивать в отдельности каждую служанку. Сначала ничего не удалось обнаружить, но, как неизбежно бывает, «когда уходит вода, обнажаются камни». Вскоре выявили трех главных игроков и восемь их партнеров. А таких, которые вообще играли по ночам, оказалось больше

двадцати человек. Всех их привели к матушке Цзя и поставили на колени посреди двора. Провинившиеся отбивали земные поклоны и умоляли о пощаде.

Первым долгом матушка Цзя спросила имена и фамилии трех главарей и поинтересовалась суммой, на которую они играли. Выяснилось, что одна из игравших женщин приходилась теткой жене Линь Чжи-сяо, другая – младшей сестрой кухарке Лю из «сада Роскошных зрелищ», а третьей оказалась кормилица второй барышни Ин-чунь. Это были главные виновники. Об остальных не сто́ит говорить!

Прежде всего матушка Цзя распорядилась сжечь кости и карты, все деньги отобрать и распределить между слугами и служанками, каждому из главных игроков дать по сорок палочных ударов и выгнать из дворца; остальных – наказать двадцатью ударами, вычесть трехмесячное жалованье и поставить их на чистку отхожих мест. Жена Линь Чжи-сяо получила выговор.

Жене Линь Чжи-сяо было неудобно, что ее тетка понесла наказание. Ин-чунь было неприятно за свою кормилицу. Дай-юй, Бао-чай и Тань-чунь сочувствовали Ин-чунь и решили прийти ей на помощь. Они принялись просить матушку Цзя пощадить кормилицу Ин-чунь.

– Эта женщина обычно никогда не играла. Мы даже не представляем себе, зачем ей вздумалось впутываться в эту историю.

– Ничего вы не понимаете! – оборвала их матушка Цзя. – Эти кормилицы больше других заслуживают порицания, потому что они пользуются в доме бóльшим влиянием, чем простые слуги и служанки, и устраивают скандалы и беспорядки! Они только и подстрекают своих воспитанниц, чтобы те покрывали их проделки. Я это все сама пережила, поэтому знаю. Вот и хорошо, что она попалась, ее надо непременно наказать в назидание другим! Не мешайте мне, я знаю, что с ней делать!

Никто больше не возражал.

Между тем наступил полдень, и матушка Цзя легла отдыхать. Все вышли из комнаты, но, так как матушка Цзя была разгневана, никто не осмеливался уйти.

Госпожа Ю пришла к Фын-цзе, намереваясь с нею поболтать, однако Фын-цзе тоже была рассержена, и госпожа Ю, оставив ее, отправилась в «сад Роскошных зрелищ».

Госпожа Син посидела у госпожи Ван и тоже решила пройтись по саду. Достигнув ворот сада, она вдруг увидела девочку-служанку из комнат матушки Цзя.

Эта девочка была немного глуповата, за что ей дали прозвище «сестрица Дурочка». Она направлялась навстречу госпоже Син и, хихикая, размахивала каким-то ярким предметом. Она была настолько поглощена этим предметом, что не глядела по сторонам. Лишь столкнувшись с госпожой Син, она подняла голову и остановилась как вкопанная.

– Глупая девчонка! – обругала ее госпожа Син. – Что это за вещь, которая тебе так понравилась? Дай-ка мне поглядеть!

«Сестрице Дурочке» было четырнадцать лет, у матушки Цзя она служила недавно и использовалась на черных работах. Она была полная и широколицая, с большими ногами, в работе ловкая и проворная. Она отличалась необычайным упрямством, в житейских делах совершенно не разбиралась, и когда принималась рассуждать о чем-нибудь, вызывала общий смех. Матушке Цзя она нравилась; она и дала девочке прозвище «сестрица Дурочка», и если девочка совершала оплошность, ее не наказывали. Когда нечего было делать, «сестрица Дурочка» любила гулять в «саду Роскошных зрелищ».

И вот сегодня, гуляя по саду, она свернула за небольшую искусственную горку, намереваясь половить сверчков, и вдруг увидела на траве мускусный мешочек с узорами. Но вышиты на нем были не цветы и не птицы, а две обнаженные обнявшиеся человеческие фигурки, а на обратной стороне – несколько иероглифов. Девочка не поняла, что здесь изображена сцена любви, и принялась размышлять:

– Может быть, это бой волшебников? Или два человека дерутся?

Но как она ни старалась, догадаться ей не удалось, что означает рисунок. Тогда она взяла мешочек и, хихикая, направилась к матушке Цзя, намереваясь расспросить ее об этом.

Услышав, что госпожа Син просит показать мешочек, «сестрица Дурочка» с радостной улыбкой воскликнула:

– Вы совершенно верно заметили, госпожа, это очень интересная вещица! Поглядите! Она протянула госпоже Син мешочек. Госпожа Син так и остолбенела.

– Где ты это взяла? – только и смогла вымолвить она.

– Я хотела половить сверчков и побежала за горку, – ответила «сестрица Дурочка», – там и нашла.

– Никому не рассказывай! – предупредила ее госпожа Син. – Это нехорошая вещь! За нее тебя могут убить. Ты ведь глупая – еще проболтаешься!

– Не буду, не буду! – торопливо заверила девочка, и лицо ее от страха пожелтело. Она низко поклонилась госпоже Син и, ошеломленная, бросилась прочь.

Госпожа Син огляделась кругом – поблизости были только девочки-служанки, и отдать им мешочек нельзя было. Госпожа Син спрятала его в рукав. Она была очень удивлена и ломала себе голову, пытаясь понять, как могла подобная вещь сюда попасть. Стараясь ничем не выдавать своего волнения, она направилась к Ин-чунь.

Ин-чунь была расстроена тем, что ее кормилица провинилась. Но при виде госпожи Син девушка овладела собой, встретила ее как полагается и подала чаю.

– Ты уже взрослая, – начала упрекать ее госпожа Син. – Твоя кормилица занимается неприглядными делами, а ты ей потакаешь! Никто не оскандалился, только наша служанка оказалась виноватой. В чем здесь дело?

Ин-чунь потупила голову, нервно теребя свой пояс.

– Я дважды с ней говорила, – нерешительно произнесла она после длительного молчания. – Она меня не послушала, и я ничего с ней не могла поделать. Ведь она моя кормилица, и желательно, чтобы она меня наставляла, а не я ее...

– Глупости! – прервала ее госпожа Син. – Когда ты поступаешь плохо, она должна удерживать тебя, а когда она нарушает правила приличия, ты, как барышня, должна придерживать ее. Если она не хотела тебе повиноваться, надо было доложить мне. Все – и свои и чужие – знают о скандале! На что это похоже? Но этого мало! Ты дала ей волю, она, наверное, брала твои шпильки, кольца, платья и на них играла! Конечно, у тебя характер мягкий, и ты не могла отказать ей. А выпрашивать она умеет, язык у нее хорошо ворочается! Если она тебя обобрала, я не дам тебе ни гроша! Посмотрим, что ты будешь делать, когда настанет праздник!

Ин-чунь смущенно молчала, и только еще ниже опустила голову. Глядя на нее, госпожа Син холодно усмехнулась.

– Ведь ты родная дочь старшего господина Цзя Шэ и его наложницы, а Тань-чунь всего лишь дочь второго по старшинству господина Цзя Чжэна, причем тоже от наложницы. Таким образом, по происхождению вы одинаковы, но твоя родная мать пользуется в доме в десять раз большим влиянием, чем наложница Чжао, так что ты должна быть посильнее Тань-чунь. Почему ж ты уступаешь ей?... Лучше бы у меня совсем не было детей! По крайней мере люди не смеялись бы надо мной!

– Пришла супруга второго господина Цзя Ляня! – вдруг доложила служанка.

Госпожа Син снова усмехнулась, позвала служанку и приказала ей:

– Скажи, пусть она лечится, мне ее услуг не требуется.

Потом прибежала девочка-служанка, которую посылали в дом матушки Цзя, и сообщила:

– Старая госпожа проснулась!

Госпожа Син встала и отправилась к матушке Цзя. Ин-чунь проводила ее до ворот.

– Ну, что вы теперь скажете, барышня? – обратилась к ней служанка Сю-цзюй. – Помните, я недавно говорила вам, что куда-то исчез золотой феникс, унизанный жемчугами? Вы не пове-

рили и даже не хотели поискать. Я вас еще тогда уверяла, что эта старуха утащила его и заложила, чтобы достать денег на игру, но вы были убеждены, что феникса убрала Сы-ци, и велели мне узнать у нее. Сы-ци тогда была больна и просила передать вам: «Я его не убирала, феникс по-прежнему лежит в шкатулке, на книжной полке. Я положила его туда, потому что барышне нужно будет надеть его лишь на праздник середины осени». Вам, барышня, следовало бы спросить у старухи.

– Зачем? – возразила Ин-чунь. – Она взяла феникса на время. Я ведь предупреждала ее, когда она что-нибудь берет, пусть кладет на прежнее место. Кто же думал, что она позабудет?! Все равно уже поднялся скандал и спрашивать ее бесполезно.

– Вы думаете, она забыла? – возмутилась Сю-цзюй. – Просто она знает, что у вас мягкий характер! Я думаю, вам немедленно нужно доложить обо всем второй госпоже Фын-цзе, чтобы она заставила старуху вернуть вещь. Может быть, вы не хотите заводить об этом разговор и наживать лишние хлопоты? Тогда можно попросить вторую госпожу Фын-цзе, чтобы она выкупила этого феникса за несколько связок монет, и делу конец. Согласны?

– Ладно! – остановила ее Ин-чунь. – Только бы не было неприятностей. Зачем затевать новый скандал? Пусть лучше все пропадает...

– Почему вы так слабовольны, барышня? – укоризненно покачала головой Сю-цзюй. – Если вы будете бояться хлопот, вас самих могут украсть! Лучше уж я пойду и доложу!

С этими словами она вышла из комнаты. Ин-чунь не стала удерживать служанку, предоставив ей поступать по собственному усмотрению.

Случилось так, что невестка кормилицы Ин-чунь, жена слуги Юй Гуя, направлялась к Ин-чунь с просьбой заступиться за ее свекровь. Услышав из-за двери разговор о золотом фениксе, она настороженно остановилась. Она знала, что Ин-чунь слабохарактерна и никто с нею не считается, но когда Сю-цзюй решительно заявила, что пойдет к Фын-цзе и обо всем расскажет, жена Юй Гуя поняла, что отвертеться не удастся. Она бросилась в комнату и, подбостранно улыбаясь, взмолилась:

– Барышня, не поднимайте скандал! Наша старуха из ума выжила. Она проиграла и, не зная, на что отыграться, взяла золотого феникса. Она даже представить себе не могла, что получится такая неприятность. Мы ведь знаем, что эта вещь принадлежит не ей, а ее хозяйке, так что рано или поздно выкупим ее и возвратим барышне! Умоляю вас, пойдите к старой госпоже и спасите нашу старуху!

– Сестра, ты говоришь о невозможном, – ласково ответила Ин-чунь. – Мне просить бесполезно. Что я могу сделать? Сестра Бао-чай и сестрица Линь Дай-юй уже просили старую госпожу об этом, но она отказала. Я и так сгораю от стыда, так неужели ты думаешь, что я еще возьму на себя чужой позор?

– Выкупить золотого феникса – это одно, а просить старую госпожу, чтобы она помиловала твою свекровь, – дело другое, – вмешалась Сю-цзюй, оборачиваясь к женщине, – не смешивай две разные вещи! Неужели вы не выкупите феникса, если барышня не пойдет заступаться за твою свекровь?! Лучше бы сначала принесла феникса, а потом уж поговорили бы.

Получив отказ Ин-чунь и выслушав едкие упреки Сю-цзюй, жена Юй Гуя вспыхнула. Злоупотребляя мягкостью Ин-чунь, она в присутствии девушки напустилась на Сю-цзюй:

– Не очень-то зазнавайся! Разве в доме есть мамки и няньки, которые не стремятся извлечь выгоды за счет своих господ?! Все вы потихоньку воруете! С тех пор как приехала барышня Син Сю-янь, госпожа распорядилась удерживать один лян из нашего месячного жалования для посылки ее матери. Да прибавились расходы на ее содержание здесь! Опять же страдаем мы! Что же получится, если за наш счет все начнут экономить? У всех постоянно чего-нибудь не хватает, а расплачиваемся мы. За последнее время нам недодали по крайней мере тридцать лян серебра! Это же наши кровные деньги!

– Какие тридцать лян? – с бранью обрушилась на нее Сю-цзюй. – Погоди, я с тобой рассчитаюсь! Что у тебя требовала наша барышня?

Услышав, что эта женщина говорит о том же, что и госпожа Син, Ин-чунь прервала ее:

– Ладно тебе, хватит! Если не можешь принести феникса, не подымай скандал! Если госпожа спросит, я скажу, что потеряла. Тебя это дело не касается, иди своей дорогой! Чего расшумелась!

Она велела Сю-цзюй налить чашку чаю, но возмущенная Сю-цзюй продолжала ворчать:

– Вам-то бояться нечего, но, если меня спросят, куда девалась вещь, что мне отвечать? Ведь они же украли ее, а еще говорят, что вы утаиваете их жалованье! Нужно все немедленно выяснить, не то госпожа узнает, начнет допытываться, почему вы пользуетесь чужими деньгами, и получится новая неприятность. Все подумают, что вы занимаетесь вымогательством, и скандал неминуем!

Сю-цзюй заплакала. Сы-ци не выдержала, поднялась с постели и решила вместе с Сю-цзюй пойти допрашивать старуху. Ин-чунь не могла удержать их. Чтобы рассеять неприятные мысли, она раскрыла «Откровения верховного божества» и принялась читать.

Между тем служанки продолжали спорить. В это время пришли Бао-чай, Дай-юй, Бао-цин и Тань-чунь. Они знали, что Ин-чунь расстроена, и решили ее успокоить. Войдя во двор, они услышали громкие голоса; Тань-чунь заглянула в комнату через затянутое тонким шелком окно и увидела Ин-чунь, которая сидела, опершись о спинку кровати, и читала, делая вид, что ничего не слышит.

– Пришли барышни! – раздался голос девочки-служанки.

Ин-чунь тотчас отложила книгу и встала. Едва жена Юй Гуя увидела Тань-чунь, она прикусила себе язык и поспешила спрятаться.

Войдя в комнату, Тань-чунь опустилась на стул и спросила Ин-чунь:

– Кто это разговаривал? Мне показалось, будто здесь ругаются!

– Ничего особенного не произошло, – ответила Ин-чунь. – Просто служанки из мелочи готовы раздуть целую историю. Зачем ты спрашиваешь?

– В разговоре как будто упоминали золотого феникса, – продолжала Тань-чунь, – и потом мне послышалось нечто вроде: «У вас нет денег, так вы берете их у своих служанок». Интересно, кто брал у служанок деньги? Неужели это ты, сестра?

– Вот, вот, барышня! – воскликнули Сю-цзюй и Сы-ци. – Когда это бывало, чтобы наша барышня вымогала деньги у служанок?

– Если ты не вымогала, выходит, мы вымогали! – улыбнулась Тань-чунь. – Ну-ка позовите женщину, которая нас в этом обвиняет, – я хочу с ней поговорить!

– Тебе-то чего беспокоиться?! – улыбнулась Ин-чунь. – Ведь ты здесь ни при чем!

– Неправда, – возразила Тань-чунь. – Твои дела для меня все равно что мои собственные. Если делают упреки тебе, это относится и ко мне. А если кто-нибудь ругал бы меня, это все равно, как если бы ругали тебя. Мы с тобой хозяйева и часто, забывая о деньгах, требуем все, что нам вздумается. Но скажи мне, как в эту историю попал золотой феникс?

Жена Юй Гуя, боясь, что Сю-цзюй может наговорить на нее, перепугалась не на шутку и, подбежав к Тань-чунь, принялась оправдываться.

Тань-чунь сразу поняла ее намерение и поэтому с улыбкой сказала:

– Это еще раз доказывает, что ты глупа. Раз твоя свекровь провинилась, ты бы попросила у госпожи Фын-цзе денег, которые еще не успели раздать служанкам, и на них выкупила бы феникса. Тогда не было бы повода для скандала, и ваша репутация осталась бы незапятнанной. Но раз уж вы опозорились, пусть она одна отвечает за всех, потому что нет никакого смысла рубить две головы. Послушай меня, поговори со второй госпожой Фын-цзе! Куда годится поднимать шум из-за всяких пустяков!

Женщина, которую Тань-чунь поставила в тупик, не могла ничего возразить, хотя идти с повинной к Фын-цзе у нее не хватало смелости.

– Если б я ничего не слышала, все осталось бы как было, – с улыбкой продолжала Тань-чунь. – Но поскольку я слышала твои слова, мне пришлось вмешаться и рассудить вас.

Тань-чунь бросила многозначительный взгляд Ши-шу, и та вышла. Разговор продолжался. Но вдруг все увидели Пин-эр, входящую в комнату.

– Не иначе как третья сестра Тань-чунь обладает волшебным даром вызывать духов! – всплеснув руками, воскликнула Бао-цин.

– Нет, это не волшебство, – с улыбкой возразила Дай-юй. – Скорее всего, это блестящее полководческое искусство, или так называемый план «защищайся, чтобы враг не мог подступиться; наступай стремительно; нападай, когда враг не ожидает».

Бао-чай многозначительно посмотрела на смеющихся девушек, и обе они тотчас же переменили тему разговора.

– Твоя госпожа поправилась? – спросила Тань-чунь у Пин-эр. – Поистине, от болезни она поглупела, перестала думать о делах и заставляет нас терпеть такие обиды!

– Кто осмеливается вас обижать? – удивилась Пин-эр. – Рассказывайте, барышня, я вас слушаю!

Жена Юй Гуя разволновалась, бросилась к Пин-эр, услужливо предлагая:

– Садитесь, пожалуйста, барышня! Позвольте рассказать вам, что здесь происходит!

– Ты почему вмешиваешься в разговор барышень? – строго спросила ее Пин-эр. – Ты же знаешь правила этикета – следует ожидать за дверью, пока тебя позовут! Кто позволил тебе лезть прямо в комнаты барышни?

– У нас никакого этикета не существует, – с усмешкой заметила Сю-цзюй, – кому вздумается, тот и лезет!

– Сами виноваты, – заметила Пин-эр. – Ваша барышня слишком добра. Вы должны гнать от нее всяких нахалок и докладывать о них госпоже.

Слова Пин-эр заставили жену Юй Гуя покраснеть, и она молча вышла из комнаты.

Между тем Тань-чунь обратилась к Ин-чунь:

– Если бы меня обидел кто-либо другой, еще куда ни шло! Недавно мать Юй Гуя, пользуясь тем, что она твоя няня и что ты слабохарактерна, самовольно взяла твою вещь, заложила ее и на полученные деньги играла в кости; кроме того, прибежала ко всяким измышлениям, принуждая тебя просить старую госпожу о снисхождении. Сейчас жена Юй Гуя затевает ссору с твоими служанками у тебя в спальне, и ты с ней не можешь справиться. Я не могу оставаться равнодушной к такому безобразию и хочу тебя спросить: неужели она живет на небе и не знает существующих у нас правил?! Или, может быть, кто-нибудь научил ее поступать так? Видимо, они сначала хотят прибрать к рукам тебя, а потом приняться за меня и Си-чунь.

– Зачем вы так говорите, барышня? – с улыбкой сказала Пин-эр. – Наша госпожа Фын-цзе этого не позволит!

Тань-чунь усмехнулась:

– Пословица гласит: «Каждый прежде жалеет себя самого; если лишишься губ, зубы заболят от холода». Разумеется, я не могу не беспокоиться за сестру!

Пин-эр обратилась к Ин-чунь:

– Это дело можно уладить быстро! Но как думает сама барышня? Ведь речь идет о ее кормилице.

Ин-чунь, увлекшаяся «Откровениями верховного божества», неожиданно услышала слова Пин-эр и улыбнулась:

– Не знаю, что делать! Пусть моя кормилица сама за себя отвечает – я не буду ни просить снисхождения, ни жаловаться на нее! Что же касается феникса, которого она у меня взяла, то если она пришлет его – хорошо, не пришлет – требовать не буду. Когда госпожи спросят

меня, куда девалась вещь, я постараюсь скрыть; если вывернуться мне не удастся – ничего не поделаешь. Обманывать господ из-за таких людей не стоит, лучше всего сказать правду. Вы считаете, что у меня слишком мягкий характер и я не умею действовать решительно. Если вы придумали, как добиться, чтобы госпожи не сердились, поступайте по своему усмотрению, я вмешиваться не буду.

Девушки засмеялись, а Дай-юй добавила:

– «Она вздумала рассуждать о причинах и следствиях, когда у нее на крыльце сидят тигры и волки!» Интересно, как бы вторая сестра управляла этими людьми, если бы была мужчиной.

– Вот именно, – с улыбкой подтвердила Ин-чунь. – Сколько есть мужчин, которые живут за счет доходов и поступают так же нерешительно, когда нужно проявить твердость? К тому же в «Откровениях верховного божества» прекрасно сказано, что спасти человека от беды – самое доброе тайное деяние. Раз я могу спасти человека, так зачем мне враждовать с ним и причинять вред самой себе?!

Не успела она произнести эти слова, как в передней послышались шаги.

Ну а кто вошел, можно узнать из следующей главы.

Глава семьдесят четвертая, из которой читатель узнает о том, как подозрение в разврате и клевета повлекли за собой обыски в «саду Роскошных зрелищ» и как желание укрыться от сплетен и ссор вызвало разрыв с дворцом Нинго

Итак, выслушав рассуждения Ин-чунь, Пин-эр хотела рассмеяться, но в этот момент в передней послышались шаги и на пороге появился Бао-юй.

Здесь придется снова напомнить о недавно происшедших событиях. Дело в том, что младшая сестра старухи Лю, кухарки из «сада Роскошных зрелищ», тоже оказалась в числе зачинщиц азартных игр. Многие служанки, жившие в саду, давно недолюбливали старуху Лю и, воспользовавшись моментом, пожаловались на нее, будто она и ее сестра утаивали их деньги и делили между собой. Узнав об этом, Фын-цзе решила заодно наказать и старуху Лю. Старуха встревожилась, но тут же вспомнила, что служанки со «двора Наслаждения розами» хорошо к ней относятся, поэтому она потихоньку упростила Цин-вэнь и Фан-гуань замолвить за нее словечко перед Бао-юем. Тот, в свою очередь, подумал, что, поскольку среди провинившихся находится и кормилица Ин-чунь, надо действовать заодно с сестрой, так как считал неудобным просить снисхождения только для одной старухи Лю. В этом и заключалась причина его неожиданного появления в комнате Ин-чунь.

– Ты уже выздоровел? – наперебой стали спрашивать его удивленные девушки. – Зачем ты пришел?

– Навестить вторую сестру, – ответил Бао-юй, не желая открывать им истинную цель своего прихода.

Никто не придавал особого значения его словам, все продолжали болтать о пустяках. Вскоре Пин-эр ушла, чтобы уладить дело с выкупом заложенного золотого феникса. Жена Юй Гуя поплелась следом за нею, по пути продолжая умолять:

– Барышня, заступитесь за нас! Я сама выкуплю этого феникса!

– Тебе все равно пришлось бы выкупить его, – ответила Пин-эр. – Если ты это знала, зачем затеяла всю историю? Коль ты сама признаешь, что виновата, значит виновата. Мне тоже неудобно рассказывать об этом, так что, если ты принесешь мне феникса, я никому не скажу ни слова.

Лишь теперь жена Юй Гуя немного успокоилась, стала без конца кланяться и благодарить Пин-эр.

– Не беспокойтесь, барышня! К вечеру я выкуплю феникса, – пообещала она, – прежде всего сообщу вам, а затем отнесу его барышне Ин-чунь.

– Смотри, если к вечеру не принесешь, не обижайся! – предупредила Пин-эр.

Порешив на этом, они разошлись каждая своей дорогой.

Когда Пин-эр возвратилась домой, Фын-цзе с любопытством спросила ее:

– Зачем тебя звала третья барышня?

– Она очень боится, что вы сердитесь на нее, и велела мне вас успокоить, – отвечала Пин-эр. – Кроме того, она интересовалась, что вы ели в последние дни.

– Все-таки она заботится обо мне, – улыбнулась Фын-цзе. – Кстати, только что случилась еще одна неприятность. Мне сообщили, что старуха Лю и ее младшая сестра возглавляли сборище игроков, причем младшая Лю делала все по приказанию старухи. Я вспомнила, как ты говорила, что не стоит вмешиваться не в свои дела, а лучше заботиться о своем здоровье! Я тогда тебя не послушалась, и вот твои предсказания сбылись. Я же оказалась виноватой

перед госпожой, и здоровье мое еще больше расстроилось. Но теперь я решила: пусть скандалят сколько угодно, без меня есть кому в этом разбираться. К чему зря стараться и вызывать только брань и проклятия?! Мне действительно надо полечиться, чтобы поскорее выздороветь, а когда я поправлюсь, то буду умнее: представится случай повеселиться – повеселюсь, будет возможность посмеяться – посмеюсь, а они пусть поступают как хотят. Я на все соглашусь.

– Если вы на самом деле начнете поступать так, госпожа, это будет для нас великим счастьем! – радостно воскликнула Пин-эр.

В это время в комнату вошел Цзя Лянь.

– Опять неприятности! – со вздохом произнес он. – Не понимаю, каким образом моя матушка узнала, что я хотел взять у Юань-ян вещи и заложить их? Только что она вызвала меня и говорит: «Где угодно достань двести лян серебра на устройство праздника середины осени». Я отвечаю ей, что достать негде. Она твердит свое: «Раз достать негде, возьми из тех, что предназначены на другие нужды! Когда бы я тебя ни просила – ты всегда стараешься увильнуть от моих поручений. Говоришь, денег взять негде? А где тысяча лян серебра, которые ты получил под залог вещей? Даже вещи старой госпожи умудрился обменять на серебро, а теперь уверяешь, что не можешь достать двести лян! Благодарю еще, что я об этом никому не рассказала!» Мне кажется, у нее ни в чем нет недостатка, и зачем только она ищет повода для скандала и донимает меня?!

– Ведь в тот день, когда происходил разговор об этих вещах, никого из посторонних как будто не было, – заметила Фын-цзе. – Кто ж это проболтался?

Пин-эр тоже стала старательно припоминать, не было ли у них кого-нибудь в тот день, и вдруг воскликнула:

– Да! В тот день у нас действительно никого не было, и только вечером, когда принесли вещи к нам, зашла мать «сестрицы Дурочки», чтобы отдать накрахмаленное белье. Сидя в передней, она, вероятно, заметила большой короб с вещами и полюбопытствовала, что это такое, а девочки-служанки по неведению проболтались.

Она созвала девочек-служанок и строго спросила у них:

– Кто рассказал матери «сестрицы Дурочки», что находится в коробе?

Девочки задрожали, бросились на колени и принялись клясться:

– Мы никогда не говорим лишнего! Если нас спрашивают о чем-нибудь, мы отвечаем, что нам ничего не известно! Неужели мы осмелились бы рассказать ей о вещах?!

– Ладно, не трогай их! – после некоторого раздумья произнесла Фын-цзе. – Конечно, это не они. Сейчас самое главное – послать госпоже деньги! Пусть нам придется себя кое в чем урезать, только бы не было неприятностей. Пин-эр! – приказала она. – Заложу на двести лян мои золотые украшения, и покончим с этим делом!

– Не мешало бы заложить вещи еще на двести лян, – предложил Цзя Лянь. – Ведь и нам самим понадобятся деньги на расходы!

– Ни к чему, – возразила Фын-цзе. – У меня никаких расходов не предвидится. Я и без того ломаю голову, за счет чего выкупить то, что уже заложено!

Пин-эр взяла все, что ей было приказано, и послала жену Ван-эра за деньгами. Вскоре та вернулась с серебром, которое Цзя Лянь отнес матери. Но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Фын-цзе и Пин-эр продолжали строить догадки – кто же распустил слух о том, что вещи старой госпожи отданы в залог. «Разве мы не окажемся виноватыми, если в это дело впутают Юань-ян?» – думали они.

– Госпожа пришла, – доложила вдруг девочка-служанка.

Фын-цзе удивилась, не понимая, зачем могла прийти госпожа Ван, и вместе с Пин-эр поспешила навстречу. Им сразу бросилось в глаза, что госпожа Ван чем-то омрачена. Она

пришла лишь в сопровождении доверенной служанки и молча опустилась на стул. Фын-цзе торопливо поднесла ей чаю и, улыбаясь, спросила:

– Что привело вас сюда, госпожа?

– Пин-эр, выйди вон! – крикнула госпожа Ван.

Измученная Пин-эр вместе с другими служанками вышла за дверь, заперла ее и никому не разрешала входить в комнату. Сама она присела на крыльце.

Фын-цзе тоже была взволнованна и никак не могла догадаться, что все это значит. А госпожа Ван, едва сдерживая слезы, вытряхнула из рукава мускусный мешочек:

– Вот, полюбуйся!

Фын-цзе поспешно подняла мешочек, осмотрела его и, вздрогнув от испуга, спросила:

– Откуда это у вас, госпожа?

Из глаз госпожи Ван градом покатались слезы.

– Откуда? – дрожащим голосом переспросила она. – Я целыми днями сижу дома, словно на дне колодца, ничего не вижу, полагаясь на то, что ты внимательна, а выходит, ты такая же, как я! Эта вещь среди белого дня была найдена в саду служанкой старой госпожи. Хорошо еще, что твоя свекровь увидела, не то мешочек давно попал бы к старой госпоже! Вот я и хочу тебя спросить: каким образом ты обронила ее там?

– А почему вы думаете, что эта вещь принадлежит мне, госпожа? – спросила Фын-цзе, меняясь в лице.

Заливаясь слезами и тяжело вздыхая, госпожа Ван продолжала:

– И ты еще спрашиваешь? Кому в доме может понадобиться подобная вещь, если не молодым супругам? Неужели старухам? Девочки тоже не могли ее достать! Разумеется, этот распутник Цзя Лянь откуда-то принес! Ведь вы с ним помирились, и он притащил мешочек тебе для забавы! Не отпирайся, такие вещи часто случаются среди молодых людей! Хорошо, что этот мешочек не подобрал никто из живущих в саду! А если б его нашла какая-нибудь служанка да твои сестры увидели бы! Или если б служанки подобрали да рассказали чужим людям, что нашли эту вещь в саду, разве это не нанесло бы непоправимый ущерб нашей репутации?!

Фын-цзе смутилась, лицо ее залилось густой краской стыда. Опустившись коленями на край кана, она едва сдерживала слезы:

– Вы говорите вполне убедительно, госпожа, и я не осмеливаюсь возражать. Но уверяю вас, таких вещей у меня никогда не бывало, и я прошу вас хорошенько во всем этом деле разобраться. Любовная сцена, изображенная на мешочке, да и бахрома к ней показывают, что вещь эта сделана не у нас, а куплена на рынке. Я же хотя и молода, но пользоваться подобными вещами никогда не стану. Кроме того, такие вещи нельзя носить при себе постоянно; если б даже у меня был такой мешочек, я бы спрятала его подальше! Неужели вы думаете, что я носила бы его с собой во время прогулок? Мы часто балуемся с сестрами в саду, и если б я потеряла мешочек, мне было бы неудобно не только перед сестрами, но и перед служанками. Я действительно молода, но среди слуг и служанок есть много людей помоложе меня. Они тоже ходят в сад, и как знать, может быть, кто-либо из них и обронил? Из дворца Нинго в сад часто приходят госпожа Ю и молодые наложницы. Янь-хун, Цуй-юнь и кое-кто еще тоже молоды, так что вполне вероятно, что этот мешочек принадлежит им! Да и супругу Цзя Чжэня нельзя считать слишком старой, а она тоже приходит в сад, да еще приводит с собой Пэй-фын и Се-луань. Кто может поручиться, что эта вещь принадлежит не им?! И наконец, в саду занято много служанок, которых отнюдь нельзя считать безупречными. Может быть, какая-нибудь из них, что повзрослее, случайно узнала о «делах человеческих» и откуда-то достала этот мешочек, а то и просто завела шашни с кем-нибудь из слуг, которые сторожат вторые ворота, и тот ей преподнес – ничего определенного утверждать нельзя. Клянусь вам за себя,

госпожа, и могу поручиться за Пин-эр, что у нас в доме никогда не бывало ничего подобного! Поверьте мне, госпожа!

Госпожа Ван сочла вполне правдоподобным объяснение Фын-цзе, поэтому она только тяжело вздохнула.

– Встань! Ты ведь из благородной семьи и не допустишь подобного легкомыслия! Зря я тебя подозревала. Но что же делать? Твоя свекровь только что прислала мне эту вещь, и я до смерти разозлилась!

– Не сердитесь, госпожа, – проговорила Фын-цзе, стараясь успокоить ее. – Если бы кто-нибудь об этом пронюхал, то слух уже дошел бы до старой госпожи. Надо разузнать обо всем, не подымая шума. Даже если мы не выясним правду, все равно никто из посторонних не узнает. Кстати, можно воспользоваться тем, что многих служанок выгнали за то, что они играли в азартные игры, и поселить в саду жену Чжоу Жуя, жену Ван-эра и еще нескольких надежных женщин, якобы для присмотра за порядком. И вообще у нас развелось слишком много служанок, довольно взрослых, у которых появляются свои желания, отчего и происходят все безобразия. Когда они что-либо натворят, раскаиваться и принимать меры будет поздно! Если выгнать некоторых без всякой причины, барышни обидятся, да и нам самим будет неудобно! Лучше всего воспользоваться этой историей с азартными играми и избавиться от служанок, которые постарше. Одних можно просто выгнать, придравшись к какому-либо проступку с их стороны, других выдать замуж. Прежде всего нужно заняться слишком болтливыми и назойливыми. Тогда прекратятся всякие происшествия, и, кроме того, на этих служанках можно будет сэкономить. Как вы смотрите на мое предложение, госпожа?

– Ты всегда говоришь дельно! – признала госпожа Ван. – Но если поразмыслить, то окажется, что у каждой из твоих сестер лишь по две, по три хороших служанки, остальные – плутовки, но ни я, ни старая госпожа не согласимся на то, чтобы их выгнать. Хотя мы испытываем затруднения, мы не настолько бедны, чтобы экономить на жалованье служанок. Я сама большой роскоши не видела, но все же живу неплохо, и если нужно урезать расходы, делайте это за счет меня и не обижайте их! А пока позови жену Чжоу Жуя и других женщин и прикажи им выяснить, чей это мешочек!

Фын-цзе позвала Пин-эр и передала ей приказание госпожи Ван.

Вскоре пришла жена Чжоу Жуя. За нею следовали жена У Сина, жена Чжэн Хуа, жена Лай Вана и жена Лай Си.

Госпожа Ван была недовольна, что явилось так мало людей, ибо она опасалась, что им не под силу будет выведать то, что ей нужно. Но тут кстати появилась жена Ван Шань-бао – старая служанка госпожи Син, – которая незадолго до этого принесла госпоже Ван мускусный мешочек.

Госпожа Ван всегда относилась с уважением к женщинам, пользовавшимся доверием госпожи Син, поэтому, увидев жену Ван Шань-бао, пришедшую разузнать, чем кончилось дело с мешочком, она сказала:

– Передай своей госпоже, что я посылаю тебя в сад присматривать за порядком. Ты справишься лучше, чем кто-нибудь другой!

Жена Ван Шань-бао часто бывала в «саду Роскошных зрелищ», но служанки сада не слишком ее жаловали, и она в свою очередь старалась заметить за ними какие-нибудь грехи; однако при всех ее стараниях ничего не получалось. И сейчас она подумала: наконец-то удастся сразу за все отыграться на своих недоброжелательницах. Поэтому поручение госпожи Ван пришлось ей как нельзя по душе.

– Все будет сделано, госпожа, – заверила она. – Я никогда не говорю лишнего, но сейчас скажу прямо: нужно было давно соблюдать осторожность и построже относиться к служанкам! Вы редко бываете в саду и не знаете, что девчонки, прислуживающие барышням, ведут себя так, будто сам государь пожаловал им высокие титулы! Они переворачивают все вверх дном,

а мы не можем их придержать! Чуть что скажешь, они начинают ворчать, будто их барышень обижают! Куда это годится?!

– Конечно, служанки, прислуживающие барышням, особенно смелы и дерзки, – заметила госпожа Ван.

– Не будем говорить о других, – возразила ей жена Ван Шань-бао. – По-моему, самая наглая и вредная из них – это Цин-вэнь, которая прислуживает в комнатах Бао-юя. Эта девочка красивее других, и на язык остра, и каждый день наряжается, точно Си Ши. Но стоит сказать ей слово, она сразу на дыбы!

При этих словах госпожа Ван неожиданно что-то вспомнила и обратилась к Фын-цзе:

– Как-то раз, когда мы проходили со старой госпожой по саду, какая-то девушка отчитывала девочку-служанку. У нее была тонкая талия и покатые плечи, а глаза и брови чем-то напомнили мне сестрицу Линь Дай-юй. Поведение ее мне не понравилось, но я не сказала ни слова, поскольку рядом со мной была старая госпожа. Я подумала, что нужно узнать, кто это, но потом забыла... А сейчас мне пришло в голову, не о той ли девушке речь?

– Конечно, из всех девушек никто не обладает такой красотой, как Цин-вэнь, – согласилась Фын-цзе, – и она немного легкомысленна. Судя по вашему описанию, это была она, но я не могу утверждать точно, так как не припомню случай, о котором вы рассказали.

– Это можно выяснить! – с готовностью сказала жена Ван Шань-бао. – Позовем ее сюда, и госпожа посмотрит, она ли это.

На это госпожа Ван ответила:

– Из комнат Бао-юя ко мне обычно приходят только Си-жэнь и Шэ-юэ, остальных служанок я не знаю. Если все обстоит так, как вы говорите, тогда понятно, почему эта Цин-вэнь не смеет являться мне на глаза. Я всегда ненавидела подобных людей. А что, если она совратит Бао-юя?! Позови Цин-вэнь! – приказала она одной из служанок. – Скажи ей, что я хочу кое о чем ее спросить. Пусть она придет одна, и немедленно! Си-жэнь и Шэ-юэ могут не приходить, они должны прислуживать Бао-юю. Но смотри, ничего не рассказывай!

Девочка почтительно поддакнула ей, отправилась во «двор Наслаждения розами» и передала приказание госпожи Ван. Цин-вэнь в последнее время чувствовала себя нездоровой. В тот момент, когда прибежала служанка, она, совершенно разморенная, вставала после полуденного сна. Услышав о приказании госпожи Ван, Цин-вэнь поспешно последовала за служанкой.

Цин-вэнь не любила появляться на людях; кроме того, чувствуя недомогание, она перестала следить за своей внешностью, потому что думала, что ей простят это, поскольку она больна. Когда девушка вошла в комнату Фын-цзе, волосы ее были растрепаны, одежда помята, пояс отсутствовал. Госпоже Ван показалось, что вид у нее томный и внешностью она в точности напоминает девушку, встреченную ею в саду. Тут госпожа Ван вновь вспыхнула от гнева.

– Хороша красавица! – с холодной усмешкой воскликнула она. – Совсем как больная Си Ши! Для кого это ты каждый день так наряжаешься? Думаешь, я не догадываюсь, какими делами ты занимаешься? На этот раз я тебя прощаю, но если повторится – шкуру спущу!.. Как себя чувствует Бао-юй?

Тон госпожи Ван сначала удивил Цин-вэнь, но потом она догадалась, что кто-то хочет свести с ней счеты. Она вся вспыхнула от негодования, хотя не осмелилась произнести ни слова в свое оправдание. Она была девушкой умной и, услышав вопрос госпожи Ван, решила скрыть правду. Поэтому она поспешно опустилась на колени перед госпожой Ван и ответила:

– Я редко захожу в комнаты Бао-юя, почти никогда не встречаюсь с ним и не знаю, каково его самочувствие. Если вы хотите точно все узнать, госпожа, спросите у Си-жэнь или у Шэ-юэ.

– За такие слова тебя следует отколотить! – крикнула госпожа Ван. – Ты что, мертвая? И зачем вас всех тут держат?

– Я прежде была служанкой старой госпожи, – стала оправдываться Цин-вэнь, – но старая госпожа решила, что, так как людей в саду мало, Бао-юю там жить страшно, и поэтому послала

меня прислуживать ему, велев присматривать за его комнатами и ночевать у него в прихожей. Я сразу сказала ей, что я неловкая и прислуживать не умею, но старая госпожа обругала меня: «Я и не приказываю следить за ним! К чему тебе ловкость?!» Я не осмелилась противиться повелению старой госпожи и перешла жить в сад. Один раз в десять дней, а то и в полмесяца Бао-юй позовет меня, спросит что-нибудь и тотчас же отпускает. Еду Бао-юю подают либо старые мамки и няньки, либо Си-жэнь, Шэ-юэ и Цю-вэнь. А если у меня бывает свободное время, я должна заниматься вышиванием для старой госпожи. Вот почему я и не знаю, что делает Бао-юй. Если вы недовольны, этим, госпожа, отныне я постараюсь быть внимательнее.

– Амитофо! – воскликнула госпожа Ван. – Как я счастлива, что ты не находишься возле Бао-юя! Не буду тебя больше утруждать! Раз старая госпожа отдала тебя Бао-юю, завтра же я попрошу, чтобы она тебя выгнала оттуда.

И затем, обращаясь к жене Ван Шань-бао, госпожа Ван сказала:

– Пойдешь в сад и проследишь, чтобы она не спала в комнатах Бао-юя. Я скажу старой госпоже, чтобы она распорядилась ее наказать как следует!.. Вон! – крикнула она Цин-вэнь. – Не могу видеть такую растрепу! Кто разрешил тебе являться сюда в таком виде?!

Цин-вэнь ничего не оставалось, как удалиться. Гнев госпожи Ван огорчил ее. Выйдя за ворота, она прижала к глазам платочек и заплакала. Так, с заплаканными глазами, она и возвратилась в сад.

Между тем госпожа Ван, испытывая крайнее недовольство, говорила Фын-цзе:

– За последние годы у меня совсем не стало сил присматривать за домом. Не смогла заметить даже такую чертовку, как эта девчонка! Может быть, есть и еще похожие на нее? Надо проверить!

Фын-цзе чувствовала, что гнев госпожи Ван достиг наивысшего предела. Но здесь находилась жена Ван Шань-бао – глаза и уши госпожи Син; она часто подстрекала госпожу Син устроить какую-нибудь пакость госпоже Ван, и хотя у Фын-цзе было что сказать, она не осмелилась произнести ни звука. Опустив голову, Фын-цзе делала вид, что во всем согласна с госпожой Ван.

– Не гневайтесь, госпожа! – просила жена Ван Шань-бао госпожу Ван. – Это – мелочи, предоставьте все дело мне. Проверить поведение служанок очень легко. Вечером, когда запрут ворота в сад и никто туда не сможет проникнуть, мы внезапно нагрянем и обыщем комнаты служанок. Если у какой-нибудь из них был один «мускусный мешочек», значит найдется и другой. Этот другой, я уверена, будет принадлежать ей же.

– Верно, – одобрительно кивнула госпожа Ван. – Если мы не сделаем так, то совсем ничего не узнаем!

Затем она спросила Фын-цзе, что она думает на сей счет. Та только кивнула головой в знак согласия:

– Вы правы, госпожа, так и сделаем!

– По-моему, только так и нужно, иначе мы и за год ничего не узнаем, – снова произнесла госпожа Ван.

Таким образом, все было условлено. Вечером, после ужина, когда матушка Цзя легла спать, а Бао-чай и другие девушки ушли к себе в сад, жена Ван Шань-бао пригласила Фын-цзе пойти вместе с нею в сад, приказала запереть все калитки и начала проверку с женщин, которые по ночам дежурили у входа в сад. Но у них ничего не обнаружили, кроме нескольких лишних свечей да припрятанного лампового масла.

– Это тоже краденое, но пока не трогайте, – заметила жена Ван Шань-бао. – Завтра доложим госпоже, она сама распорядится, что делать.

Затем они отправились во «двор Наслаждения розами» и, войдя туда, приказали запереть ворота. Бао-юй был расстроен из-за истории с Цин-вэнь; заметив посторонних людей, направлявшихся в комнаты служанок, он вышел навстречу и спросил Фын-цзе, что произошло.

– Потеряна очень дорогая вещь, – ответила та, – но никто не признает себя виноватым, и возникло подозрение, что стащили служанки. Вот нам и приказали их обыскать.

С этими словами она уселась на стул и принялась пить чай.

Тем временем жена Ван Шань-бао стала тщательно осматривать комнаты. Обнаружив в одной из них несколько сундуков и расспросив, кому они принадлежат, она велела пригласить их владелиц, чтобы они сами открыли сундуки и показали их содержимое. Си-жэнь по виду Цин-вэнь уже давно поняла, что случилось что-то серьезное, поэтому она вышла первая и открыла свои сундуки. В сундуках и ящиках находились лишь самые обычные вещи. Затем стали осматривать вещи других служанок. Когда очередь дошла до сундука Цин-вэнь, жена Ван Шань-бао спросила:

– Это чей сундук? Почему его не открыли?

Си-жэнь подбежала к сундуку и хотела открыть, но ее опередила Цин-вэнь. Наспех зачесав волосы, она ворвалась в комнату, с шумом распахнула сундук, собралась с силами и перевернула его – все вещи рассыпались по полу.

Жене Ван Шань-бао стало неудобно, она даже покраснела от смущения:

– Не гневайтесь, барышня! Мы пришли не по собственной прихоти, это госпожа велела нам устроить у вас обыск! Если вы позволите осмотреть ваши вещи – мы осмотрим, не позволите – доложим госпоже. Зачем сердиться?

Слова жены Ван Шань-бао только подлили масла в огонь.

– Если тебя прислала сюда госпожа, как ты говоришь, то меня прислала старая госпожа! – запальчиво крикнула Цин-вэнь. – Я прекрасно знаю всех, кто прислуживает госпоже, но среди них нет ни одной такой, как ты, которая сует нос не в свои дела!

Язвительные слова Цин-вэнь пришлись по вкусу Фын-цзе, но, оберегая престиж госпожи Син, она прикрикнула на девушку.

Жене Ван Шань-бао было стыдно, вместе с тем она рассердилась и хотела что-то сказать, но Фын-цзе не дала ей рта раскрыть:

– Не связывайся с ними, мамаша! Обыскивай, как тебе приказали. Нам предстоит еще много работы. Если мы будем медлить, слух об обыске разнесется повсюду и служанки спрячут все компрометирующее их! Тогда можешь пенять на себя, я ни за что не отвечаю!

Скрежеща зубами от злости, жена Ван Шань-бао проглотила обиду, окончила обыск, и поскольку ничего предосудительного не было найдено, она доложила об этом Фын-цзе и предложила идти дальше.

– Гляди получше, – приказала Фын-цзе. – Если ничего не найдешь, трудно будет отвечать перед госпожой.

– Мы все перевернули вверх дном, – ответила жена Ван Шань-бао. – Нашли лишь несколько мужских вещей, которые, наверное, принадлежали второму господину Бао-юю в детстве.

– В таком случае идем дальше, – с улыбкой сказала Фын-цзе. – Посмотрим у других служанок!

Она направилась к выходу, на ходу говоря женщине:

– Я хотела бы кое-что тебе посоветовать, но не знаю, согласишься ли ты. Нужно обыскивать только своих, а устраивать обыск в комнатах барышни Сюэ Бао-чай не годится – она ведь не из нашей семьи.

– Само собой разумеется, – отозвалась жена Ван Шань-бао. – Разве можно обыскивать родственников, да еще если они в гостях?

– Вот и я так думаю, – ответила Фын-цзе.

Они направились в «павильон реки Сяосян». Дай-юй уже легла спать, как вдруг ей доложили, что кто-то пришел. Не зная, в чем дело, она хотела встать, но тут в комнату вошла Фын-цзе, которая сделала ей знак не вставать.

– Лежи, мы сейчас уйдем! – сказала Фын-цзе.

С этими словами она присела на стул и принялась болтать с Дай-юй о пустяках.

Между тем жена Ван Шань-бао прошла в комнату служанок. Среди вещей Цзы-цзюань она обнаружила два талисмана с именем Бао-юя, его пояс, два кошелька и чехол для веера.

Вне себя от радости, жена Ван Шань-бао пригласила Фын-цзе посмотреть находки.

– Откуда у нее эти вещи? – со злорадством говорила она.

– Бао-юй с самого детства играет с Дай-юй, – с улыбкой возразила ей Фын-цзе, – конечно, это вещи Бао-юя. Что касается веера и талисманов, то даже сама старая госпожа, да и его матушка давно видели их у девушки. Если не веришь, можешь забрать и показать им!

– Ваших слов для меня достаточно, – с улыбкой ответила жена Ван Шань-бао.

– Брось эти вещи, ничего особенного в них нет, – сказала Фын-цзе, – пойдем дальше!

– Мы и сами не знаем, что кому принадлежит! – заметила Цзы-цзюань. – Если вы спрашиваете об этих вещах, то даже я затрудняюсь ответить, когда их получила!

Фын-цзе и жена Ван Шань-бао не стали ее слушать и отправились к Тань-чунь. Но кто-то уже успел предупредить Тань-чунь. Она и сама догадалась, что такая крайняя мера вызвана серьезной причиной. Она созвала служанок, велела им зажечь все светильники и дожидаться, пока придут с обыском.

– В чем дело? – спросила она, когда пришла Фын-цзе.

– Недавно была утеряна одна ценная вещь, – объяснила Фын-цзе, – уже несколько дней мы не можем найти ее. Чтобы никто не говорил, будто ее украли наши служанки, и чтобы рассеять подозрения, решено обыскать всех.

– Ну разумеется, все мои служанки – грабительницы! – улыбнулась Тань-чунь. – А я – главарь воровского притона! Сначала обыскивайте мои сундуки и шкафы – все краденое служанки передают на хранение мне!

Она приказала служанкам открыть все сундуки и шкафы, принести все туалетные ящики, свертки с украшениями, одеялами и одеждой и показать Фын-цзе.

– Я действую лишь по приказу госпожи! – с улыбкой проговорила Фын-цзе. – Не сердись, сестрица! Скорее закройте все сундуки, принадлежащие барышне! – приказала она.

Пин-эр и Фын-эр бросились помогать Ши-шу собирать разбросанные вещи.

– Мои вещи можете обыскивать, – с усмешкой сказала Тань-чунь, – но оставьте в покое моих служанок! Не в пример другим девушкам я знаю все вещи, которые принадлежат им, как свои пять пальцев, и они лежат у меня в комнате. Даже иголку с ниткой они от меня не спрячут! Поэтому обыскивайте только меня! Если не согласны, доложите госпоже, что я осмелилась ее послушаться, пусть она меня накажет. Не торопитесь, еще успеете меня ограбить! Разве сегодня утром не вы осуждали семью Чжэнь, будто у них свои же растащили имущество? Да, в самом деле растащили! Вот и вы за это взялись! Разорить знатную семью извне невозможно! Недаром древние говорили: «Стоногое насекомое и после смерти не падает!» Полное разорение начинается изнутри!

Тут на глаза ее навернулись слезы. Фын-цзе делала вид, будто не замечает состояния Тань-чунь, и только следила за всем происходящим.

– Поскольку вещи служанок находятся здесь, не будем продолжать обыск, пойдем в другое место, госпожа, – предложила жена Чжоу Жуя.

Фын-цзе поднялась и стала прощаться.

– Все? – спросила Тань-чунь. – Если вздумаете завтра еще прийти, не позволю обыскивать!

– Больше не потребует, поскольку вещи служанок мы проверили, – ответила Фын-цзе.

– Ты на самом деле ловкая! – усмехнулась Тань-чунь. – Не только вещи служанок, но и мои собственные узлы раскидали, а потом скажешь, что ничего не смотрели. Может быть,

завтра ты еще заявишь, что я защищаю служанок и не разрешила вам устраивать обыск? Говори прямо: нужно еще обыскивать? Если нужно – ищите!

Зная, что Тань-чунь очень своенравна, Фын-цзе с улыбкой стала успокаивать ее:

– Ты же сама говоришь, что проверили не только вещи служанок, но и твои собственные.

Тогда Тань-чунь обратилась к женщинам, производившим обыск:

– Ну, все обыскали?

– Все, – отозвалась жена Чжоу Жуя.

Надо сказать, что жена Ван Шань-бао дальновидностью не отличалась. Она часто слышала имя Тань-чунь, но думала, что слуги боятся девушку потому, что сами недостаточно смелы, Разве может барышня быть смелой и решительной?! Да еще дочь наложницы?! Пользуясь покровительством госпожи Син, жена Ван Шань-бао думала, что если уж госпожа Ван с ней считается, что говорить о других?! Она решила, что Тань-чунь сердится только на Фын-цзе, поэтому совсем «расхрабрилась». Хихикая, она подняла полу халата Тань-чунь и с наглым видом заявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.